НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей

Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ.

Методы психологіи II.

Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ", СПБ.
1913.

Типографія „Печатный Трудъ“, Спб., Прачешный пер., № 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Ю Филипченко. Предметъ зоопсихологіи и ея методы . . . 1
С Сухановъ. Патопсихологія 30
Л Оршанскій. Наблюденія надъ дѣтьми въ современной психологіи 66
В Вундтъ. Психологія въ борьбѣ за существованіе. *Перев. Г. Котляръ* 93

Ю. Филипченко.

Предметъ зоопсихологіи и ея методы.

За послѣднее время сперва въ нѣмецкой, а затѣмъ и въ русской литературѣ снова всплылъ вопросъ о „думающихъ лошадяхъ“. Мы говоримъ—снова, такъ какъ одна изъ этихъ лошадей, именно „умный Гансъ“ нашумѣла въ Берлинѣ уже около 10 лѣтъ тому назадъ. Однако, послѣ изслѣдованія этой лошади спеціальной научной коммиссіей съ профессоромъ Штумпфомъ во главѣ интересъ къ „умному Гансу“ быстро исчезъ, такъ какъ коммиссія высказалась противъ признанія у него настоящихъ разумныхъ способностей и склонна была объяснить всѣ поступки этой любопытной лошади путемъ подачи ей знаковъ со стороны кого-нибудь изъ присутствующихъ, подачи, часто совершенно непредумышленной и невольной. Тотъ же „умный Гансъ“, который могъ читать, считать, владѣлъ простѣйшими математическими дѣйствіями, зналъ стоимость монетъ и пр., становился втупикъ передъ самымъ незамысловатымъ вопросомъ, если рѣшеніе послѣдняго было неизвѣстно никому изъ присутствующихъ.

Послѣ смерти своего перваго владѣльца „умный Гансъ“ перешелъ къ богатому купцу Краллю, который продолжалъ работать надъ нимъ въ томъ же на-

правлении, а также подвергъ обученію двухъ новыхъ лошадей, арабскихъ жеребцовъ „Магомета“ и „Шарифа“. Около года тому назадъ онъ выпустилъ обширное изслѣдованіе объ этихъ лошадяхъ, гдѣ описываются результаты, еще болѣе интересные, чѣмъ удалось получить прежде съ „умнымъ Гансомъ“. Достаточно сказать, что у г-на Кралля животныя продѣлываютъ не только четыре ариѳметическихъ дѣйствія, но даже возвышаютъ въ степень и извлекаютъ корни (вплоть до корня пятой степени), ими выработанъ вмѣсто простого выстукиванья числа копытомъ болѣе удобный способъ обозначенія чиселъ (единицы выстукиваются правой ногой, десятки лѣвой, сотни опять правой и т. д.), общепринятая орографія переиначивается на свой собственный, „лошадиный“ ладъ и пр.

Появленіе книги Кралля, несмотря на парадоксальность всѣхъ этихъ данныхъ, снова привлекла къ думающимъ лошадямъ всеобщее вниманіе, что выразилось прежде всего въ появленіи по этому вопросу цѣлой литературы. Въ рефератѣ Гемпельманна [1]), появившемся въ концѣ ноября 1912 года, указано уже 28 статей и замѣтокъ о лошадяхъ Кралля; теперь число ихъ, конечно, уже значительно больше.

Какъ это обычно бываетъ, среди лицъ, высказывавшихся по поводу данныхъ Кралля, нашлись и сторонники и довольно ярые противники признанія разумности у лошадей; не было недостатка и въ просто колеблющихся, настаивающихъ на необходимости болѣе тщательнаго изученія этого явленія. Несмотря на наличность довольно суроваго приговора по поводу разумныхъ способностей „умнаго Ганса“ со стороны прежней коммиссіи профессора Штумпфа, среди сто-

[1]) Hempelmann. Das Problem der Erberfelder „denkenden Pferde“.—Zentralblatt für Zoologie, allgemeine und experimentelle Biologie, Band I, № 11/12

ронниковъ Кралля оказались такія имена, какъ Геккель, Оствальдъ, Циглеръ и др.

Мы не будемъ, однако, разбирать здѣсь этого вопроса болѣе подробно—и въ силу двухъ причинъ. Во-первыхъ, въ русской литературѣ появились уже спеціальныя статьи о думающихъ лошадяхъ В. А. Вагнера (въ газетѣ „Рѣчь“) и Н. А. Холодковскаго. („Русское Богатство“ 1912 г. № 3). Во-вторыхъ, насъ интересуетъ сейчасъ болѣе общій вопросъ вообще о разумности животныхъ, вопросъ, съ котораго наиболѣе естественно начать обзоръ болѣе новыхъ данныхъ зоопсихологіи, а для рѣшенія этого вопроса злободневный споръ объ „умномъ Гансѣ“, Магометѣ и Царифѣ едва ли можно признать особенно пригоднымъ. Однако, самая возможность подобнаго спора служитъ наглядным доказательствомъ того, что вопросъ о разумности въ животномъ царствѣ не такъ уже простъ и требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія,

Допущеніе, что животныя, по крайней мѣрѣ, высшія, надѣлены, подобно человѣку, разумными способностями, составляетъ довольно распространенное убѣжденіе среди широкой публики. Было время, когда въ этомъ не сомнѣвались и лица, специально занимавшіяся этимъ вопросомъ. Достаточно будетъ, если мы назовемъ среди нихъ изъ болѣе извѣстныхъ именъ Дарвина, Роменса, Вундта и многихъ другихъ. Однако, по мѣрѣ накопленія все новыхъ и новыхъ наблюденій и оцѣнки ихъ при помощи критическаго метода, убѣжденіе это сильно поколебалось, и въ настоящее время, если и нельзя считать (какъ дѣлаютъ нѣкоторые) отсутствіе разума въ животномъ царствѣ доказаннымъ, то все же приходится признать, что центръ тяжести психологіи животныхъ лежитъ отнюдь не въ разумныхъ способностяхъ.

Если мы начнемъ разборъ этого рода данныхъ съ существъ болѣе низшихъ, напримѣръ, съ насѣкомыхъ, которыхъ многіе изъ прежнихъ наблюдателей тоже были не прочь надѣлить настоящими разумными способностями, то относительно нихъ, мы увидимъ, теперь уже не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній, что разумныхъ способностей они лишены совершенно. Жизнь насѣкомыхъ такъ сложна, многія изъ ихъ дѣйствій отличаются такой чрезвычайной сложностью, что съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ. Однако, наблюденія цѣлаго ряда выдающихся изслѣдователей, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Фабру, съ несомнѣнностью говорятъ, что все богатство и сложность психической жизни насѣкомыхъ сводится безъ остатка къ дѣятельности инстинктивной.

Какъ бы мы ни опредѣляли понятіе инстинкта, наиболѣе характерной особенностью его, въ отличіе отъ дѣйствій чисто разумныхъ, является безсознательная цѣлесообразность. Закрѣпленный въ теченіе ряда поколѣній путемъ естественнаго подбора каждый инстинктъ отличается удивительной цѣлесообразностью иногда настолько яркой, что Фабръ, напримѣръ, говоритъ не разъ о „мудрости инстинкта“. Одаренное извѣстнымъ инстинктомъ животное не нуждается ни въ обученіи, ни въ упражненіи и отлично выполняетъ всѣ свои дѣйствія съ перваго же раза; однако, въ то же время оно лишено сознанія ихъ цѣли и становится втупикъ въ тѣхъ случаяхъ, когда условія мѣняются. Книга Фабра [1])—хотя бы его классическія наблюденія надъ песочными осами, или любое изслѣдованіе по біологіи и психологіи насѣкомыхъ—даетъ намъ множество примѣровъ этого рода. Тотъ же самый сфексъ,

[1]) Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Переводъ Шевыревой.

который умерщвляетъ своихъ жертвъ, парализуя жаломъ ихъ нервные центры, неспособенъ втащить ихъ въ норку иначе, какъ за усикъ; халикодома, продолжающая строить ячейку, хотя она уже дана ей въ готовомъ видѣ и наполнена запасами меда; безконечное множество подобныхъ же примѣровъ изъ жизни какъ одиночныхъ, такъ и общественныхъ насѣкомыхъ —все это съ несомнѣнностью говоритъ за то, что наиболѣе сложныя дѣйствія ихъ имѣютъ въ своей основѣ лишь одни инстинкты и лишены той сознательной цѣлесообразности, которая характерна для дѣйствій разумныхъ.

Однако, многіе не склонны отвѣчать на этотъ вопросъ столь безапелляціонно и готовы допустить у насѣкомыхъ при несомнѣнномъ преобладаніи дѣйствій чисто инстинктивныхъ и незначительную, правда, долю разума. Это дѣлаетъ, напримѣръ, тотъ же Фабръ, которому въ нашемъ знакомствѣ съ психикой насѣкомыхъ мы обязаны, пожалуй, больше, чѣмъ кому бы то ни было. Изъ другихъ болѣе извѣстныхъ въ настоящее время именъ можно назвать швейцарскаго психіатра и знатока жизни муравьевъ Фореля и нѣкоторыхъ другихъ.

Было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь тѣ аргументы, которые приводились ими въ пользу этого воззрѣнія, точно такъ же, какъ и тѣ возраженія, которыя выдвигались противоположной стороной. Можно лишь указать при этомъ на одно въ высшей степени важное соображеніе, значеніе котораго особенно сильно подчеркивается однимъ изъ крупныхъ зоопсихологовъ нашего времени—Васманомъ. „Мы не имѣемъ права, пишетъ онъ, приписывать животнымъ никакихъ высшихъ психическихъ функцій, какъ только тѣ, какія они, видимо, обнаруживаютъ... Эти психическіе процессы (инстинктивные) образуютъ въ человѣкѣ наи-

болѣе низко стоящія и наиболѣе простыя формы душевной дѣятельности; поэтому по нимъ мы должны прежде всего оцѣнивать и проявленія животной душевной жизни; разсужденіе и свободный выборъ мы можемъ привлекать на помощь, какъ основаніе для объясненія, только тамъ, гдѣ этихъ простѣйшихъ безсознательно-цѣлесообразныхъ ассоціацій оказывается недостаточно" [1]).

Если подойти съ этой точки зрѣнія — оспаривать которую во всякомъ случаѣ очень трудно—къ тѣмъ фактамъ, которые приводятъ, напримѣръ, Фабръ или Форель въ доказательство разумности насѣкомыхъ, то ихъ трудно признать достаточными. Въ частности тѣ факты, на которые ссылался Фабръ, чрезвычайно обстоятельно и остроумно разобраны въ одной изъ книгъ Вл. Вагнера [2]), разборъ другихъ возраженій можно найти въ упомянутой выше книгѣ Васманъ,—къ нимъ мы и отсылаемъ читателя.

Мы нарочно начали съ насѣкомыхъ, которыя и по своей организаціи и по біологическимъ особенностямъ занимаютъ одно изъ высшихъ мѣстъ среди безпозвоночныхъ животныхъ. Если вся психическая жизнь насѣкомыхъ сводима на дѣйствія чисто инстинктивныя и не требуетъ для своего объясненія допущенія разума, то тѣмъ болѣе мы не въ правѣ ожидать разумныхъ способностей у другихъ безпозвоночныхъ, стоящихъ во многомъ ниже насѣкомыхъ. И, дѣйствительно, поиски разума у самыхъ различныхъ представителей этой наиболѣе обширной группы животнаго царства приводятъ повсюду къ тому же—отрицательному—результату.

[1]) Васманъ. Итоги сравнительной психологіи. Перев. Караваева, стр. 9—10 и 130.

[2]) Вл. Вагнеръ. Психологія животныхъ. 1902, стр. 116—170.

Теперь мы должны перейти къ высшему типу животныхъ,—къ животнымъ позвоночнымъ, заключительнымъ звеномъ которыхъ является человѣкъ, и посмотрѣть, какъ обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи у нихъ. Отрицаніе разумности даже у наиболѣе высоко стоящихъ безпозвоночныхъ въ родѣ насѣкомыхъ, конечно, ровно ничего не говоритъ о томъ, присущъ разумъ позвоночнымъ животнымъ или нѣтъ: здѣсь a priori возможно какъ то же самое положеніе вещей, такъ и діаметрально противоположныя отношенія. Чтобы сократить разсмотрѣніе этого вопроса, мы оставимъ и здѣсь психику низшихъ позвоночныхъ совершенно въ сторонѣ и остановимся, главнымъ образомъ, на ихъ высшемъ классѣ, именно, на млекопитающихъ.

Казалось бы, наличность разума у млекопитающихъ не можетъ возбуждать ни у кого никакихъ сомнѣній, такъ какъ многочисленныя данныя этого рода изъ жизни собакъ, лошадей и другихъ близкихъ къ человѣку животныхъ извѣстны каждому. Дѣло, однако, въ дѣйствительности обстоитъ далеко не такъ. Правда, въ произведеніяхъ многихъ, даже извѣстныхъ спеціалистовъ постоянно можно найти указанія, что разумныя способности у этихъ животныхъ, несомнѣнно, существуютъ и притомъ въ формѣ, довольно близкой къ человѣческому разуму. Однако, утвержденіе это теряетъ свою несомнѣнность, если мы обратимся къ опытамъ, поставленнымъ специально для выясненія этого вопроса, а также къ болѣе точнымъ наблюденіямъ. Особенно интересны въ этомъ отношеніи опыты цѣлаго ряда американскихъ изслѣдователей,—Торндайка, Хобхуза, Киннемана, произведенные, главнымъ образомъ, надъ обезьянами.

Несмотря на всю человѣкоподобность поведенія послѣднихъ, внимательное изученіе его привело трехъ

названныхъ изслѣдователей къ почти единодушному заключенію, что у обезьянъ можно говорить лишь о тѣхъ или иныхъ ассоціаціяхъ по смежности или по сходству, а отнюдь не объ истинныхъ умозаключеніяхъ. „Относительно обезьянъ, точно такъ же, какъ и относительно остальныхъ млекопитающихъ, мы имѣемъ положительныя доказательства въ пользу отсутствія у нихъ какой бы то ни было общей мыслительной способности", пишетъ, напримѣръ, Торндайкъ [1]).

Приблизительно къ такому же заключенію пришелъ на основаніи цѣлаго ряда опытовъ и Морганъ относительно собакъ: онъ находитъ, что и у нихъ совершенно отсутствуетъ мыслительная способность.

Довольно подробно разобранъ вопросъ о разумности позвоночныхъ животныхъ въ недавно появившейся книгѣ нашего русскаго зоопсихолога Вл. Вагнера [2]). Онъ считаетъ, что послѣднія, въ отличіе отъ безпозвоночныхъ, не лишены элементовъ разумныхъ способностей, именно, памяти и способности къ ассоціаціямъ. Память у всѣхъ представителей позвоночныхъ идентична съ памятью человѣка и принципіально отлична отъ инстинктивной памяти безпозвоночныхъ. Ассоціаціи у млекопитающихъ и птицъ также, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто, но лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ объ ассоціаціи дѣйствія съ предметомъ и дѣйствія съ дѣйствіемъ: ассоціаціи же по сходству у животныхъ не могутъ считаться доказанными. Переходя къ высшимъ разумнымъ способностямъ (цѣлепониманіе, умозаключеніе, абстракція), Вл. Вагнеръ, однако, категорически отказывается признать ихъ существованіе у кого-нибудь даже изъ наиболѣе высоко организованныхъ позвоночныхъ и считаетъ ихъ присущими лишь

[1]) Цитировано по Васману.

[2]) Вл. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. II. 1913 .

человѣку.—Такимъ образомъ, онъ въ общемъ сходится во взглядахъ съ вышеупомянутыми американскими изслѣдователями. Правда, разумная способность въ ея наиболѣе элементарной формѣ не отрицается имъ у животныхъ совершенно, но, во всякомъ случаѣ, вводится въ очень тѣсныя рамки.

Наиболѣе ярымъ противникомъ разумности какихъ бы то ни было животныхъ, все равно, будутъ ли это существа болѣе низко организованныя въ родѣ насѣкомыхъ или же высшіе представители типа позвоночныхъ (за исключеніемъ, конечно, человѣка), является Васманъ. Разбору этого вопроса посвящена одна изъ его болѣе крупныхъ работъ „Instinkt und Intelligenz im Tierreich“ [1]), гдѣ собраны какъ всѣ имѣющіяся по этому вопросу литературныя данныя, такъ дано и освѣщеніе его съ болѣе общей точки зрѣнія. Какъ бы ни относиться къ міровоззрѣнію самого Васмана, являющагося не только крупнымъ біологомъ и зоопсихологомъ, но и сторонникомъ чисто теологическаго взгляда на вещи, съ его книгой приходится очень считаться.

Нельзя не отмѣтить, что къ вопросу о разумности животныхъ, особенно у защитниковъ его положительнаго рѣшенія, примѣшивается нерѣдко еще одинъ элементъ, именно, опасеніе, чтобы, отвергнувъ разумныя способности даже у высшихъ позвоночныхъ, не сойти съ строго эволюціонной точки зрѣнія. Мы знаемъ, что, какъ выразился Дарвинъ, человѣкъ обязанъ своимъ существованіемъ длинному ряду предковъ; мы знаемъ затѣмъ, что всѣ его особенности произошли отъ другихъ особенностей, бывшихъ въ свое время у нашихъ животныхъ предковъ. Значитъ—нерѣдко дѣлаютъ выводъ—разумность человѣка могла произойти лишь изъ

[1]) Переведена, какъ первая часть упомянутой выше книги Васмана, на русскій языкъ Караваевымъ.

чего-нибудь подобнаго же ей у существъ, стоявшихъ на болѣе низкой ступени развитія—слѣдовательно, разумныя способности должны быть хотя бы у высшихъ животныхъ.

Однако, прошло уже время, когда старинное изрѣченіе „natura non facit saltus“ являлось своего рода „золотымъ правиломъ“ біологіи. Съ появленіемъ на сцену мутаціонной теоріи де-Фриза, съ возникновеніемъ такъ называемаго ученія о свойствахъ, взглядъ на эти вещи сильно измѣнился, и теперь даже сторонники существованія медленныхъ и постепенныхъ измѣненій не отрицаютъ, что во многихъ случаяхъ новыя свойства, новыя особенности возникали, вѣроятно, внезапно, безъ всякихъ переходовъ, путемъ скачка. А если это такъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что яркая искра разума могла зародиться у предковъ современнаго человѣка безъ какихъ бы то ни было переходовъ, совершенно внезапно. Слѣдовательно, мы можемъ рѣшать вопросъ о разумности животныхъ совершенно объективно и спокойно, безъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ мыслей и безъ опасенія, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на него мы будемъ немедленно взяты подъ подозрѣніе „въ неблагонадежности по эволюціонной части“.

Такъ или иначе, можемъ ли мы теперь категорически отвѣтить на вопросъ, присуща ли разумность одному человѣку или же онъ раздѣляетъ ее съ высшими представителями царства животныхъ? Пожалуй, благоразумнѣе будетъ воздержаться отъ этого и оставить вопросъ о разумныхъ способностяхъ животныхъ на нѣкоторое время подъ сомнѣніемъ, хотя (какъ кажется, въ частности, пишущему эти строки) то, что мы уже знаемъ теперь, скорѣе говоритъ противъ разумности въ животномъ царствѣ, чѣмъ за нее, особенно если понимать подъ разумомъ не только его

элементы въ родѣ памяти или простѣйшихъ ассоціацій, а брать это понятіе въ той формѣ, которая присуща человѣку.

Какъ бы то ни было, центръ тяжести зоопсихологіи лежитъ отнюдь не въ изученіи разумныхъ способностей животныхъ, а совсѣмъ въ другомъ, именно, въ изслѣдованіи животныхъ инстинктовъ, такъ какъ психологія животныхъ, даже наиболѣе высшихъ, есть психологія инстинктовъ по преимуществу.

Мы сказали—инстинктовъ, но вѣдь одними разумными актами и инстинктами не исчерпывается вся психика человѣка: если оставить совершенно въ сторонѣ его высшіе, волевые и сознательные психическіе акты, то все же среди низшихъ, автоматическихъ и безсознательныхъ актовъ мы имѣемъ, помимо дѣятельности инстинктивной, еще обширное количество рефлексовъ.—Каково же значеніе актовъ чисто рефлекторныхъ въ психикѣ животныхъ и нельзя ли свести послѣднюю, по крайней мѣрѣ, у низшихъ формъ на одни рефлексы безъ всякаго участія инстинктовъ?

Что жизнь наиболѣе низко организованныхъ животныхъ состоитъ, быть можетъ, изъ однихъ рефлексовъ, при томъ рефлексовъ довольно простыхъ, это въ общемъ довольно вѣроятно. Однако, существуетъ цѣлое направленіе, старающееся свести къ рефлекторнымъ актамъ жизнь даже болѣе высоко-организованныхъ животныхъ вплоть до насѣкомыхъ и даже позвоночныхъ, при чемъ сторонники этого взгляда разсматриваютъ инстинкты лишь какъ болѣе сложные рефлексы.

Основателемъ и самымъ виднымъ представителемъ этого направленія является одинъ изъ крупнѣйшихъ американскихъ біологовъ Жакъ Лёбъ [1]).—Въ свое

[1]) Loeb Einleitung in die vergleichende Gehirnphysiologie und vergleichende Psychologie. Leipzig. 1899.

время этимъ изслѣдователемъ совмѣстно со многими другими была разработана такъ называемая теорія тропизмовъ, согласно которой движенія одноклѣточныхъ организмовъ, точно такъ же, какъ и растеній, объясняются на почвѣ раздражимости или чувствительности, т.-е. способности реагировать на тѣ или иныя воздѣйствія внѣшняго міра. Подъ вліяніемъ тепла возникаетъ движеніе къ нему или отъ него—положительный или отрицательный термотропизмъ, подъвліяніемъ свѣта возникаетъ подобный же фототропизмъ или геліотропизмъ, сила тяжести служитъ источникомъ геотропизма и т. д. Не останавливаясь на этой теоріи и приложимости того толкованія, которое даетъ Лёбъ, даже къ простѣйшимъ, отмѣтимъ лишь, что онъ переноситъ ее цѣликомъ и на высшихъ многоклѣточныхъ животныхъ.

Стремленіе многихъ животныхъ, напримѣръ, къ свѣту, по Лёбу, есть не что иное, какъ тотъ же геліотропизмъ, который управляетъ движеніями головки подсолнечника; выползаніе гусеницъ одной изъ бабочекъ (златогузки) весной на вершину дерева, гдѣ онѣ находятъ первую пищу въ видѣ молодыхъ почекъ, онъ обозначаетъ, какъ положительный геліотропизмъ, сохраняющійся у гусеницъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онѣ голодны. Совершенно подобнымъ же образомъ рядъ сложныхъ инстинктовъ животныхъ, заставляющихъ ихъ отыскивать пищу, является, по Лёбу, не болѣе, какъ хемотропизмомъ, т.-е. стремленіемъ къ извѣстнымъ химически дѣйствующимъ на протоплазму веществамъ, и по существу мало отличнымъ отъ того хемотропизма, подъ вліяніемъ котораго бѣлые кровяные шарики поѣдаютъ бактерій. Охватыванье самки самцомъ во время полового акта есть частный случай стереотропизма, т.-е. стремленія приводить свое тѣло въ соприкосновеніе съ твердыми тѣлами, и т. д. и т. д.

Теорія Лёба, несмотря на рядъ направленныхъ противъ нея возраженій, нашла цѣлый рядъ сторонниковъ. Одинъ изъ нихъ—Бетэ—выпустилъ спеціальную статью, посвященную вопросу—„имѣемъ ли мы право приписывать муравьямъ и пчеламъ психическія способности?“ [1]). Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ „нѣтъ“ и видитъ въ насѣкомыхъ простыя „рефлекторныя машины“, сравнивая ихъ даже съ игрушкой, которая приводится въ движеніе путемъ притяженія магнитомъ. Напримѣръ, выходъ муравья изъ гнѣзда за пищей и обратное возвращеніе съ ней домой объясняется въ высшей степени просто: присутствіе ноши вызываетъ рефлексъ — движеніе къ гнѣзду, ея отсутствіе—другой рефлексъ—движеніе отъ гнѣзда.

Нечего и говорить, что теорія Бетэ вызвала самый рѣзкій отпоръ и всестороннюю критику со стороны другихъ знатоковъ жизни насѣкомыхъ. Не останавливаясь на ней подробно, укажемъ лишь двѣ наиболѣе интересныя статьи—Васмана [2]) и Буттель-Рипена [3]). Едва ли нужно говорить, что и оба этихъ автора, и рядъ другихъ, не менѣе извѣстныхъ, спеціалистовъ категорически отказались присоединиться къ Бетэ и разсматривать сложнѣйшую инстинктивную жизнь насѣкомыхъ, какъ подобный рефлекторный механизмъ.

Подобнымъ же образомъ рядъ различныхъ зоопсихологовъ и просто біологовъ подвергли не менѣе суровой критикѣ общую теорію Лёба о сведеніи всѣхъ инстинктовъ животныхъ къ однимъ тропиз-

[1]) Bethe. Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitaten zuschreiben?—Pflügers Archiv. Bd. 70. 1898.

[2]) Wasmann. Eine neue Reflextheorie des Ameisenlebens. Biolog. Centralbl. Bd. 18. 1898.

[3]) Buttel-Riepen. Sind die Bienen Reflexmaschinen? Biolog. Centralbl. Bd. 20. 1900.

мамъ. Несостоятельность послѣдней для каждаго непредубѣжденнаго человѣка настолько ясна сама по себѣ, что мы можемъ не останавливаться здѣсь на этомъ. Укажемъ лишь, что подробную критику воззрѣній Лёба въ имѣющейся на русскомъ языкѣ литературѣ можно найти, во-первыхъ, въ упомянутой выше книгѣ Васмана и, во-вторыхъ, въ одной изъ книгъ Вл. Вагнера [1]), который остроумно называетъ теорію Лёба „монизмомъ снизу", противопоставляя его „монизму сверху", который готовъ мѣрить психику всѣхъ животныхъ человѣческимъ масштабомъ, доходя до признанія разумной дѣятельности даже у простѣйшихъ.

Итакъ, несмотря на наличность теоріи Лёба, Бетэ и другихъ, мы все же съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что психическая жизнь животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ, т.-е. позвоночныхъ, членистоногихъ, моллюсковъ, сводится, главнымъ образомъ, къ инстинктамъ, которые достигаютъ у многихъ изъ нихъ необычайной сложности. Что касается до рефлекторныхъ актовъ, то у высшихъ животныхъ, какъ и у человѣка, они играютъ подчиненную роль, и изученіе ихъ есть и здѣсь предметъ не столько психологіи, сколько нервной физіологіи. Вл. Вагнеръ вполнѣ правильно опредѣляетъ въ качествѣ психической дѣятельности лишь инстинктъ и разумъ, противопоставляя имъ дѣятельность до-психическую, рефлекторную, которая, по его мнѣнію, лежитъ уже за предѣлами психологіи въ точномъ смыслѣ слова (см. его „Біологическія основанія" т. II, гл. 1).

Богатство психической жизни животныхъ инстинктами и дѣлаетъ ее особенно интереснымъ объектомъ.

[1]) Вл. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. I. 1910.

изученія для психолога. Инстинктивныхъ актовъ много, конечно, и у человѣка, но они маскируются здѣсь разумною дѣятельностью, высшими волевыми и сознательными актами, изученіемъ которыхъ и занята, главнымъ образомъ, психологія человѣка. Въ частности у послѣдняго инстинктъ, т.-е. врожденный автоматизмъ, можетъ быть смѣшанъ съ привычкой, т.-е. результатомъ личнаго упражненія, который сталъ уже стереотипнымъ, хотя эти два рода явленій не имѣютъ между собой по своему истинному характеру ничего общаго. Зоопсихологія тѣмъ и важна для насъ, что въ ней мы знакомимся съ низшей ступенью психической жизни, инстинктомъ, притомъ въ его наиболѣе чистой формѣ.

Таково значеніе этой дисциплины и мы должны остановиться теперь на вопросѣ, каковы тѣ пріемы, съ помощью которыхъ зоопсихологи изучаютъ инстинкты животныхъ, какими методами для своихъ цѣлей располагаетъ психологія животныхъ.—Вопросъ о методахъ изученія инстинктовъ въ животномъ царствѣ особенно подробно разработанъ Вл. Вагнеромъ сперва въ двухъ спеціальныхъ работахъ, затѣмъ въ недавно вышедшей книгѣ по біопсихологіи [1]), такъ что мы остановимся здѣсь, главнымъ образомъ, на взглядахъ послѣдняго.

При изученіи инстинктовъ какъ безпозвоночныхъ, такъ и позвоночныхъ животныхъ, по Вагнеру, приходится пользоваться тремя методами или пріемами. Первымъ изъ нихъ является установленіе типа даннаго инстинкта и его колебаній: этотъ методъ является основ-

[1]) Вл. Вагнеръ. L'industrie des Araneina. Mem. Acad. Sc. St. Petersburg (VII) T. 42. 1894.

Вл. Вагнеръ. Біологическій методъ въ зоопсихологіи.— Тр. СПБ. Общ. Ест. Т. 33. 1901.

Вл. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. I. 1910.

нымъ и подготовляетъ матеріалъ для обработки его съ помощью двухъ другихъ методовъ. Задачей втораго изъ нихъ является установленіе родственной связи инстинктовъ близкихъ другъ къ другу формъ между собою, почему этотъ методъ называется авторомъ филогенетическимъ (филогенія — ученіе о родственной связи организмовъ другъ съ другомъ или исторія развитія извѣстнаго вида въ теченіе вѣковъ). Третьимъ методомъ является методъ онтогенетическій (онтогенія — исторія развитія особи), который изслѣдуетъ развитіе инстинктовъ особи въ теченіе ея индивидуальнаго развитія.—Остановимся на каждомъ изъ этихъ методовъ отдѣльно, при чемъ возьмемъ для нихъ тѣ же примѣры, которыми пользуется и самъ авторъ изъ своихъ многочисленныхъ научныхъ работъ по біологіи и психологіи пауковъ, птицъ и насѣкомыхъ.

Итакъ, въ чемъ заключается первый пріемъ: установленіе типа даннаго видового инстинкта и его колебаній? Необходимость подобной работы ясна изъ того, что инстинкты, подобно всѣмъ какъ физіологическимъ, такъ и морфологическимъ особенностямъ живыхъ организмовъ, обнаруживаютъ извѣстныя индивидуальныя колебанія. Какъ для опытнаго глаза трудно найти двухъ животныхъ, вполнѣ похожихъ другъ на друга, такъ и инстинктъ одной особи всегда нѣсколько отличается отъ подобнаго же инстинкта другой, и чѣмъ послѣдніе сложнѣе, тѣмъ эти индивидуальныя варіаціи становятся болѣе замѣтными. Между тѣмъ, желая установить родственную связь инстинктовъ другъ съ другомъ или развитіе той или иной группы ихъ въ теченіе индивидуальной жизни особи, мы должны ясно составить себѣ представленіе о томъ, что именно является типомъ даннаго инстинкта и что—его индивидуальными колебаніями. Для рѣшенія этой задачи намъ нужно прибѣгнуть къ тому же статистическому

пріему, который всегда примѣняется при изученіи явленій измѣнчивости, и этимъ путемъ мы легче всего отвѣтимъ на поставленный нами вопросъ.

Предположимъ, данный инстинктъ слагается изъ ряда различныхъ дѣйствій, на которыя его можно расчленить. Наблюдая проявленія его, т.-е. эти дѣйствія, у возможно большаго числа особей, мы замѣчаемъ, что первое изъ нихъ является всегда однообразнымъ, имѣя, скажемъ, форму a. Второе дѣйствіе у большинства особей имѣетъ тоже довольно стереотипный видъ—b, но у нѣкоторыхъ экземпляровъ отъ него замѣчаются отклоненія, такъ что его можно выразить на языкѣ буквъ то въ видѣ b — m, то въ видѣ b — p, b — k и т. д. Подобнымъ же образомъ третье слагаемое нашего инстинкта имѣетъ видъ то чистаго c, то c — s, c — o, c — h и пр. Въ результатѣ мы получаемъ цѣлое уравненіе вида

$$a\ (b\ m\ p\ k)\ (c\ s\ o\ h)\ (d\ e\ n),$$

которое охватываетъ всѣ индивидуальныя колебанія даннаго инстинкта. Типомъ же даннаго инстинкта явится болѣе простое уравненіе $a + b + c + d$, такъ какъ каждое изъ этихъ слагаемыхъ входитъ въ дѣйствія любой изъ произвольно взятыхъ нами особей. — Мы не приводимъ здѣсь какихъ-либо конкретныхъ примѣровъ обработки того или иного инстинкта этимъ методомъ, такъ какъ послѣдній довольно ясенъ и при изложеніи его въ этой общей формѣ.

Устраненіе типа и индивидуальныхъ колебаній для каждаго изъ инстинктовъ имѣетъ еще одно очень важное значеніе. Даже не прибѣгая къ изложенному нами выше статистическому пріему, внимательный наблюдатель можетъ, въ концѣ-концовъ, установить, что данный инстинктъ слагается изъ тѣхъ или иныхъ типичныхъ дѣйствій, т.-е. имѣетъ видъ нашего уравненія $a + b + c + d$. Но вотъ онъ наталкивается на новую особь, у которой одно или нѣкоторыя дѣйствія

обнаруживаютъ индивидуальныя колебанія, т.-е. на языкѣ буквъ уравненіе ея инстинкта будетъ $a + (b + m) + (c \quad n) + d$. Мы знаемъ, что это новыя буквы (т.-е. символизируемыя ими дѣйствія) суть не что иное, какъ индивидуальныя уклоненія или колебанія. Изслѣдователь же, не прибѣгающій къ нашему статистическому пріему, легко можетъ (что въ дѣйствительности часто и бываетъ) взглянуть на дѣло иначе и объяснить эти новообразованія результатомъ разумной дѣятельности животнаго подъ вліяніемъ того или иного измѣненія во внѣшнихъ условіяхъ. Нечего и говорить, что подобное заключеніе будетъ совершенно ложнымъ. „Болѣе точныя изслѣдованія, пишетъ Вл. Вагнеръ, доказываютъ намъ, что эти случаи инициативы и проявленія разумныхъ способностей представляютъ собой колебанія инстинктовъ и на самомъ дѣлѣ никакого отношенія къ разумнымъ способностямъ не имѣютъ. Факты доказываютъ намъ, что колебанія эти представляютъ не продуктъ цѣлепониманія животныхъ, а лишь элементы болѣе или менѣе сложнаго шаблона каждаго даннаго инстинкта“ [1]).

Но вотъ, скажемъ, установленіе типа тѣхъ или иныхъ инстинктовъ нами уже произведено и произведено не у одного какого-нибудь вида, а у цѣлаго ряда извѣстныхъ формъ, относящихся къ какой-нибудь одной систематической группѣ (семейству, отряду, классу). Мы знаемъ въ то же время, что принадлежность къ одной систематической группѣ съ точки зрѣнія современной біологіи говоритъ прежде всего о кровномъ родствѣ данныхъ организмовъ, объ ихъ общемъ происхожденіи отъ тѣхъ или иныхъ предковъ. Это кровное родство отражается и на всѣхъ особенностяхъ организаціи данныхъ животныхъ и на ихъ физіологи

[1]) Біологич. основанія. Т. I, стр. 280.

ческихъ отправленіяхъ, и какую бы особенность мы съ этой точки зрѣнія ни взяли, мы найдемъ, что развитіе ея у различныхъ формъ этой группы находится въ зависимости отъ большей или меньшей близости ихъ другъ къ другу. То же самое должно быть уже a priori и у инстинктовъ близкихъ другъ другу организмовъ, откуда возникаетъ естественное стремленіе установить между ними подобную же генетическую связь. Это и достигается вторымъ методомъ зоопсихологіи, методомъ филогенетическимъ, какъ называетъ его Вл. Вагнеръ. Въ спеціальныхъ работахъ послѣдняго имѣется многочисленный рядъ примѣровъ подобной филогенетической обработки инстинктовъ отдѣльныхъ животныхъ, выясненія ихъ происхожденія и связи другъ съ другомъ, но мы возьмемъ изъ нихъ всего одинъ случай.

Рѣчь идетъ объ инстинктахъ пауковъ, связанныхъ съ ихъ архитектурой, т.-е. съ постройками ими гнѣздъ и коконовъ для яицъ. Въ виду разнообразія условій, въ которыхъ живутъ различные представителя этой группы, легко можно было бы предположить, что каждый видъ вырабатывалъ свои постройки независимо отъ другихъ формъ, такъ что никакой связи между инстинктами близкихъ другъ къ другу видовъ быть не должно и сходныя постройки (слѣдовательно, и инстинкты) легко могутъ оказаться у различныхъ представителей этого отряда, которые по своему систематическому положенію имѣютъ мало общаго. Изученіе архитектурныхъ инстинктовъ пауковъ и обработка этого матеріяла съ помощью филогенетическаго метода привели, однако, Вл. Вагнера къ совершенно обратному заключенію, именно, что „архитектуры въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ бываютъ сходными у близко родственныхъ между собой группъ, а съ другой стороны пауки, далеко отстоящіе другъ отъ друга

въ систематикѣ, имѣютъ постройки различнаго типа“ [1].

Авторъ беретъ какой-нибудь изъ родовъ пауковъ и, выяснивъ строительные инстинкты относящихся къ нему видовъ, устанавливаетъ тѣ признаки или особенности этихъ инстинктовъ, которые являются общими для всѣхъ видовъ, и тѣ особенности, которыя измѣняются у отдѣльныхъ видовъ. Разборъ послѣднихъ особенностей позволяетъ обычно расположить ихъ въ одинъ, два или нѣсколько рядовъ, которые являются филогенетическими рядами, т.-е. показываютъ, какъ шло болѣе или менѣе развитіе данныхъ инстинктовъ въ этомъ родѣ пауковъ. Такъ, въ родѣ Lycosa (куда относится общеизвѣстный тарантулъ) Вл. Вагнеру удалось установить два ряда филогеніи строительныхъ инстинктовъ. Къ первому ряду онъ относитъ виды, которые имѣютъ однотипный коконъ, но устраиваютъ все болѣе и болѣе сложное логово, ко второму же ряду принадлежатъ, напротивъ, виды, логова не дѣлающіе и коконъ которыхъ систематически уменьшается въ объемѣ. Въ другомъ родѣ пауковъ изученіе строительныхъ инстинктовъ его видовъ заставляетъ расположить послѣдніе въ три филогенетическихъ ряда и т. д.

Подвергнувъ подобной обработкѣ инстинкты видовъ, относящихся къ одному роду, изслѣдователь, работающій съ помощью филогенетическаго метода, переходитъ къ различнымъ родамъ одного и того же семейства. Какъ и въ первомъ случаѣ, при этомъ выясняются особенности, общія всѣмъ родамъ даннаго семейства, и признаки, въ предѣлахъ его (т.-е. у отдѣльныхъ родовъ) измѣняющіеся. На основаніи послѣднихъ и здѣсь удается обычно установить подобные же ряды, показывающіе, какъ шла эволюція родо-

[1] См. „Industrie des Araneina“, а также „Біологическія основанія сравнительной психологіи“. Т. I.

выхъ инстинктовъ.—Именно этимъ путемъ Вл. Вагнеру удалось пролить свѣтъ на чрезвычайно своеобразные строительные инстинкты водяного паука (Argyroneta aquatica) и показать, что, несмотря на ихъ оригинальность, они не представляютъ изъ ряда вонъ выходящаго явленія, а обнаруживаютъ генетическую связь съ подобными же инстинктами близкихъ къ нимъ родовъ.

Нечего и говорить, что подобнымъ же образомъ можетъ быть установлена филогенія инстинктовъ въ различныхъ семействахъ одного и того же отряда и даже въ болѣе крупныхъ систематическихъ группахъ, но для этого необходима продолжительная подготовительная работа, которая еще только начинается, такъ какъ число животныхъ, къ инстинктамъ которыхъ прилагался до сихъ поръ филогенетическій методъ, еще очень и очень не велико. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что въ лицѣ этого метода мы имѣемъ уже теперь надежный путь изслѣдованія и прекрасное средство для выясненія генезиса инстинктовъ.

Третьимъ пріемомъ, предложеннымъ Вл. Вагнеромъ для изученія психологіи и въ частности инстинктивныхъ актовъ животныхъ, является методъ онтогенетическій, выясняющій генезисъ инстинктовъ во время индивидуальнаго развитія, т.-е. не у отдѣльныхъ видовъ, а у особей одного и того же вида. Здѣсь мы должны сдѣлать одну существенную оговорку, вытекающую, между прочимъ, изъ всего того, что было раньше сказано объ инстинктахъ.

Какъ извѣстно, послѣдніе отличаются отъ разумныхъ способностей не только безсознательной цѣлесообразностью, но и врожденностью, т.-е. животному не приходится учиться тому или иному инстинктивному дѣйствію, а оно получаетъ его сполна готовымъ и выполняетъ само въ первый разъ столь же хорошо,

какъ и во всѣ послѣдующіе. О какомъ же развитіи инстинктовъ можетъ быть рѣчь, если эволюціонируютъ измѣняются и совершенствуются въ теченіе индивидуальной жизни лишь разумныя способности?

Между тѣмъ эволюція инстинктовъ, несомнѣнно, происходитъ, но не въ видѣ усовершенствованія одного и того же инстинкта, а въ видѣ замѣны одного другимъ. „Тамъ, гдѣ съ возрастомъ инстинкты измѣняются, говоритъ Вл. Вагнеръ, мы наблюдаемъ не развитіе, а смѣну однихъ другими, при чемъ смѣна эта часто происходитъ безъ всякой внутренней связи смѣняющихъ способностей“ („Біолог. основанія“, Т. I, стр. 343). — Пояснимъ сказанное однимъ, двумя примѣрами, которые мы опять-таки заимствуемъ у Вл. Вагнера.

Общераспространеннымъ явленіемъ у пауковъ, какъ и у другихъ членистоногихъ, снабженныхъ твердымъ хитиновымъ панцыремъ, является актъ линьки. Инстинкты, связанные съ нимъ, однако, совершенно различны у особей различнаго возраста. Самые молодые паучки линяютъ прямо на тѣлѣ матери, мѣстѣ, въ то время для нихъ наиболѣе безопасномъ. Болѣе взрослыя особи линяютъ или на стѣнкахъ материнской норы или въ различныхъ естественныхъ почвенныхъ углубленіяхъ, принимая при этомъ нѣкоторыя предосторожности. Наконецъ, пауки, уже приготовляющіе себѣ собственныя норы, линяютъ въ послѣднихъ, но предварительно закупориваютъ входъ въ нору для защиты отъ враговъ во время этого болѣзненнаго состоянія. Каждый изъ этихъ инстинктовъ приходитъ въ свое время совершенно готовымъ и замѣняетъ или вытѣсняетъ инстинктъ предшествующей стаціи.

Часто при этомъ подобная замѣна особенно замѣтна потому, что одинъ инстинктъ смѣняется другимъ, ему прямо противоположнымъ. Такъ, у моло-

дыхъ паучковъ многихъ видовъ имѣется инстинктъ собираться въ общую кучу; позже же эта особенность замѣняется непримиримой враждой другъ къ другу и даже стремленіемъ поѣдать одинъ другого. Гусеницы многихъ бабочекъ въ молодости имѣютъ зеленую покровительственную окраску и живутъ въ это время и днемъ и ночью на зеленыхъ частяхъ растеній; позже же, когда эта окраска замѣняется другой, онѣ выползаютъ на листья и вѣтви лишь съ наступленіемъ темноты. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести, конечно, очень много, такъ какъ смѣна одного инстинкта другимъ—фактъ, чрезвычайно широко распространенный, и въ этомъ отношеніи для онтогенетическаго метода представляется широкое поле изслѣдованія.

Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ данныя онтогенетическаго и данныя филогенетическаго метода сходятся, что, конечно, лишь подтверждаетъ выводы, сдѣланные путемъ послѣдняго. Такъ, Вл. Вагнеръ нашелъ, что развитіе строительныхъ инстинктовъ во время индивидуальнаго развитія тарантуловъ во многомъ повторяетъ ту картину ихъ видового развитія, которую можно нарисовать съ помощью филогенетическаго метода. Въ этомъ нельзя не видѣть, конечно, примѣненія знаменитаго біогенетическаго закона, который гласитъ, что развитіе особи (онтогенія) есть краткое и неполное повтореніе развитія вида (филогеніи). Такимъ образомъ, этотъ законъ (справедливый, между прочимъ, лишь очень съ большими оговорками) имѣетъ приложеніе и въ психологіи животныхъ.

Таковы тѣ методы, которые предложены до сихъ поръ для изслѣдованія и изученія зоопсихологіи. Каждый изъ нихъ даетъ уже многое, если пользоваться только имъ однимъ, но еще болѣе вѣрные и полные результаты мы получимъ, примѣняя одновременно всѣ

три метода.—Можетъ явиться, однако, вопросъ, исчерпывается ли послѣдними вся область зоопсихологіи или же необходимо изысканіе новыхъ путей, новыхъ пріемовъ изслѣдованія, которые дадутъ еще нѣчто новое, ускользающее отъ разобранныхъ нами выше методовъ?

Если даже оставить въ сторонѣ чисто физіологическіе пріемы изслѣдованія, особенно приложимые при изученіи фактовъ рефлекторныхъ, то и то едва ли можно признать, что при изслѣдованіи инстинктовъ, помимо тѣхъ трехъ методологическихъ пріемовъ, которые разработалъ Вл. Вагнеръ, не можетъ быть никакихъ другихъ. Наука все время двигается впередъ, открываетъ для себя при этомъ движеніи все новыя и новыя области, и это порождаетъ и новыя задачи и новые пріемы изслѣдованія. Въ частности для зоопсихологіи можно указать и теперь одинъ изъ новыхъ путей, который только еще начинаетъ намѣчаться.

Послѣднее десятилѣтіе характеризуется въ біологіи больше всего подъемомъ интереса къ вопросамъ наслѣдственности и ихъ экспериментальному изученію. Однимъ изъ путей въ этомъ направленіи является образованіе и изученіе помѣсей или гибридизація, иначе „менделизмъ“ отъ имени Менделя, открывшаго тѣ законы, которые лежатъ въ основѣ этого явленія. Можно думать, что при этомъ „менделистическомъ“ изслѣдованіи ряда формъ получаться интереснѣйшіе результаты и по отношенію къ наслѣдственности инстинктовъ. По крайней мѣрѣ и теперь имѣются уже данныя Каммерера о наслѣдованіи инстинктовъ, связанныхъ съ размноженіемъ, у жабы повитухи, при чемъ эти данныя находятся въ полномъ согласіи съ законами преобладанія и расщепленія, открытыми Менделемъ [1]). Во всякомъ случаѣ, отъ

[1]) Объ этихъ опытахъ Каммерера смотри переводъ его собственной статьи въ журналѣ «Природа» за 1912 г. № 2.

этого направленія въ біологіи, отъ экспериментальнаго изслѣдованія помѣсей, можно ждать и теперь много интереснаго и для психологіи животныхъ. Столь же неожиданно могутъ открыться для насъ и другіе новые пути изслѣдованія.

Намъ остается теперь коснуться лишь спора объ объективномъ и субъективномъ методѣ въ зоопсихологіи. Оба этихъ термина принадлежатъ также Вл. Вагнеру, причемъ подъ субъективнымъ методомъ онъ понимаетъ тотъ путь изслѣдованія психологіи животныхъ, когда главнымъ мѣриломъ для оцѣнки психической жизни животныхъ признается наша собственная психика, душевная жизнь человѣка.

Большинство психологовъ стояли и стоятъ именно на этой точкѣ зрѣнія, т. е. считаютъ, что обойтись при сужденіи о психической жизни животныхъ безъ учета психики человѣка совершенно невозможно. „Единственное правило, пишетъ, напримѣръ, Вундтъ, на основаніи котораго мы можемъ судить о дѣйствіяхъ животныхъ, состоитъ въ томъ, чтобы мѣрить ихъ нашимъ собственнымъ масштабомъ, разсматривать какъ дѣйствія одушевленныхъ созданій". Въ томъ же духѣ высказывается и Роменсъ, именно, что психическая жизнь животныхъ можетъ быть понята лишь по аналогіи съ психической жизнью человѣка, почему и самый методъ изученія ея онъ называетъ методомъ аналогіи. Наконецъ, у Васмана, котораго трудно упрекнуть въ некритическомъ отношеніи къ фактамъ зоопсихологическаго характера, мы опять-таки читаемъ: „и для научнаго пониманія душевной жизни животныхъ ключемъ должно будетъ служить также сравненіе съ человѣческой душевной жизнью. Ибо человѣкъ не обладаетъ способностью непосредственнаго проникновенія въ психическіе процессы животнаго, а можетъ заключать о нихъ только на основаніи внѣш-

нихъ дѣйствій, которыя онъ воспринимаетъ при помощи своихъ чувствъ" („Итоги сравнит. психологіи", стр. 9).

Рѣшительнымъ противникомъ этой точки зрѣнія является во всѣхъ своихъ статьяхъ и книгахъ Вл. Вагнеръ. Методъ аналогіи онъ называетъ не только субъективнымъ, но антропоцентрическимъ, иначе — „монизмомъ ad hominem", „монизмомъ сверху", такъ какъ при этомъ исходнымъ пунктомъ является психологія человѣка. Судить по ней о психической жизни животныхъ представляется ему глубоко неправильнымъ, такъ какъ, идя этимъ путемъ, мы неизбѣжно придемъ къ очеловѣчиванью животнаго, неизбѣжно припишемъ ему и разумныя способности и многое другое, свойственное лишь человѣку.

Вмѣсто этого субъективнаго метода онъ предлагаетъ методъ объективный, который исходитъ изъ совершенно противоположной точки зрѣнія и держится другихъ пріемовъ сравненія. По Вагнеру необходимо сравненіе психики какого-нибудь животнаго не съ психикой человѣка, а съ формами, непосредственно предшествующими данной группѣ и за ней слѣдующими (что и достигается разобраннымъ выше филогенетическимъ методомъ). Въ этомъ отношеніи объективный методъ всецѣло примыкаетъ къ ученію, развитому еще Ламаркомъ, о коренномъ различіи психическихъ способностей животныхъ на разныхъ ступеняхъ ихъ системы. Введеніе въ изученіе этого вопроса еще психики человѣка (кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о близкихъ къ послѣднему формахъ) является не болѣе, какъ методологической ошибкой. Предложенные Вл. Вагнеромъ спеціальные методы или пріемы для изученія психологіи животныхъ (опредѣленіе типа даннаго инстинкта, филогенетическій и онтогенетическій методы) являются.

по его мнѣнію, лишь частными случаями и въ то же время наглядной иллюстраціей сущности объективнаго метода.

Что касается до всѣхъ этихъ соображеній, то нельзя не признать, что во многомъ нападки Вл. Вагнера на методъ аналогіи совершенно правильны. Именно благодаря некритическому примѣненію этого метода создалась та „ходячая психологія“ животныхъ, согласно которой послѣднія надѣлены тѣми же душевными способностями, что и человѣкъ, и тѣ „охотничьи разсказы“, какъ мѣтко назвалъ ихъ Вундтъ, которыми изобилуютъ книги Бюхнера, Брэма и даже Ромэнса. Считать подобную психологію антропоцентрической и всѣ ея пріемы „монизмомъ ad hominem“, конечно, совершенно правильно.

Но имѣемъ ли мы право изъ-за этого отрицать методъ аналогіи цѣликомъ, какъ это дѣлаетъ Вл. Вагнеръ, можетъ ли обойтись безъ аналогіи даже самая объективная психологія, не переставъ при этомъ быть тѣмъ, что она есть, т. е. прежде всего психологіей? Намъ думается, что въ этомъ отношеніи воззрѣнія Вл. Вагнера представляютъ другую крайность и что безъ нѣкотораго элемента аналогіи съ психикой человѣка невозможна никакая психологія.

„...Человѣкъ не обладаетъ способностью непосредственнаго проникновенія въ психическіе процессы животнаго, а можетъ заключать о нихъ только на основаніи внѣшнихъ дѣйствій... Эти проявленія душевной жизни животныхъ человѣкъ затѣмъ долженъ сравнивать съ собственными проявленіями, внутреннія причины которыхъ онъ знаетъ изъ своего самосознанія“, пишетъ Васманъ, и противъ этого, конечно, трудно что-нибудь возразить. Если рѣчь идетъ о строительныхъ инстинктахъ животныхъ, сравненіе ихъ съ психикой человѣка, можетъ быть, и не необходимо, но

можно ли отрицать наличность элемента аналогіи, какъ только рѣчь заходитъ объ инстинктѣ заботы о потомствѣ, о памяти, опытѣ, способности къ ассоціаціямъ и тому подобномъ?

Впрочемъ, необходимость подобныхъ сравненій не отрицается, въ концѣ-концовъ, и самимъ Вл. Вагнеромъ. Въ послѣдней книгѣ его мы читаемъ, напримѣръ: „объективная біопсихологія для рѣшенія своихъ задачъ также пользуется сравненіемъ психическихъ способностей животныхъ и человѣка, но совершенно иначе... какъ по матеріалу сравненія, такъ и по способу его обработки“ („Біол. основанія“. Т. I, стр. 250). Слѣдовательно, стоя на самой объективной точкѣ зрѣнія, трудно избѣжать аналогій съ психикой человѣка (намъ единственно и доступной въ полномъ объемѣ), почему нужно бороться не столько съ самими аналогіями, сколько съ тѣмъ антропоцентризмомъ, „монизмомъ ad hominem“, который получается отъ некритическаго примѣненія метода аналогій.

Зоопсихологіи трудно не учитывать данныхъ психологіи человѣка еще и потому, что она является младшей сестрой послѣдней, зародившейся значительно позже своей старшей сестры, которая во многомъ ее успѣла обогнать. Здѣсь повторяется то же явленіе, что и при развитіи всѣхъ біологическихъ наукъ: дисциплины, изучающія низшія формы, зарождаются позже подобныхъ же дисциплинъ, посвященныхъ высшимъ формамъ или человѣку. Анатомія безпозвоночныхъ животныхъ зародилась, напримѣръ, значительно позже, чѣмъ анатомія высшихъ представителей животнаго царства, и долгое время носила на себѣ слѣды вліянія послѣдней: то же справедливо для эмбріологіи, физіологіи и т. д. Зоопсихологія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила.

Однако, каждая изъ подобныхъ „низшихъ“, если

можно такъ выразиться, дисциплинъ оказываетъ по мѣрѣ своего развитія все большее и большее вліяніе на аналогичную „высшую“ дисциплину и, наконецъ, сливается съ ней въ единое цѣлое. То же самое будущее предстоитъ, вѣроятно, для зоопсихологіи и психологіи человѣка. Тѣмъ не менѣе и теперь уже мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Вл. Вагнеромъ, что „безъ полнаго знанія біопсихологіи полное знаніе психологіи человѣка невозможно“.

С. Сухановъ.

Патопсихологія.

I.

Съ давнихъ поръ вниманіе изслѣдователей психическихъ явленій обращалось также и на проявленія послѣднихъ въ аномальныхъ состояніяхъ; но надо сказать, что въ теченіе длиннаго періода времени патологія человѣческаго духа не давала сколько-нибудь прочнаго и интереснаго для психологовъ матеріала. Это объясняется отчасти, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что и сама психопатологія сравнительно недавно вошла въ кадръ признанныхъ научныхъ дисциплинъ, не такъ давно выработала свою методику; и въ такомъ положеніи научная психопатологія новаго періода находится лишь немногимъ болѣе одного столѣтія. Такъ какъ въ психопатологіи прежде обычно сводилось дѣло лишь къ выясненію клинической стороны,—къ описанію различныхъ признаковъ, изъ которыхъ со временемъ были выдѣлены нозологическія единицы, то понятно, что психопатологія того періода не могла привлекать особенно вниманіе психологовъ, ибо она была погружена, главнымъ образомъ, въ собственные узкіе интересы. Да и методика ея была еще настолько несовер-

щенна, что не позволяла заниматься изученіемъ болѣе легкихъ аномальныхъ состояній; грубое же разстройство психической дѣятельности представляло интересъ, преимущественно, для психіатра-клинициста. Послѣ того, какъ было выдѣлено, оцѣнено и классифицировано все то, въ чемъ выражалось рѣзкое пораженіе психики, явилась возможность заняться наблюденіемъ и изслѣдованіемъ болѣе тонкихъ патологическихъ состояній, считавшихся прежде относящимися къ нормѣ или не замѣчавшихся наблюдателями. За послѣднія десятилѣтія въ области психопатологіи стали, между прочимъ, заниматься изученіемъ такъ назыв. функціональныхъ разстройствъ; тутъ были выдвинуты на первый планъ различные психогенные признаки. Достаточно будетъ упомянуть пока, напр., объ истерическихъ явленіяхъ. Эти послѣднія, странныя и курьезныя иногда съ внѣшней страны, заинтересовали не только психіатровъ, но и профессіональныхъ психологовъ; и въ западной Европѣ не разъ въ собраніяхъ ученыхъ обществъ и на научныхъ съѣздахъ тѣ и другіе совмѣстно обсуждали вопросъ объ истерическихъ явленіяхъ. На гипотезахъ и теоріяхъ, предлагавшихся для объясненія истеріи лежитъ, безъ сомнѣнія, печать представителей отвлеченной мысли. И если послѣдніе оказали здѣсь свою цѣнную услугу, то надо добавить, что и психопатологія дала психологамъ богатый и обильный матеріалъ для рѣшенія, м. б., даже нѣкоторыхъ частныхъ психологическихъ вопросовъ. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ мы детальнѣе познакомились съ психическимъ состояніемъ субъектовъ, стоящихъ на границѣ патологіи и нормы, необходимымъ сталъ для психопатолога болѣе обстоятельный и научно-психологическій анализъ наблюдаемыхъ аномальныхъ явленій; и это требовало отъ психопатолога углубленія въ вопросы чисто-психологическіе, иногда

далеко уводящіе его отъ области клинической психіатріи.

За послѣдніе годы среди нѣкоторыхъ изслѣдователей, изучающихъ аномальныя психическія состоянія, все больше и больше обращается вниманіе на установленіе психологическихъ законовъ, управляющихъ болѣзненными состояніями, и на выясненіе чрезъ нихъ психологическихъ законовъ нашихъ нормальныхъ состояній. И, вслѣдствіе этой тенденціи, стала обособляться новая научная дисциплина, носящая теперь довольно уже распространенное названіе „патологическая психологія". Въ самое недавнее время появился и новый терминъ „патопсихологія".

Дѣйствительно, нѣкоторые субъекты съ функціональными психическими аномаліями и съ такъ назыв. психогенными симптомами даютъ богатый и любопытный матеріалъ для пониманія многихъ сторонъ душевной дѣятельности человѣка, для уясненія многихъ сторонъ индивидуальной психологіи. Эти данныя, относящіяся къ области „патопсихологіи", освѣщаютъ иногда своеобразно различныя стороны душевной дѣятельности; они даютъ и нѣчто новое, помогающее намъ лучше оцѣнить, напр., роль эмоціональной сферы или самыя глубокія обоснованія волевыхъ проявленій и т. д.

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить еще, что иной разъ въ аномальныхъ состояніямъ встрѣчаются изолированныя до нѣкоторой степени разстройства психики; такъ, напр., можетъ быть преимущественное пораженіе памяти; и эти случаи даютъ, конечно, цѣнный матеріалъ для болѣе детальнаго выясненія того, что такое память; нѣкоторые законы, касающіеся ея, выступаютъ, пожалуй, рѣзче и ярче, если къ самонаблюденію присоединяются еще также и факты изъ области патологіи памяти.

Наконецъ, фукціональныя аномаліи въ области чело-

вѣческаго духа, показываютъ, что извѣстныя аномаліи встрѣчаются обычно, если не всегда, въ опредѣленномъ сочетаніи между собою; интересно указать, напр,, на то, что слабость моральнаго чувства сочетается почти всегда съ пониженіемъ интеллектуальнаго чувства, выражающимся въ наклонности даннаго субъекта къ паралогизмамъ явно патологическаго свойства. Замѣчается, что навязчивыя психическія состоянія комбинируются обычно съ достаточно развитымъ моральнымъ чувствомъ.

То, что относится къ функціональнымъ психическимъ аномаліямъ, находящимся въ связи съ прирожденными уклоненіями отъ нормы, не можетъ быть рѣзко и опредѣленно отграничено отъ послѣдней, и нашей психикѣ свойственны нѣкоторые функціональные недостатки въ формѣ такъ назыв. обмолвокъ, описокъ, очитокъ, забыванія именъ, иностранныхъ словъ, забыванія впечатлѣній и намѣреній, въ видѣ ошибочныхъ дѣйствій. *Freud*, начавъ съ изученія и анализа истерическихъ признаковъ, нашелъ, что упомянутые и названные недостатки, свойственные нормальной психикѣ, служатъ выраженіемъ тѣхъ-же психологическихъ законовъ, которые удалось впервые установить ему на основаніи наблюденій надъ душевнымъ состояніемъ несомнѣнныхъ патологическихъ субъектовъ. Пользуясь своеобразнымъ методомъ, носящимъ названіе психоанализа, *Freud* приходитъ къ выводу, что наши поступки и дѣйствія, считающіеся случайными и непреднамѣренными, оказываются вполнѣ мотивированными и детерминированными; и эти мотивы являются скрытыми отъ нашего сознанія, остающагося словно въ заблужденіи и даже протестующаго обычно противъ открывающейся мотивировки. Если вы забыли какое-нибудь имя собственное, то это вовсе—не случайность; въ вашихъ прежнихъ переживаніяхъ при психоанализѣ обна-

ружится мотивъ, исходящій изъ области подсознательнаго. Когда кому-нибудь придется по ошибкѣ подняться этажемъ выше или ниже и подойти къ двери другой квартиры, а не той, какая именно нужна, то и здѣсь, въ этомъ дѣйствіи по разсѣянности, найдется, навѣрное, опредѣленный и, м. б., неожиданный для сознательнаго „я“, мотивъ и извѣстная цѣлесообразность со стороны подсознательнаго „я“. Хорошо извѣстно, что при корректурахъ пропускаются по разсѣянности часто опредѣленныя ошибки. И во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сказывается своеобразное руководительство нашего подсознательнаго „я“, если оно осталось безъ контроля со стороны сознательнаго „я“.

Подсознательная область даетъ знать о себѣ и тамъ, гдѣ долженъ-бы, казалось, проявляться нашъ свободный выборъ. Если вы предложите самому себѣ или кому-нибудь другому назвать, написать или представить въ своемъ воображеніи какое-либо многозначное число, то окажется, что это дѣлается подъ давленіемъ пережитого, исходящаго изъ области подсознательнаго; и здѣсь можно доказать, чѣмъ детерминировано то, что воспроизведено именно данное число, а не другое. Надо лишь умѣть расшифрировать это; а такое расшифрированіе требуетъ иногда очень тонкаго психоанализа, навыка и находчивости. То же самое детерминированіе обнаруживается и тогда, если кто-либо захотѣлъ-бы, по своему произволу и по выбору, написать, напр., или назвать какое-нибудь имя собственное, хотя каждый изъ насъ имѣетъ въ запасѣ множество именъ собственныхъ, но сдѣлать это долженъ подъ вліяніемъ того побужденія, которое будетъ дано со стороны подсознательнаго „я“. Повидимому, положеніе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ основѣ имѣется детерминированіе, не носитъ въ себѣ чего-либо невѣроятнаго или невозможнаго. Но объясненія и разгадка мо-

тивовъ являются здѣсь настолько неожиданными для нашего сознанія, что мы готовы иной разъ признать ихъ непріемлемыми. Кстати укажемъ на то, что *Freud* и его послѣдователи даютъ примѣры такого расшифрированія, которое является навсегда убѣдительнымъ и для всѣхъ доказательнымъ. Самый-же основной фактъ детерминированія случайныхъ и совершенныхъ по разсѣянности и ошибкѣ дѣйствій, а также нѣкоторыхъ проявленій какъ-бы свободнаго выбора, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, вниманія психологовъ и представляетъ интересъ для нихъ, ибо тутъ открывается уже одинъ изъ законовъ, управляющихъ нашей психикой.

Если мы обратимся къ анализу того, что мы склонны забывать, то и тутъ, по мнѣнію *Freud'a*, легко убѣдимся въ томъ, что существуютъ для этого опредѣленные мотивы, исходящіе отъ того-же подсознательнаго „я“; забывается обычно и скорѣе всего, въ нормальныхъ случаяхъ, то, что связано у насъ съ непріятнымъ чувствомъ. Человѣку свойственно нерѣдко забывать сдѣлать именно то, что ему не нравится; ему свойственно забыть пойти туда, куда идти ему непріятно. Понятно, что эти проявленія подсознательнаго „я“ будутъ сказываться рѣзче, если сознательное „я“ не вмѣшалось съ своимъ моральнымъ авторитетомъ въ наши поступки. Несомнѣнно, въ процессѣ забыванія или запамятованія обнаруживается своеобразное вытѣсненіе въ область подсознательную нѣкоторыхъ переживаній; и среди нихъ достаточное количество такихъ, которыя связаны съ аффективной окраской непріятнаго для насъ свойства. И этотъ процессъ вытѣсненія, происходитъ-ли оно помимо нашей воли или-же совершается сознательно, остается небезразличнымъ для функціональныхъ психическихъ проявленій, ибо онъ отражается въ видѣ тѣхъ или иныхъ дефектныхъ поступковъ и дѣйствій. Иной разъ при этомъ,

происходитъ борьба двухъ нашихъ „я“, сознательнаго и подсознательнаго; и результирующая является слѣдствіемъ этой борьбы, въ которой перевѣсъ будетъ на сторонѣ сознательнаго „я“, если оно достаточно сильно, богато своимъ содержаніемъ и если то, что составляетъ его, покоится на прочномъ психическомъ синтезѣ. Все-же то, что ведетъ къ ослабленію послѣдняго, способствуетъ тому, что подсознательная область будетъ проявлять себя чаще и свободнѣе; и это особенно ясно и наглядно оказывается въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ.

Подъ вліяніемъ идей, высказываемыхъ Freud'омъ и его послѣдователями, возникли своеобразныя психологическія гипотезы. Такъ, напр., Bleuler создалъ не безъинтересную гипотезу „комплексовъ“. Только что названный авторъ, соглашаясь съ тѣмъ, что въ психической сферѣ можно говорить объ относительной обособленности актовъ интеллектуальныхъ, аффективныхъ (эмоціональныхъ) и волевыхъ, придаетъ большее значеніе второму изъ этихъ трехъ психическихъ элементовъ; эмоціональнымъ тонусомъ направляется теченіе чисто интеллектуальныхъ процессовъ, именно, вниманія и ассоціативнаго процесса. Эмоціональный элементъ объединяетъ опредѣленныя группы представленій, иногда сложную цѣпь ихъ, образующуюся при помощи ассоціацій. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ объединенныхъ представленій окрашены яркимъ чувственнымъ тономъ; это и будетъ то, что носитъ названіе „комплекса“. Въ психикѣ человѣка, по мнѣнію Jung'a, даютъ о себѣ знать разнообразные „комплексы“, борющіеся между собою, вытѣсняющіе одинъ другой и берущіе перевѣсъ надъ остальными. И съ этой точки зрѣнія можно говорить, пожалуй, о существованіи въ психикѣ нашей своеобразныхъ единицъ, имѣющихъ какъ-бы нѣкоторую самостоятельность. Опять-

таки надо сказать, что эта борьба „комплексовъ“ болѣе всего бросается въ глаза въ патологическихъ случаяхъ.

Понятно само собою, что гипотеза „комплексовъ“ доступна возраженіямъ; она находится въ противорѣчіи съ принятымъ въ психологіи ученіемъ объ единствѣ сознанія. Во всякомъ случаѣ, она представляетъ интересъ, и ее нужно принимать во вниманіе. Повидимому, при истерическихъ состояніяхъ происходитъ сознательное или случайное вытѣсненіе того или иного „комплекса“ въ подсознательную область; и для него закрывается доступъ до поры, до времени въ поле сознанія; при чемъ, онъ не можетъ быть приведенъ въ связь съ „я—комплексомъ“. Это ведетъ къ тому, что вытѣсненный „комплексъ“ даетъ знать о себѣ иными путями, ибо пребываніе его въ подсознательной области не безразлично для правильнаго проявленія психическихъ функцій. Если аффекту, связанному съ даннымъ „комплексомъ“, является закрытымъ нормальный выходъ, т. - е., чрезъ сознательную область, то онъ получаетъ, благодаря содержащейся въ немъ психической энергіи, ненормальное превращеніе и перемѣщеніе. И такой „ущемленный“ аффектъ трансформируется и обнаруживается уже иногда въ формѣ тѣлесныхъ признаковъ, но психогеннаго происхожденія. F r e u d говоритъ здѣсь о томъ, что въ этихъ случаяхъ совершается оригинальная „конверсія“. Когда удается освободить „ущемленные комплексы“, когда является возможность для нихъ попасть, тѣмъ или инымъ путемъ, въ поле сознанія и быть отреагированными, то патогенное вліяніе ихъ на психику прекращается; и тогда они перестаютъ быть для нея своего рода „инородными тѣлами“, что сопровождается исчезновеніемъ тѣлесныхъ признаковъ, связанныхъ съ упомянутой конверсіей. Интересно, что содержаніе и

характеръ вытѣсненныхъ и ущемленныхъ „комлексовъ“ забывается самимъ субъектомъ; онъ лишается возможности вспоминать о нихъ. И, вслѣдствіе этого, необходимо было создать цѣлую методику для обнаруживанія этихъ „комплексовъ“, погруженныхъ въ подсознательную область и лишенныхъ благодѣтельнаго свѣта сознанія.

Какими-же путями можно открыть и разгадать содержаніе этихъ патогенныхъ „комплексовъ“ съ неотреагированнымъ аффектомъ? Для этого нужно дать подсознательному „я“ проявить себя въ болѣе удобныхъ условіяхъ. Напр., если предложить субъекту, при отвлеченіи вниманія отъ окружающихъ впечатлѣній, высказывать все, что ему приходитъ въ голову, не стѣсняясь совершенно этимъ, то изъ отрывочныхъ фразъ и словъ, кажущихся иногда даже безсмысленнымъ наборомъ тѣхъ и другихъ, удается уловить содержаніе „ущемленныхъ аффектовъ“, такъ какъ подсознательное „я“, конечно, дастъ знать о себѣ и прежде всего постарается освободиться отъ этихъ аффектовъ; слѣдовательно, благодаря ему явится возможность познакомиться съ этими патогенными „комплексами“. Правда, надо имѣть навыкъ и умѣть расшифрировать безсвязный съ виду лепетъ подсознательнаго „я“.

Затѣмъ, для выясненія спрятавшихся отъ сознанія „комплексовъ“ примѣняется такъ наз. ассоціативный экспериментъ. Онъ заключается въ томъ, что экспериментаторъ предлагаетъ испытуемому произнести слово, какое ему первымъ придетъ на умъ, въ отвѣтъ на слово, имъ услышанное. Для этого пользуются уже готовымъ заранѣе спискомъ словъ, среди которыхъ преобладаютъ имена существительныя, достаточно прилагательныхъ и глаголовъ, немного нарѣчій и числительныхъ. Время, чрезъ какое наступаетъ отвѣтная реакція со стороны испытуемаго, измѣряется, конечно,

точнымъ хронометромъ, регистрирующимъ и нѣкоторыя доли секунды. Понятно, что тщательно записывается все, что дается въ отвѣтъ испытуемымъ на слово — раздражитель, произносимое экспериментаторомъ.

Изслѣдователи, создавшіе ассоціативный экспериментъ въ области психическихъ аномалій (Bleuler, Jung, Riklin), пользуются дѣленіемъ ассоціацій, получаемыхъ этимъ путемъ, на нѣсколько категорій: 1) внутреннія ассоціаціи, возникающія, по мнѣнію Wundt'a, на основаніи ассоціативнаго сродства; 2) внѣшнія ассоціаціи, обусловленныя привычными сочетаніями; 3) звуковыя реакціи; 4) остаточная группа: a) та реакція, которая дѣлается понятной, если между словомъ—раздражителемъ и реактивнымъ словомъ вставить промежуточное третье слово; b) безсмысленныя реакціи; c) отсутствіе реакціи; d) повтореніе слова, произносимаго экспериментаторомъ. Кромѣ квалифицированія полученныхъ реакцій при ассоціативномъ экспериментѣ, чрезвычайно важными является опредѣленіе и оцѣнка реактивнаго времени. Здѣсь необходимо заранѣе знать среднюю продолжительность послѣдняго у здоровыхъ субъектовъ, чтобы была возможность судить объ аномальности тѣхъ или иныхъ „комплексовъ“. Въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ наблюдается иногда столь замѣтное удлиненіе періода до наступленія реактивнаго произнесенія слова, что одно это уже обращаетъ на себя вниманіе. И это обстоятельство даетъ возможность выяснить содержаніе интересующихъ насъ „комплексовъ“ у испытуемаго; конечно, не одно удлиненіе реактивнаго времени имѣетъ здѣсь значеніе; важны также и ошибки при репродуцированіи, нѣкоторыя уклоняющіяся отъ нормы реакціи и проч.

Надо имѣть большой навыкъ въ пользованіи методикой ассоціативнаго эксперимента, чтобы можно было

правильно имъ пользоваться. Несомнѣнно, въ такого рода опытахъ приходится учитывать самыя разнообразныя условія, имѣя ихъ въ виду при оцѣнкѣ полученныхъ результатовъ. Когда предлагается испытуемому реагировать первымъ попавшимся ему словомъ на услышанное слово, то послѣднее, конечно, вызываетъ моментально измѣненіе въ эмоціяхъ; если оно оживляетъ и дѣлаетъ болѣе чувствительнымъ какой-либо изъ комплексовъ, то подсознательное „я“ обнаружитъ это въ реактивныхъ словахъ. И скрытые „комплексы“, съ ихъ ущемленными аффектами, будутъ тормозить реакцію или даже извращать ее, что выразится въ видѣ, напр., безсмысленныхъ отвѣтовъ, странныхъ и необычныхъ реакцій. То же, что не будетъ связано съ такого рода „комплексами“, будетъ сопровождаться правильными и обычными реакціями по отношенію къ данному субъекту. Иной разъ слово — раздражитель не вызываетъ никакого отвѣта у испытуемаго, приводя его въ сильное замѣшательство; и это, между прочимъ, отмѣчается у истерическихъ индивидуумовъ, для которыхъ считается характерной высокая степень эмоціональной интенсивности „комплексовъ“.

Среди различныхъ методовъ, примѣняемыхъ для выясненія роли и для опредѣленія патологическихъ „комплексовъ“, обращаетъ на себя вниманіе, такъ назыв., психо-гальваническая реакція. Этотъ методъ заключается въ томъ, что испытуемое лицо, при ассоціативномъ экспериментѣ, вводится въ электрическую цѣпь, чрезъ которую проходитъ токъ незначительной силы. Сюда-же включается гальванометръ, наиболѣе чувствительный, напр., зеркальный гальванометръ Deprez-D' Arsonval'я. Если испытуемый, помѣщенный такимъ образомъ, воспринимаетъ слово, произносимое экспериментаторомъ, то можно иногда, при нѣкоторыхъ словахъ, отмѣтить болѣе или

менѣе значительное передвиженіе полоски свѣта, падающей отъ чувствительнаго гальванометра (Binwanger, Veraguth). И эта оригинальная реакція носитъ названіе, выше упомянутое. Наиболѣе замѣтное отклоненіе свѣтовой полоски, отбрасываемой гальванометромъ, совпадало съ словами — раздражителями, задѣвавшими „комплексы", связанные съ наиболѣе сильнымъ аффектовъ. Изслѣдователи, которые пользовались психо-гальванической реакціей должны были, естественно, принимать во вниманіе различныя условія, вліяющія на проявленіе реакціи; тутъ приходится считаться также съ физическими моментами. Но, и помимо этихъ послѣднихъ, всегда обычно удается опытному экспериментатору выдѣлить роль и значеніе психическаго фактора.

Наконецъ, при психоанализѣ пользуются и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляютъ сновидѣнія. Freud и его послѣдователи полагаютъ, что наши переживанія въ сонныхъ грезахъ могутъ помочь намъ познать нѣкоторые законы, касающіеся подсознательной сферы. Здѣсь Freud'овская школа обращаетъ вниманіе на то, что явное содержаніе сновидѣній имѣетъ скрытый, символическій смыслъ; и вслѣдствіе этой символизаціи, подавляющее количество нашихъ сновидѣній (Freud) носитъ кажущійся характеръ безсвязности, спутанности, хаотичности и даже безсмысленности. Анализируя содержаніе дѣтскихъ сонныхъ грезъ и бормотанья во время сна, названный авторъ убѣдился въ томъ, что здѣсь общею чертою является исполненіе желанія, оставшагося неудовлетвореннымъ; здѣсч все просто и ясно, здѣсь нѣтъ момента замаскированности. Хотя и у взрослыхъ встрѣчаются эти сновидѣнія дѣтскаго типа, но они отличаются обычно краткостью; кромѣ того, въ нихъ, помимо исполненія желанія, скрывается еще и другой смыслъ. Чаще всего

бываетъ такъ, что мысль, которая выражаетъ пожеланіе, относящееся къ будущему, замѣняется картиной, протекающей въ настоящемъ (Freud). Далѣе, чѣмъ запутаннѣе и страннѣе содержаніе сновидѣнія, чѣмъ болѣе въ немъ искаженія, тѣмъ сильнѣе было стремленіе сонной психики замаскировать что-то, т.-е. скрыть что-либо. И въ случаяхъ патологическихъ это обстоятельство сказывается рѣзче и опредѣленнѣе. При существованіи, напр., аномальныхъ „комплексовъ“, скрывшихся въ подсознательную область, это, безъ сомнѣнія, будетъ отражаться на содержаніи сновидѣній; упомянутые „комплексы“ дадутъ знать о себѣ и чрезъ сонныя грезы. Надо и здѣсь умѣть расшифрировать ихъ истинный смыслъ; нужно отрѣшиться отъ распространеннаго предубѣжденія видѣть въ сновидѣніяхъ лишь случайную игру образовъ отдыхающей психики. Можно сказать, что и содержаніе сонныхъ грезъ не безсмысленно, какъ это кажется; оно также является, слѣдовательно, детерминированнымъ. „Комплексы“ съ наиболѣе сильнымъ чувственнымъ тономъ обязательно дадутъ о себѣ знать въ конструкціи сновидѣній; это касается, конечно, и тѣхъ „комплексовъ“, которые были вытѣснены въ подсознательную область и не всплывали въ полѣ сознанія.

II.

Мы познакомились теперь, въ общихъ чертахъ, съ тѣми основными методами, которые даютъ возможность обнаруживать содержаніе и характеръ „комплексовъ“, погруженныхъ въ сферу подсознательнаго; эти методы способствуютъ также выясненію нѣкоторыхъ сторонъ нашего подсознательнаго „я“, проявляющаго себя во многихъ патологическихъ случаяхъ. И, мнѣ думается, будетъ не безъинтересно познакомиться съ тѣмъ,

какъ возникло и развивалось это новое направленіе въ патопсихологіи. Хотя оно и связывается теперь съ именемъ Freud'a, но надо вспомнить, что оно началось съ своеобразнаго изслѣдованія Breuer'a—изслѣдованія произведеннаго совмѣстно Freud'омъ. Breuer наблюдалъ одну больную дѣвушку, 21 года; это была очень одаренная особа; у нея въ теченіе двухъ лѣтъ существовалъ рядъ тѣлесныхъ и душевныхъ разстройствъ. У нея былъ спастическій параличъ съ правой стороны, съ отсутствіемъ чувствительности въ пораженной области; одно время то же самое наблюдалось и съ лѣвой стороны. Были у нея разстроены и движенія глазъ; ей трудно было держать голову; ее безпокоилъ сильный нервный кашель; пища вызывала въ ней отвращеніе, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ей было трудно пить, несмотря на мучительную жажду. Она утратила способность говорить на родномъ языкѣ и понимать его. Душевная дѣятельность ея подверглась рѣзкому нарушенію. Заинтересовавшись этимъ случаемъ, Breuer нашелъ новую точку зрѣнія для уясненія его, для разгадки того, въ чемъ именно здѣсь дѣло. Что это была истеричка, этого было для него мало, онъ старался выяснить истинный механизмъ нарушенія функціональной дѣятельности психики. Breuer замѣтилъ, что въ періоды психической спутанности больная бормотала какія-то слова; казалось, что они имѣютъ отношеніе къ какимъ-то мыслямъ, ее занимающимъ. Онъ запомнилъ эти слова и привелъ ее въ гипноидное состояніе, повторилъ ихъ ей, желая, чтобы она высказала еще что-нибудь на ту-же тему. Больная, къ нѣкоторому удивленію изслѣдователя, познакомила его съ содержаніемъ своей психики, съ тѣми переживаніями, какія бывали у нея во время состояній спутанности. Это были печальныя и поэтическія фантазіи; это были сны на яву; и разсказы ея начинались обычно

съ описанія положенія дѣвушки у постели больного отца. Разсказавши о такихъ своихъ фантазіяхъ, больная словно отъ чего-то тяжелаго освобождалась и возвращалась въ реальный міръ. Когда снова она погружалась въ спутанность, то послѣдняя проходила, если больная имѣла возможность высказать конструированныя опять фантазіи. Здѣсь можно бы говорить о своеобразной очисткѣ души. Интересно, что если больная, будучи въ гипнозѣ, вспоминала съ выраженіемъ аффекта о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ у нея образовался тотъ или иной признакъ болѣзни, то потомъ онъ уже не появлялся болѣе. Breuer терпѣливо сталъ производить планомѣрное изслѣдованіе генезиса другихъ, еще болѣе тяжелыхъ симптомовъ; и онъ убѣдился въ томъ, что почти всѣ эти признаки возникли, какъ остатки или осадки, по выраженію Freud'a, аффективныхъ переживаній или такъ наз. „психическихъ травмъ". Слѣдов., эти истерическіе признаки были детерминированы. Freud отказался пользоваться гипнотическимъ состояніемъ, чтобы устранять истерическіе симптомы; онъ побуждалъ своихъ пациентовъ вспомнить забытое, связанное съ вытѣсненными въ подсознательную область „комплексомъ" и съ „ущемленными аффектами", увѣрялъ ихъ, что они не все ему разсказали и о чемъ-то еще забыли.

Цѣлый рядъ наблюденій, сдѣланныхъ Freud'омъ, убѣдилъ его въ томъ, что забытыя переживанія вовсе не изчезаютъ изъ психики субъекта; но они не могутъ вступить въ ассоціативную связь сознательной дѣятельности, и этому мѣшаетъ обычно какая-то сила; и они остаются въ сферѣ подсознательнаго. Эта сила—своеобразное сопротивленіе со стороны больного; эта-же сила способствовала тому, что когда-то данныя переживанія были вытѣснены изъ сознанія и сдѣлались забытыми. Freud убѣдился въ томъ, что эти

забытыя переживанія, окрашенныя сильнымъ эмоціональнымъ тономъ, возникали тогда, когда индивидуумъ испытывалъ желаніе, стоявшее въ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими желаніями его, когда данное желаніе являлось несовмѣстимымъ съ этическими или эстетическими взглядами личности. Вотъ это-то непріемлемое желаніе подпадало процессу вытѣсненія, устранялось изъ сознанія, какъ полагаетъ Freud. Возникшій конфликтъ разрѣшался такимъ путемъ, и здѣсь можно видѣть, по мнѣнію автора этой гипотезы, одно изъ проявленій защитныхъ приспособленій душевной личности. Здѣсь происходитъ динамическій процессъ психическаго расщепленія.

Вытѣсненное въ область безсознательнаго желанія не исчезаетъ; оно продолжаетъ существовать и при первой возможности, по Freud'у, становится активнымъ и посылаетъ въ поле сознанія своего замѣстителя. Если субъектъ убѣждается въ томъ, что патогенное желаніе напрасно его привело въ смущеніе, онъ принимаетъ его цѣликомъ или частично; или-же если оно направляется на другую цѣль, высшаго порядка, не подлежащую никакому сомнѣнію, то происходитъ процессъ, который Freud называетъ сублимаціей. И тогда конфликтъ, о которомъ идетъ рѣчь, разрѣшается.

То, что наблюдается къ патологическихъ случаяхъ, имѣетъ мѣсто и у здоровыхъ лицъ; основные законы, устанавливаемые по отношенію къ сходнымъ психическимъ процессамъ, одинаковы тамъ и здѣсь. Въ нормѣ эти душевные „конфликты“ находятъ свое разрѣшеніе и устраняются такъ или иначе, но не вытѣсняются. Простое самонаблюденіе показываетъ намъ, что пережитое, аффективно отреагированное, но не насильственно забытое, прошедшее чрезъ очищающее горнило высшаго сознанія, сопровождается чувствомъ

облегченія; наоборотъ, если эмоція, связанная съ той или другой непріятностью, недостаточно изжита, то она даетъ знать о себѣ, нарушая душевный покой, а это отвлекаетъ вниманіе отъ окружающаго міра; это мѣшаетъ правильной дѣятельности психики.

Конечно, въ теоретическихъ построеніяхъ Freud'a и его учениковъ есть много спорнаго, неубѣдительнаго. Такъ какъ послѣдователи этой школы очень подчеркиваютъ и выдвигаютъ, въ своихъ толкованіяхъ, значеніе „комплексовъ", связанныхъ съ сексуальнымъ чувствомъ, то и въ этомъ отношеніи имъ дѣлается много возраженій. Несомнѣнно, что въ этомъ психологическомъ направленіи, начало котораго идетъ отъ анализа патологическихъ случаевъ, существуетъ нѣчто интересное, истинное, заслуживающее вниманія. Ученіе о нашемъ подсознательномъ „я" находитъ въ работахъ представителей даннаго направленія большое подтвержденіе. Правда, приводимыя доказательства носятъ на себѣ, быть можетъ, печать естественнаго увлеченія; но многіе процессы изъ области подсознательнаго выясняются лучше и отчетливѣе чрезъ приведенную психологическую теорію.

Waldstein, трактуя вопросъ о нашемъ подсознательномъ „я", указываетъ на то, что по отношенію къ сознательнымъ впечатлѣніямъ мы активны и избирательны; что касается подсознательныхъ впечатлѣній, то по отношенію къ нимъ мы являемся пассивными; но, тѣмъ не менѣе, эти послѣднія регистрируются нашей психикой и входятъ, какъ составная часть нашей памяти. Ясно для каждаго изъ насъ, что подсознательныя впечатлѣнія очень многочисленны; они даютъ окраску настроенію, нашимъ мыслямъ и поступкамъ. Они могутъ пробуждать воспроизведеніе отчетливыхъ и ясныхъ воспоминаній, давая живые образы пережитаго. Напр., случайный запахъ цвѣтка или слу-

чайный музыкальный мотивъ могутъ вызвать въ сознаніи цѣлую картину о какомъ-нибудь событіи, которое въ свое время не произвело на насъ глубокаго впечатлѣнія; и настроеніе, возникшее изъ подсознательныхъ впечатлѣній, можетъ вызвать къ жизни сознательное состояніе. Waldstein, взгляды котораго излагаются нами сейчасъ, полагаетъ, что напрасно думаютъ, что активность свойственна лишь только нашему сознательному „я“, что подсознательное „я“ несетъ лишь функціи воспріятія. Конечно, въ созданіяхъ геніальнаго творчества названный авторъ видитъ проявленіе подсознательнаго „я“, и то, что связано съ вдохновеніемъ, лежитъ въ таинственныхъ глубинахъ нашего подсознательнаго „я“. Waldstein говоритъ, что только силой своего подсознательнаго „я“ Фидій творилъ въ мраморѣ и бронзѣ, Рафаэль писалъ своихъ мадоннъ и Бетховенъ сочинялъ свои симфоніи.

Работа подсознательнаго „я“ сказывается во время сна и выражается въ формѣ сновидѣній. Конечно, свои взгляды относительно нашего подсознательнаго „я“ Waldstein не преминулъ примѣнять для объясненія нѣкоторыхъ психогенныхъ разстройствъ; и среди нихъ есть такія страданія, которыя, будучи неопредѣленными и смутными, косвенно причиняются окружающей средой. Когда проходитъ какая-нибудь физическая болѣзнь, то въ подсознательной области на долгое время остаются еще слѣды отъ перенесенныхъ послѣднею поврежденій; ибо происшествія у постели больного оставляютъ такой-же тяжелый слѣдъ на подсознательномъ „я“, какъ спутники болѣзни (боли, напр.)—на сознательномъ „я“. Съ ролью и значеніемъ подсознательнаго „я“ приходится считаться и при многихъ нервныхъ болѣзняхъ. По мнѣнію Waldstein'a, увлеченнаго своимъ ученіемъ, истерія и неврастенія есть результатъ и слѣдствіе слабости созна-

тельнаго „я“ и соотвѣтственнаго преобладанія импульсивныхъ, эмоціонально-эгоистическихъ проявленій того, что составляетъ подсознательное „я“. Въ частности относительно истеріи онъ полагаетъ, что здѣсь подсознательное „я“ достигаетъ необыкновеннаго преобладанія.

Резюмируя вкратцѣ свои соображенія, Waldstein обращаетъ вниманіе на то, что наше сознательное „я“ руководитъ нашимъ вниманіемъ и нашими поступками; и оно то оказываетъ вліяніе на наше отношеніе къ внѣшнему міру. Чрезъ него мы производимъ контроль той части нашей души, что служитъ источникомъ нашихъ волевыхъ побужденій и настроеній, стремленія жить собственной жизнью и осуществлять свои идеалы. И та двойственность, которая присуща человѣческой психикѣ, является изъ факта существованія сознательнаго и подсознательнаго „я“. Счастье человѣка зависитъ отъ истиннаго равновѣсія между сокровеннѣйшими желаніями, происходящими отъ подсознательнаго „я“, и обязанностями, открываемыми разумомъ. Такъ формулируетъ Waldstein свою основную мысль. Понятно само собою, что нарушеніе этого необходимаго равновѣсія въ сторону подсознательнаго „я“ даетъ въ результатѣ разнаго рода нервныя болѣзни и, въ частности, истерію.

И здѣсь, какъ и во взглядахъ Freud'овской школы, мы встрѣчаемся съ тѣмъ-же ученіемъ о подсознательномъ „я“. Идеи, высказываемыя Waldstein'омъ, носятъ характеръ обобщенія, суммарности; онъ увлеченъ своей точкой зрѣнія и мало заботится о томъ, чтобы дать читателю болѣе убѣдительныя доказательства правоты и истинности своихъ взглядовъ. Доказательства, приводимыя Freud'овской школой, разнообразнѣе, интереснѣе, глубже, нежели у Waldstein'a. Но для насъ важно въ данный моментъ то обстоя-

тельство, что въ тѣхъ и другихъ взглядахъ доказывается область подсознательнаго или безсознательнаго; эти понятія совпадаютъ до нѣкоторой степени съ понятіями „нижнее сознаніе“ или „низшій психизмъ“ (по Grasset). Надо сказать, что роль и значеніе подсознательнаго въ нашей психикѣ была выяснена въ своеобразныхъ деталяхъ лишь чрезъ патологическіе случаи, чрезъ ихъ психологическій анализъ. Знакомство, напр., съ истерическими проявленіями дало возможность оцѣнить силу подсознательнаго „я“, вышедшаго изъ-подъ контроля сознательнаго „я“.

Большое значеніе безсознательному приписывается не только въ патогенезѣ такого невроза, какъ истерія, но и въ происхожденіи другихъ невротическихъ состояній, гдѣ на первый планъ выступаютъ различныя навязчивыя состоянія. По мнѣнію A. Adler'a, психика невротика вынуждена прибѣгать къ уловкамъ и хитростямъ, чтобы достигнуть своей преувеличенной цѣли; и одной изъ такихъ уловокъ будетъ перенесеніе цѣли или замѣстителя цѣли въ безсознательное. Здѣсь можно говорить объ укрываніи своихъ фикцій, убѣгающихъ отъ сознанія.

III.

Анализируя нѣкоторые невротическіе признаки, авторы подчеркивали иногда особенное значеніе душевныхъ конфликтовъ и этотъ анализъ даетъ, пожалуй, новое освѣщеніе того, какимъ законамъ подчиняются нѣкоторыя области человѣческой психики. Stekel придаетъ большое значеніе этимъ конфликтамъ въ данномъ случаѣ. Иной разъ здѣсь приходится наблюдать тяжелую картину нервно-психическаго разстройства, даже съ тѣлесными признаками. Чаще всего это бываетъ тамъ, гдѣ происходитъ не-

разрѣшившееся столкновеніе между эгоистическими побужденіями и голосомъ нравственнаго чувства. Въ этихъ случаяхъ субъектъ переживаетъ необъяснимое для него побужденіе навязчиваго свойства, напр., производить разрушительныя дѣйствія. Stekel, приводя самыя простыя наблюденія изъ обыденной жизни, старается показать, что результаты душевныхъ конфликтовъ встрѣчаются, въ той или другой формѣ, нерѣдко; и лишь у невротиковъ мы видимъ здѣсь аномальныя состоянія, далеко отдаляющіяся отъ нормы. Stekel полагаетъ, что нервность есть показатель внутренней борьбы; и первая не будетъ имѣть мѣста, если нѣтъ второй. По его мнѣнію, каждый невротикъ борется съ „вытѣсненными“ преступными мыслями. Это—преступникъ, лишенный мужества совершить преступленіе. Авторъ этотъ полагаетъ, что невротикъ заболѣваетъ потому, что его психическая энергія истощается въ борьбѣ между тѣмъ, что имъ считается недозволеннымъ, и задерживающими этическими представленіями. Stekel ссылается на одинъ случай боязни пространства, гдѣ причиной невроза оказалось тайное желаніе совершить преступленіе; дѣло касалось одного кассира, которому приходилось считать ежедневно огромную сумму денегъ; и боязнь пространства явилась у него своего рода психическимъ эквивалентомъ, какъ символическое выраженіе плана бѣгства въ Америку съ похищенными деньгами. Вообще, фантазіи криминальнаго характера, приходя въ столкновеніе съ моральною стороною, даютъ въ результатѣ нерѣдко разныя навязчивыя представленія. И эти послѣднія являются своеобразными защитными мѣропріятіями отъ преступныхъ инстинктовъ. Напр., навязчивые страхи становятся выраженіемъ препятствія къ осуществленію этихъ фантазій. Тутъ будетъ, по мнѣнію Stekel'я одновременно и защита, и наказаніе.

Говоря о гипотезѣ душевныхъ конфликтовъ, какъ патогеннаго фактора по отношенію къ нѣкоторымъ невротическимъ признакамъ, намъ приходилось упоминать о томъ, что здѣсь имѣется также и аномальная символизація. Какъ въ сновидѣніяхъ сказываются интимныя побужденія, скрытыя желанія, принимающія причудливо-фантастическую форму, точно также неразрѣшенные конфликты, трансформируясь при помощи подсознательнаго „я", выражаются въ формѣ курьезныхъ и странныхъ признаковъ, какъ, напр., разные навязчивые страхи.

Freud думаетъ, что всѣ навязчивыя дѣйствія и во всѣхъ своихъ деталяхъ полны смысла; они выражаютъ переживанія нерѣдко символически и имѣютъ отношеніе къ интимнѣйшей, обычно сексуальной, жизни; въ нихъ все, хотя и не безъ труда, можетъ быть объяснено. Лицо, продѣлывающее навязчивыя дѣйствія, не знаетъ ихъ главнаго значенія; только психоанализъ обнаруживаетъ то, что скрывается подъ ними; они служатъ для проявленія неосознанныхъ мотивовъ и представленій. Субъектъ, находящійся подъ властью навязчивыхъ дѣйствій и запретовъ, ведетъ себя, по мнѣнію Freud'a, такъ, какъ будто онъ находится подъ давленіемъ сознанія своей виновности; но о послѣдней онъ не знаетъ, представленіе о ней не всплываетъ у него въ полѣ сознанія, ибо тутъ проявляетъ себя сфера безсознательнаго. Только что названный авторъ въ основѣ навязчиваго невроза видитъ одинъ важный фактъ: это—вытѣсненіе какого-нибудь парціальнаго инстикта, входящаго въ составъ организаціи даннаго индивидуума. Когда инстинктъ подавляется, то возникаетъ чувство смущенія, опирающееся на моральную личность; тутъ-же субъектъ начинаетъ испытывать страхъ. И все это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ для Freud'a о томъ,

что процессъ подавленія оказался неудачнымъ, и это будетъ сказываться все сильнѣе и сильнѣе въ будущемъ. Навязчивыя дѣйствія суть оборона противъ искушенія. Freud убѣжденъ въ томъ, что душевными процессами при неврозѣ навязчивыхъ состояній управляетъ процессъ замѣщенія и, при этомъ, истинное и важное подмѣнивается ничтожнымъ и не имѣющимъ значенія. Словомъ, здѣсь играютъ роль различные моменты: и душевные конфликты, и патологическая символизація.

Хотя эта гипотеза и объясняетъ своеобразно, оригинально и интересно нѣкоторыя стороны дѣла въ картинѣ навязчивыхъ состояній, но многое остается пока недостаточно убѣдительнымъ.

Можно согласиться съ тѣмъ, что, дѣйствительно, таковъ генезисъ отдѣльныхъ признаковъ; но едва-ли можно считать доказаннымъ, что въ этихъ психическихъ механизмахъ, раскрываемыхъ Freud'омъ, мы имѣемъ дѣло съ первичнымъ фактомъ; чтобы данная личность могла продуцировать неразрѣшимые для нея самой душевные конфликты, необходимо, чтобы было еще первичное условіе (по отношенію къ нимъ); нужна, можетъ быть, своеобразная нервно-психическая организація.

То, что наблюдается при навязчивыхъ состояніяхъ, имѣетъ свои аналогіи и помимо области патопсихологіи. Сходныя психическія переживанія, но безъ аномальнаго элемента, свойственны и уравновѣшеннымъ людямъ, со здоровою психикой. Гипотетическія соображенія Freud'овской школы, законы, ею устанавливаемые, подтверждаются, по ея мнѣнію, и тамъ, гдѣ нѣтъ рѣчи о болѣзни.

IV.

Патопсихологія, матеріаломъ для которой служатъ обычно различныя пограничныя состоянія, гдѣ близка уже норма, располагаетъ для своихъ обобщеній и теоретическихъ построеній массою данныхъ. Эти послѣднія были получены вначалѣ, главнымъ образомъ, при помощи клиническаго метода, основаннаго на непосредственномъ наблюденіи и на разсказахъ самого больного о своихъ переживаніяхъ. И этотъ матеріалъ знакомитъ насъ со своеобразными состояніями въ области патологіи. Къ числу такихъ состояній можно-бы отнести то, что носитъ названіе циклотиміи. Эта аномалія, не такъ уже рѣдко встрѣчающаяся, заключается въ томъ, что количество психической энергіи вырабатывается и обнаруживается у даннаго индивидуума чрезвычайно неравномѣрно.

То онъ продуцируетъ ее много, то—поразительно мало. Онъ замѣчаетъ, что временами у него на душѣ становится мрачно; онъ погружается въ безпросвѣтную тоску; его страшитъ собственное будущее, и въ немъ онъ не видитъ для себя хорошаго: его фантазіи мерещатся одни лишь мученія. Онъ чувствуетъ себя оторваннымъ отъ окружающей жизни; онъ становится словно мрачнымъ наблюдателемъ того, что происходитъ вокругъ него: онъ перестаетъ принимать участіе въ окружающемъ. Гнетущая и щемящая тоска преслѣдуетъ его, онъ занимается самоанализомъ; вниманіе его постоянно сосредоточивается на собственныхъ мрачныхъ переживаніяхъ. Сколько-бы онъ ни думалъ о своемъ печальномъ положеніи, но выхода изъ него онъ не можетъ найти. И тутъ въ его сознаніи начинаютъ всплывать мысли о ненужности и безцѣльности собственнаго существованія; онъ приходитъ къ убѣ-

жденію, которое имъ мотивируется, что ему не стоитъ жить. И въ этихъ случаяхъ нерѣдко бываетъ роковая развязка.

Въ типическихъ случаяхъ, сюда относящихся, рядомъ и единовременно съ угнетеннымъ настроеніемъ, субъектъ испытываетъ чувство заторможенія или задержки въ психическомъ процессѣ. Страдающій этою фазою циклотиміи замѣчаетъ, что ему стало труднѣе думать и соображать. Онъ убѣждается все болѣе и болѣе въ томъ, что психическая работа идетъ у него теперь не такъ вовсе, какъ прежде. Ему кажется, что его способности словно упали; и онъ бываетъ склоненъ думать, что, м. б., онъ всегда былъ такимъ, что раньше онъ самъ ошибался въ оцѣнкѣ себя и вводилъ другихъ въ заблужденіе. Итакъ, здѣсь мы имѣемъ сочетаніе двухъ состояній: 1) эмоціональное угнетеніе и 2) интеллектуальную задержку. Къ нимъ присоединяется еще и третій признакъ; это — волевыя задержки и, вообще, психо-моторное заторможеніе въ той или другой степени.

Послѣднее выражается въ томъ, что субъектъ замѣчаетъ, что ему стало какъ будто труднѣе двигаться, ходить, приводить въ дѣйствіе свои мышечные механизмы. Здѣсь, слѣдовательно, наблюдается опредѣленное сочетаніе аномальныхъ признаковъ, захватывающее сферы эмоціональную, интеллектуальную и психомоторную; и на проявленіи этихъ сторонъ душевной дѣятельности лежитъ печать угнетенія, подавленія; въ этомъ выражается депрессивный періодъ циклотиміи.

Хотя субъектъ и мрачно смотритъ на свое положеніе, хотя онъ и не видитъ просвѣта въ будущемъ, но въ его организмѣ совершается роковой переходъ въ другое, даже противоположное состояніе. Депрессія, надвинувшаяся на его душевную дѣятельность, пок

даетъ его раньше или позднѣе. Онъ начинаетъ испытывать, временами, сначала радостное чувство; утраченное на время чувство жизненности снова къ нему возвращается; и настроеніе его становится пріятнымъ и радостнымъ. Свѣтлыя перспєктивы рисуются ему въ будущемъ; онъ доволенъ собою, окружающее его интересуетъ; и сердце его трепетно бьется; онъ доволенъ своимъ возвращеніемъ въ жизнь, которая теперь не кажется ему чуждой; она, наоборотъ, близка ему, и онъ считаетъ себя теперь такимъ-же ея участникомъ, какъ и всѣ другіе. Словомъ, это будетъ повышенное настроеніе. Какъ въ фазѣ депрессіи, такъ и здѣсь, существуютъ, въ типическихъ случаяхъ циклотиміи, другіе признаки; именно, субъектъ замѣчаетъ облегченіе въ интеллекдуальномъ процессѣ. Выражаясь шаблонно, онъ говоритъ, что у него голова стала прекрасно работать. Въ головѣ у него много плановъ; возникающія въ полѣ сознанія представленія сопровождаются и вызываютъ къ жизни свободно и легко обильныя ассоціаціи. Такому индивидууму хочется много говорить; въ бесѣдахъ своихъ онъ бываетъ шутливъ, находчивъ, нерѣдко остроуменъ. Обладая творчествомъ и литературнымъ дарованіемъ, онъ обнаружитъ иногда это свое состояніе въ формѣ художественнаго произведенія. Ему почти не вспоминается то, что было съ нимъ, когда онъ переживалъ депрессію. Чувство облегченія онъ испытываетъ и по отношенію къ психо-моторной области; и эта послѣдняя обнаруживаетъ признаки возбужденія. Субъектъ обычно въ это время много двигается, у него есть стремленіе ходить; онъ не замѣчаетъ у себя усталости. Итакъ, въ этомъ періодѣ циклотиміи мы встрѣчаемся съ тріадой признаковъ: 1) эмоціональное оживленіе, 2) ускореніе интеллектуальнаго процесса и 3) психо-моторное возбужденіе. Это будетъ

фаза экзальтаціи. Интересно, что и въ фазѣ возбужденія душевной дѣятельности, и въ періодѣ угнетенія ея мы констатируемъ характерное сочетаніе аномальныхъ признаковъ. Экзальтація, оставаясь то или иное время, начинаетъ стихать, и снова наступаютъ предвѣстники надвигающейся депрессіи; и эта послѣдняя опять омрачаетъ душевную жизнь субъекта, измѣняетъ его отношеніе къ самому себѣ, ставя его въ положеніе человѣка, оторваннаго какою-то страшною силою отъ окружающей дѣйствительности; это мрачное настроеніе, этотъ частичный пессимизмъ обычно носитъ лишь индивидуальный характеръ. Здѣсь нѣтъ общаго мрачнаго міросозерцанія; погруженный въ депрессію, субъектъ видитъ радости и печали другихъ людей, онъ готовъ позавидовать другимъ, но его гнететъ, что эта живая жизнь ему недоступна теперь. И хотя онъ помнитъ хорошо, что у него бывало уже такое мрачное состояніе, хотя онъ и знаетъ, что оно уже проходило, но онъ не можетъ отнестись правильно къ тому, что переживаетъ теперь. Правда, здѣсь могутъ дѣйствовать временно, моментами доводы разума; но ихъ сила далеко не всегда надежна. Мрачныя мысли, несмотря на перенесенный уже опытъ, продолжаютъ всплывать въ сознаніи одна за другой; ихъ появленіе и возникновеніе облегчается; всѣ радостныя переживанія, все пріятное въ прошломъ и въ настоящемъ почти недоступно для воспроизведенія въ полѣ сознанія. Самый логическій процессъ дѣлается одностороннимъ; обсуждая свое положеніе, субъектъ оперируетъ лишь съ сужденіями, окрашенными мрачнымъ фономъ. Онъ находитъ въ себѣ массу крупныхъ и мелкихъ недостатковъ. Если и появляются у него въ сознаніи мимолетные свѣтлые лучи отъ прежнихъ переживаній, они быстро гаснутъ отъ присутствія представленій, идей и воспоминаній

иного совершенно содержанія. И въ этой личной душевной трагедіи, разыгрывающейся и повторяющейся отъ времени до времени, въ той или другой степени, наступающей роковымъ образомъ, очень часто, независимо отъ окружающихъ впечатлѣній, главную роль въ генезисѣ мрачно-односторонняго ассоціативнаго процесса нужно отнести насчетъ измѣненія эмоціональнаго тонуса; существованіе его, обусловленное чисто-физіологическими причинами, и дѣлаетъ возможнымъ появленіе въ сознаніи лишь мрачныхъ и тягостныхъ мыслей.

Эти послѣднія пріобрѣтаютъ, подъ покровительствомъ соотвѣтствующаго имъ эмоціональнаго состоянія, господствующую роль. Наоборотъ, ассоціативный процессъ, связанный съ психическимъ содержаніемъ противоположнаго характера, подавляется, затрудняется и не можетъ осуществляться; и эти тормозящіе его импульсы исходятъ изъ подсознательной области, измѣненной органическими условіями. То, что было сказано по отношенію къ эмоціональному тонусу угнетающаго характера, вполнѣ примѣнимо и къ обратному состоянію; здѣсь длительный радостный эффектъ вызываетъ къ жизни и соотвѣтствующія идеи и представленія.

Мы говорили уже о томъ, что при депрессіи, въ числѣ характерныхъ для нея признаковъ, содержится и интеллектуальное угнетеніе, въ смыслѣ нѣкотораго заторможенія интеллектуальнаго процесса. Дѣйствительно, такое состояніе переживается субъектомъ, замѣчается имъ; онъ испытываетъ, при этомъ, недостатокъ мыслей, появляющихся въ полѣ сознанія, бѣдность и скудость ихъ. Но интересно, что не во всѣхъ случаяхъ психическаго угнетенія сосуществуютъ эти два признака. Хотя и не часто, но бываетъ такъ, что рядомъ съ угнетающимъ эмоціональ-

нымъ тонусомъ, субъектъ переживаетъ въ сферѣ чисто-интеллектуальной ту или иную степень возбужденія. Здѣсь будетъ наплывъ мыслей, обиліе ихъ; въ это время переживается иногда своеобразный, если можно такъ выразиться, вихрь ихъ. Въ полѣ сознанія они возникаютъ одна за другой, въ извѣстной ассоціативной послѣдовательности; здѣсь словно насильственно вспоминается многое изъ прежней жизни. Но все это покрывается мрачнымъ аффективнымъ состояніемъ; несмотря на возбужденіе интеллектуальнаго процесса, облегчаются и здѣсь лишь тѣ ассоціаціонныя звенья и цѣпи, которыя соотвѣтствуютъ угнетающей эмоціи. Иной разъ, рядомъ съ тяжелымъ эмоціональнымъ тонусомъ и затрудненіемъ въ сферѣ чисто интеллектуальнаго процесса, наблюдается не подавленіе волевыхъ проявленій и, вообще, психомоторной сферы, а возбужденіе этой послѣдней, и въ это время субъектъ обнаруживаетъ стремленіе къ движенію; при этомъ онъ не замѣчаетъ физической усталости, которая временно словно имъ не воспринимается. Субъектъ можетъ много ходить, ему трудно сидѣть на мѣстѣ; какая-то подсознательная сила не даетъ ему покоя, и онъ ищетъ забвенья въ постоянномъ передвиженіи.

Изрѣдка интеллектуальное заторможеніе и угнетеніе въ сферѣ психомоторной не совпадаютъ съ мрачнымъ настроеніемъ. И вотъ интересно отмѣтить, что при циклотиміи различныя области нашей душевной дѣятельности, разграничиваемыя, конечно, искусственно, могутъ находиться въ данномъ періодѣ этого аномальнаго состоянія въ неодинаковомъ положеніи, именно, въ то время, какъ одна изъ сторонъ находится въ состояніи угнетенія, другая — оказывается возбужденной. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія; онъ любопытенъ съ теоретической точки зрѣнія. Его же можно констатировать иногда и тамъ, гдѣ цикло-

тимикъ переживаетъ фазу экзальтаціи; и въ этихъ случаяхъ на фонѣ общаго экзальтативнаго процесса обнаруживается депрессія той или другой сферы душевной дѣятельности.

Слабо выраженныя циклотимическія состоянія замѣтны лишь самому субъекту, ихъ переживающему; тутъ иногда идетъ дѣло о такихъ состояніяхъ, которыя близки къ нормѣ. Но вотъ вопросъ, имѣемъ-ли мы нѣчто аналогичное, качественно сходное въ душевной дѣятельности нормальныхъ лицъ или же это—аномалія въ распредѣленіи душевной энергіи, носящая специфическій характеръ, и ея генезъ связанъ съ какими-то особенностями нервно-психической организаціи.

Измѣненія настроенія обычнаго свойства, стоящія въ связи съ получаемыми впечатлѣніями, не имѣютъ ничего общаго съ циклотимическими проявленіями. Извѣстная періодичность, та или иная форма ритма въ душевномъ процессѣ здороваго человѣка едва-ли могутъ быть отождествляемы съ той аномаліей, которая извѣстна подъ именемъ циклотиміи. Естественныя разочарованія, разнаго рода душевныя драмы, потрясенія, перемѣны въ міросозерцаніи, — все это отличается качественно отъ душевныхъ переживаній циклотимика; все это—психическіе факты иного порядка.

Правда, можетъ быть комбинація естественныхъ переживаній съ циклотимическими, и тогда нелегко бываетъ иной разъ выдѣлить ясно и опредѣленно циклотимическій элементъ. При циклотиміи измѣненіе нашего подсознательнаго „я“, вызванное физіологическими условіями, такъ велико, что высшая сознательная дѣятельность не можетъ правильно себя проявлять. Надо добавить еще, что въ періодѣ экзальтаціи стимуриванная подсознательная сфера, при одаренности субъекта, можетъ обнаружить себя въ созданіи твор-

ческихъ произведеній, имѣющихъ большую цѣнность.

Много небезъинтереснаго матеріала для патопсихологіи даетъ наблюденіе надъ патологическими личностями; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ конституціональными, прирожденными особенностями характера. Такъ какъ въ данной области не существуетъ рѣзкой и опредѣленной границы между нормой и патологіей, такъ какъ здѣсь есть пограничная область, то, понятно, и самое ученіе о характерахъ, наука «характерологія» близко соприкасается съ ученіемъ о патологическихъ личностяхъ.

Среди послѣднихъ выдѣляется обширная группа такъ назыв. «психастениковъ». Въ этихъ случаяхъ существуетъ своеобразное, но всегда опредѣленное сочетаніе аномальныхъ признаковъ; во-первыхъ, въ полѣ сознанія такихъ индивидуумовъ появляются различныя навязчивыя идеи и представленія. Тѣ и другія находятся часто въ полномъ противорѣчіи съ содержаніемъ сознанія въ данный моментъ; сознательное «я» протестуетъ противъ вторженія въ его границы этихъ назойливыхъ идей и представленій; но оно бываетъ безсильно съ ними справиться и борьба съ ними не всегда кончается съ успѣхомъ для субъекта, если онъ просто только желаетъ отъ нихъ избавиться. То, что врывается въ сознаніе въ видѣ навязчивыхъ психическихъ феноменовъ, нарушаетъ обычно естественный ходъ ассоціативнаго процесса. Субъектъ относится критически къ своимъ аномальнымъ явленіямъ въ области сознанія. Онъ считаетъ ихъ чуждыми его сознательному «я». Но это—не просто idées fixes. Навязчивыя мысли и представленія сопровождаются чувствомъ тревоги; иногда эмоціональное состояніе выражается въ видѣ страха какихъ-либо предметовъ, именно, животныхъ и т. д. Хотя психастеникъ и понимаетъ, что его страхи абсурдны или странны, но онъ

не можетъ отъ нихъ отдѣлаться въ данный моментъ.

Эта тревога, это своеобразное эмоціональное состояніе, сочетающееся съ навязчивыми мыслями, является однимъ изъ характерныхъ признаковъ психастеніи.

Индивидуумы данной категоріи, сохраняющіе критическое отношеніе къ своимъ переживаніямъ, обычно привыкаютъ къ самонаблюденію надъ ними; и ихъ разсказы о внутренней жизни представляютъ интересъ для рѣшенія вопроса о генезисѣ такихъ аномальныхъ состояній. Патологическая мнительность, повышенная тревожность, излишнія сомнѣнія и колебанія составляютъ отличительныя черты психастениковъ; и на всемъ этомъ у нихъ лежитъ печать утрированности, скрупулезности, при чемъ, они сами хорошо сознаютъ эти свои странности и психическіе недочеты. Любопытно, что лица данной категоріи обычно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, обладаютъ хорошо развитымъ моральнымъ чувствомъ. И иной разъ даже приходится здѣсь встрѣчаться со своеобразнымъ патологическимъ альтруизмомъ. Итакъ, при психастеніи наблюдается вотъ это сочетаніе аномальныхъ признаковъ, о которомъ была сейчасъ рѣчь. Такое сочетаніе такъ характерно, что можно бы даже говорить о томъ, что между отдѣльными компонентами здѣсь существуетъ не простая, а какая то органическая связь.

Мы видѣли выше, какъ толковались навязчивыя психическія состоянія съ точки зрѣнія душевныхъ конфликтовъ, сознательнаго и насильственнаго вытѣсненія нѣкоторыхъ эгоистическихъ или криминальныхъ побужденій и желаній, съ точки зрѣнія гипотезы аномальной символизаціи. Мнѣ думается, къ этому нужно-бы добавить еще, что для появленія психастеническихъ признаковъ необходимо нѣкоторое предрасположеніе. Кромѣ того, они возникаютъ вѣроятно, когда въ душѣ субъекта происходитъ сознательная

активная борьба моральнаго чувства съ влеченіями низшаго порядка, насильственно подавленными, недостаточно освѣщенными логическими доводами, ни сублинированными, во выраженію Freud'овской школы. Терминъ «психастенія» въ этомъ смыслѣ получилъ значительныя права гражданства послѣ спеціальныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи Pierre Janet; только что названный авторъ подчеркиваетъ въ этихъ случаяхъ пониженіе психологическаго тонуса, ослабленіе функцій, позволяющихъ воздѣйствовать на реальность и воспринимать реальное. Дѣйствительно, надо согласиться, что этимъ предположеніемъ объясняется одна сторона дѣла, но лишь именно одна, но не вся совокупность того, что мы наблюдаемъ при психастеніи. Тонусъ самого психическаго процесса здѣсь не достигаетъ необходимой интенсивности. Если же онъ повышается въ зависимости отъ какихъ-либо условій, внутреннихъ и внѣшнихъ, то навязчивыя состоянія становятся слабѣе, а иногда даже могутъ на время исчезать отъ одного этого условія.

При логопатіи, т. е., при паталогическомъ резонерствѣ, существуетъ словно совершенно противоположное психастеніи состояніе. У логопатовъ нѣтъ сомнѣній и колебаній; наоборотъ, они самоувѣрены въ своихъ выводахъ, разсужденіяхъ, въ дѣйствіяхъ У нихъ наблюдается обиліе сужденій разнаго рода, обычно поверхностныхъ, плохо мотивированныхъ, иногда странныхъ. У нихъ бросается въ глаза наклонность къ паралогизмамъ. Анализируя высказываемыя такимъ субъектомъ соображенія, обращая вниманіе на его логическій процессъ, можно легко убѣдиться въ томъ, что сужденія его весьма односторонни и что онъ часто неправильно пользуется даже обычными и ходячими понятіями. Иной разъ его разсужденія могутъ показаться, м. б., оригинальными, но по существу они

оказуются или невѣрными, или не имѣющими никакой цѣнности. Здѣсь мы могли бы, пожалуй, говорить о слабости интеллектуальнаго или логическаго чувства; и эта аномалія мѣшаетъ субъекту замѣчать неправильность своихъ сужденій; онъ лишенъ критическаго отношенія къ этимъ послѣднимъ. Дѣлая ясно неправильныя или односторонніе заключенія, онъ этого не замѣчаетъ, и не въ состояніи ихъ провѣрить ни сознательно, ни при помощи интеллектуальной эмоціи. Въ общемъ, у него будетъ своеобразное *паралогическое мышленіе*, но степень этой аномаліи будетъ, конечно, не одинакова въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Почти всегда, если не всегда, паралогическое мышленіе сочетается съ тою или иною степенью недостатка моральнаго чувства. И тѣ случаи, которые относились къ moral insanity, показываютъ, что здѣсь о сохраненіи правильнаго мышленія можно говорить лишь съ чисто формальной стороны. На самомъ же дѣлѣ въ интеллектуальномъ процессѣ лицъ, относящихся къ этой категоріи, всегда имѣется своеобразный изъянъ въ формѣ паралогическаго мышленія.

Затѣмъ, помимо слабости логическаго и моральнаго чувства въ этихъ случахъ обычно можно констатировать нѣкоторую степень возбужденія психической дѣятельности, вообще. Поэтому логопаты отличаются нѣкоторымъ стремленіемъ говорить, обо всемъ судить, имѣть по каждому поводу свое особое мнѣніе, разсуждать иногда о предметахъ, даже недоступныхъ ихъ пониманію; они обычно подвижны, дѣятельны; и все это рѣзче выдѣляетъ ихъ характерные психическіе изъяны. Словомъ, здѣсь будутъ явленія какъ будто бы аномальнаго состоянія, представляющаго обратную сторону психастеніи. Это будетъ *психическая гиперстенія*; и здѣсь, при этомъ, указанные признаки находятся въ органическомъ сочетаніи между

собою, являясь прирожденными конституціональными особенностями.

Хотя Freud'овская школа даетъ, какъ мы видѣли уже, опредѣленное толкованіе истерическихъ явленій, но надо сказать еще разъ, что она разъясняетъ, главнымъ образомъ, лишь патогенезъ отдѣльныхъ признаковъ истеріи. Самая-же сущность ея остается до сихъ поръ неясной и несовсѣмъ понятной. Для истерической психики характерны два главныхъ признака: это—патологическая внушаемость и самовнушаемость. Онѣ-то и даютъ возможность развитію и возникновенію всѣхъ пестрыхъ, причудливо-разнообразныхъ признаковъ, но уже вторичнаго происхожденія. Въ отличіе отъ психастеніи, при истеріи патологическій процессъ, происходящій въ связи съ излишнею внушаемостью и самовнушаемостью, разыгрывается при пассивномъ до нѣкоторой степени участіи субъекта. Онъ не проявляетъ борьбы съ воздѣйствіемъ на его психику патогенныхъ условій. Сознательное „я“ въ моментъ возникновенія истерическихъ признаковъ на время совсѣмъ устраняется и поле дѣйствія очищается для проявленія подсознательнаго „я“, и оно-то даетъ о себѣ знать при истеріи, показывая всю свою силу и значеніе въ полной мѣрѣ, обнаруживая своеобразное вліяніе на тѣлесную сферу.

Что касается прирожденныхъ психическихъ особенностей, относящихся къ эпилепсіи, то онѣ даютъ рядъ фактовъ, интересныхъ въ психологическомъ отношеніи. Здѣсь мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ самыми разнообразными состояніями общаго прекращенія сознательныхъ функцій психическаго механизма. Напр., здѣсь наблюдаются состоянія психическаго автоматизма или транса, когда сознаніе временно прекращаетъ свою дѣятельность и когда субъектъ продолжаетъ вести себя съ внѣшней стороны какъ бы

цѣлесообразно; съ пробужденіемъ же сознанія оказывается, что данное лицо не помнитъ о томъ, что было съ нимъ въ это время.

Ученіе о патологическихъ личностяхъ, безъ сомнѣнія, даетъ обширный матеріалъ для психологовъ, но, правда, недостаточно еще анализированный. То же самое можно сказать и относительно другихъ аномальныхъ состояній душевной дѣятельности; и это касается различныхъ отдѣловъ ея; едва ли даже нужно перечислять ихъ всѣ.

Въ заключеніе необходимо указать, что за послѣдніе годы все больше и больше въ клиническую психопатологію проникаютъ принципы экспериментально психологической методики, преслѣдующіе пока болѣе узкія клинико-діагностическія цѣли, нежели дающія матеріалъ для патопсихологіи или для психологіи.

Л. Оршанскій.

Наблюденія надъ дѣтьми, въ современной психологіи.

Откуда беретъ свое начало психологія дѣтства, какъ самостоятельная дисциплина?

На всемъ длинномъ пути, который прошла психологія отъ восточной мудрости до нашихъ дней, мы видимъ одинъ и тотъ же предметъ наблюденія, изученія — душу взрослаго человѣка, законченную въ своемъ развитіи, всюду и вѣчно одинаковую. Мѣнялись методы, порой дѣлались значительные шаги впередъ въ дѣлѣ описанія тѣхъ или иныхъ психологическихъ явленій, но объектъ наблюденія оставался все тотъ же. Всегда ли душа бываетъ такой, какой мы видимъ ее въ законченномъ видѣ, и если нѣтъ, то какія метаморфозы развитія она проходитъ—даже зарожденіе вопросовъ такого рода было невозможно. Но народившаяся біологія перенесла вниманіе съ законченнаго на примитивное, первоначальное, съ описанія зрѣлаго на исторію развитія.

Это генетическое направленіе переродило анатомію животнаго и растительнаго міра въ ихъ эмбріологію, и въ знаменитой книгѣ Геккеля: „Generelle Morphologie“, въ послѣдней ея переработкѣ, сдѣлана попытка со-

брать всѣ факты и догадки къ созданію генеалогіи всего живого.

Въ исторіи искусства интересъ передвинулся отъ совершенныхъ формъ греческаго ваятеля къ до-историческимъ опытамъ художественнаго творчества, къ росписи пещеръ, къ рисункамъ бушменовъ и эскимосовъ и къ дѣтскимъ рисункамъ.

Въ психологіи исканіе начала, генезиса, привело къ новому міру наблюденій — къ ребенку, къ душевной жизни человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ. Но изученіе дѣтской души завоевывало мѣсто въ общей психологіи съ еще большимъ трудомъ, чѣмъ эволюціонная идея въ біологіи. Трудности, сопротивленіе, предразсудки съ самаго начала душили новую область знанія. Педагогика, исторически пріученная къ утилитарнымъ задачамъ—учить тому, что сегодня считается нужнымъ знать,—не выработала иного метода подхода къ дѣтской душѣ, кромѣ приказанія и угнетенія; прежняя психологія, крайне связанная съ метафизикой, всячески игнорировала новую область наблюденія и препятствовала признанію ея правъ; предразсудки педагоговъ и родителей, твердо увѣренныхъ въ непогрѣшимости своего пониманія дѣтей, оказались такимъ камнемъ преткновенія, котораго и до сихъ поръ не удалось сдвинуть съ пути изслѣдованія. Миѳическіе дѣтскіе недостатки, какъ злость, мстительность, лѣнь, столь-же сомнительныя добродѣтели, какъ послушаніе, отсутствіе собственныхъ желаній, стремленіе почтительно подражать старшимъ и др.—все это приводило къ тому, что взрослые могли годами жить рядомъ съ дѣтьми, имѣть огромную семью или цѣлую школу и совершенно не видѣть, не понимать, какъ совершается самое удивительное въ мірѣ,—какъ изъ простыхъ началъ вырастаетъ душа взрослаго человѣка. Человѣкъ успѣлъ точно

изучить всю землю, описать всѣ звѣзды, создать технику, искусство—и тогда лишь впервые остановиться предъ вопросомъ, какъ начинаетъ ребенокъ видѣть, слышать и понимать воспринятое, какъ начинаетъ говорить, рисовать и какъ въ нѣсколько лѣтъ продѣлываетъ снова завоеваніе (для себя) культуры, на которую человѣчество потратило тысячелѣтія. И потому только, что это совершается каждый день, что это „само собою разумѣется", ростъ души въ первые годы ея жизни оставался внѣ сферы изученія.

Обыкновенно принято относить начало изученія дѣтской психологіи къ половинѣ 19 вѣка; на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно. Однимъ изъ первыхъ „дѣтскихъ психологовъ" надо считать Локка, который пытался строить свои педагогическіе взгляды на особенностяхъ дѣтской психики, какъ опытной науки. Черезъ полстолѣтія Руссо, опять по мотивамъ утилитарнымъ, педагогическимъ, создалъ своего рода „вѣкъ ребенка". Но литература того времени вскорѣ была забыта.

Въ концѣ 18 в. Тидеманъ дѣлаетъ первыя научно цѣнныя наблюденія надъ психикой дѣтей. Появляется интересъ къ біографіямъ дѣтей, дневникамъ, монографіямъ отдѣльныхъ способностей, воспоминаніямъ дѣтства и т. п.

Однако, вся эта работа строилась на субъективныхъ основахъ, лишена была единообразнаго метода, плохо отличала сказку, анекдотъ отъ факта и вскорѣ заглохла. И выдающіяся педагогическія системы:—филантропизмъ и неогуманизмъ,—Песталоцци и потомъ Фребель отдавали все свое вниманіе дѣтскому времянаполненію, обстановкѣ, исходяя изъ общефилософскихъ и этическихъ началъ, но не имѣя интереса къ психологіи самобытной, еще неизмѣненной дѣтской личности. Но иначе тогда и не могло быть, т.-к. для

появленія дѣтской психологіи въ современномъ смыслѣ этого слова нужна была такая біологическая основа, которая составляетъ завоеваніе нашего времени. Мы стоимъ теперь на той точкѣ зрѣнія, что психическое развитіе человѣка тѣсно связано съ его соматическимъ ростомъ, совершается въ строго закономѣрной постепенности, что звенья этой цѣпи развитія составляютъ не только собственность каждаго индивидуума, но суть свидѣтели филогенетическаго развитія, живые свидѣтели того, какъ исторически развивалось человѣчество.

При всей первоначальной простотѣ этого отложенія, оно создаетъ не только новый этапъ въ изученіи души—въ такомъ случаѣ это было бы обыкновеннымъ шагомъ впередъ, надбавкой къ старому,—но оно требуетъ во многихъ случаяхъ, если не всецѣло, перестройки, провѣрки принятаго, подведенія вновь открытаго генетическаго фундамента подъ исторически утвердившіяся основы психологіи взрослаго человѣка. Степень развитія нервной системы, возрастъ, полъ, индивидуальность и зоологическая и антропологическая наслѣдственность (т. е., психическія свойства, связывающія насъ съ психикой нашихъ зоологическихъ предковъ) вводятъ въ психологію идеи и факты изъ цѣлаго ряда біологическихъ наукъ. Одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ называетъ эти корни нашей психики палеопсихологіей или археологіей души. И какъ въ искусствѣ, антропологіи и др. дисциплинахъ археологія или изученіе первобытныхъ формъ одно лишь даетъ настоящее пониманіе современныхъ намъ сложныхъ явленій, такъ и генетическая психологія, сводя сложное къ первичному, обѣщаетъ въ будущемъ открыть намъ

возможность пониманія души и воздѣйствія на нее. Вся эта аналитическая и генеологическая работа начата и можетъ быть выполнена въ сферѣ психологіи дѣтей и примитивнаго человѣка.

Остановимся кратко на исходныхъ пунктахъ дѣтской психологіи.

Раньше всего приходится принять во вниманіе особенности строенія нервной системы въ первые годы жизни. „Человѣческій мозгъ строится по такому широкому и сложному плану, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ утробной жизни младенца планъ этотъ можетъ быть осуществленъ лишь въ общихъ чертахъ, но не въ деталяхъ. Еще нѣсколько лѣтъ жизни продолжается постройка съ заканчиваніемъ многихъ деталей. Пока эти детали не закончены, дѣятельность многихъ центровъ невозможна, и мы не видимъ ея у дитяти“ (Сакорскій). У новорожденнаго развиты лишь низшіе центры т. н. растительной жизни, т.-е. продолговатый мозгъ со смежными частями и органы чувствъ; изъ центровъ памяти и разсудка развиты только обонятельные и вкусовые центры; зрительные и слуховые недоразвиты; самые высшіе вовсе не развиты.

Дальнѣйшее развитіе заключается не только въ появленіи новыхъ частей, но и въ преобразованіи уже существующихъ. Какъ активныя части, такъ и проводящіе пути растутъ; взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей ускоряется, и психологическая картина скоро теряетъ первоначальную простоту. Анатомо-физіологическая исторія человѣческаго мозга имѣетъ за собой небольшое прошлое. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ проф. Флексигу, а также проф. В. М. Бехтереву, особенно изучившему развитіе „проводящихъ путей“ въ нервной системѣ.

Конечно, параллелизмъ анатомическаго развитія дѣтской нервной системы и первыхъ шаговъ психи-

ческой жизни можно уловить лишь вначалѣ. Очень скоро психическая жизнь настолько усложняется, что становится сначала труднымъ, а потомъ и невозможнымъ выводить наружу связь тѣла и души. И тогда должны приходить на помощь иныя средства: изученіе случаевъ общаго психическаго недоразвитія, въ формѣ равномѣрной отсталости, далѣе, частичное недоразвитіе и рядомъ переразвитіе отдѣльныхъ способностей, выпаденіе отдѣльныхъ функцій и т. д. Остановка развитія въ послѣднее время составила особый предметъ изученія подъ именемъ инфантилизма. Явленія инфантилизма (дѣтскій характеръ) могутъ касаться физическаго строенія или психики; чаще же всего захватываютъ и то, и другое. Уже и теперь распознаваніе инфантилизма, когда человѣкъ воспринимаетъ, думаетъ, поступаетъ не соотвѣтственно возрасту — то, что на обыкновенномъ языкѣ называется взрослыми дѣтьми или, наоборотъ, преждевременными старичками — имѣетъ большое значеніе при педагогической характеристикѣ ребенка, при оцѣнкѣ непонятныхъ или трудныхъ дѣтей; но въ психологіи этимъ аномаліямъ предстоитъ помочь многое выяснить—особенно же въ вопросѣ объ установленіи психологическихъ возрастовъ или раздѣленіи исторіи развитія человѣческой души на періоды. Періоды психическаго развитія могутъ быть установлены, конечно, только путемъ огромнаго количества наблюденій надъ дѣтьми одинаковыхъ и разныхъ возрастовъ при равныхъ условіяхъ соціальныхъ, педагогическихъ, съ обращеніемъ вниманія на наслѣдственность и др. обстоятельства, могущія повліять на результаты наблюденій. Многочисленныя попытки теоретическаго обоснованія и практическаго установленія періодовъ развитія еще не могутъ считаться законченными и дѣлались съ разныхъ точекъ зрѣнія. Чемберлэнъ сдѣлалъ сводку, сущность

которой сводится къ слѣдующему. Раньше всего огромное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что дѣтство имѣетъ различную продолжительность у дѣтей различныхъ народовъ и общественныхъ классовъ въ прямой зависимости отъ сложности или примитивности духовной жизни родителей и предковъ. Чѣмъ большія культурныя богатства имѣютъ быть переданы по наслѣдству и усвоены ребенкомъ, чѣмъ выше предстоящая ему душевная работа, тѣмъ больше нервная система къ этому готовится и тѣмъ больше продолжается періодъ дѣтства. Эти задержки на ступени дѣтства объясняются глубоко рациональными біологическими, культурными и психологическими причинами и рѣзко противорѣчатъ обычной радости, съ которой принято встрѣчать всякій признакъ ранняго развитія, и доказываютъ неосновательность страха и горя по поводу мнимой запоздалости.

Дѣти примитивныхъ народовъ, какъ это замѣчено цѣлымъ рядомъ путешественниковъ, развиваются быстро и рано; въ 5—8 лѣтъ они самостоятельнѣе и ближе къ предѣлу развитія, чѣмъ дѣти культурныхъ народовъ, но затѣмъ останавливаются, источникъ прогресса изсякаетъ и наступаетъ застой. На такой примитивной культурной ступени періоды развитія просты и немногочисленны. Этнографы-біологи въ послѣдніе годы много разъ пытались ввести свои наблюденія надъ психологіей взрослыхъ и дѣтей дикарей или только недавно столкнувшихся съ европейской цивилизаціей народовъ въ общую психологію. Упомяну здѣсь работы Koch-Grünberg'a о Бразиліи, проф. Вейле — объ африканскихъ племенахъ, Kidd'a, R. Andreae и др. Проф. Гетчинсонъ представилъ графически развитіе человѣчества и ребенка въ формѣ 6 періодовъ для человѣчества и 5 періодовъ для ребенка.

№	Періоды.	Ихъ продолжительность.	Высшая ступень.	Особенно характерныя черты.	Игры и забавы.
1	Копанье и рытье земли.	До 5 лѣтъ.	Третій годъ	Съѣдобность какъ мѣрило всего, вещи или „пріятны“ или „отвратительны“ (на вкусъ).	Игры состоятъ въ откусываніи и отвѣдываніи кусковъ.
2	Охота и захватъ добычи	5—12 „	Седьмой „	Страхъ передъ чужими: дѣйствія тайкомъ, равнодушіе къ боли; почитаніе героевъ; жестокость.	Пуганіе изъ засады (дѣйствіе тайкомъ, облава, наступленіе, засада, нападеніе врасплохъ); игра въ прятки, въ „чернаго человѣка“; игра въ „плѣннаго“ (преслѣдованіе, нападеніе, осады, приступы, войны), „шайки“.
3	Пастушество.	9—14 „ 12—16 „	Десятый „	Нѣжность къ животнымъ; желаніе имѣть, что-нибудь „собственное“.	Держаніе и кормленіе домашнихъ животныхъ; постройка хижинъ; рытье подземелій.
4	Земледѣліе.	14—30 „	Двѣнадцатый годъ.	Развитіе предусмотрительности. Страсть къ садоводству.	Садоводство; выкапываніе посѣвовъ, „чтобы посмотрѣть, растутъ-ли они“; наблюденіе за признаками хорошей погоды.
5	Лавка и торговля		Восемнадцатый—двадцатый годъ.	Выступленіе денежныхъ интересовъ, требованіе уплаты за услуги; признаніе значенія и „смысла“ ариѳметики.	„Обмѣнъ“, продажа, торговля, мѣна, торговыя сдѣлки.

Періодъ развитія по степени появленія тѣхъ или иныхъ психическихъ свойствъ особенно трудно установить. Старое дѣленіе на дѣтство, отрочество, зрѣлость, старость теперь не выдерживаетъ критики. Уже первый годъ жизни приходится дѣлить на нѣсколько этаповъ, какъ это установлено вначалѣ въ классическомъ трудѣ Прейера „Душа ребенка“ и, позднѣе, цѣлымъ рядомъ изслѣдователей, работавшихъ по т. н. біографическому методу. По мѣрѣ достаточнаго изученія первыхъ стадій нервно-психической жизни выясняется, что скала развитія не можетъ быть установлена для всего объема психики; одни отдѣлы душевной жизни развиваются быстро, другіе запаздываютъ, чувство, интеллектъ и воля не идутъ равномѣрно, наконецъ, одна и та же психическая единица имѣетъ волны роста и угнетенія, которыя нѣсколько разъ повторяются. Это относится и къ развитію органовъ чувствъ, гдѣ, напр., для обоянія установлено не менѣе 6 періодовъ развитія. Лесгафтъ принимаетъ въ развитіи дѣтской психики 5 періодовъ: 1) хаотическій—новорожденное дитя, 2) рефлекторно-разумный — до употребленія рѣчи, около 2-го года, 3) періодъ конкретнаго подражанія—до школьнаго возраста, 4) періодъ общеотвлеченнаго подражанія — до 20 лѣтъ, 5) критико-созидательный періодъ—зрѣлость.

Другіе авторы называютъ тѣ же періоды періодами подражательными и активными, изобрѣтательными и др. Но не только раннее дѣтство—отрочество, юность — также неоднородная масса и должны быть разбиты на сложную скалу развитія. Однако, работа лишь вначалѣ, за отсутствіемъ достовѣрной и единообразной методики. Но уже первые шаги, сдѣланные главнымъ образомъ американской психологіей, чрезвычайно увлекательные. Ст. Холлъ, замѣчательный и пламенный поборникъ генетической психологіи въ

Америкѣ, смѣлѣе и чаще другихъ пытается возстановить родословное дерево нашей психики. Говоря о годахъ проявленія самостоятельной личности, отъ 8—12 и позже, Ст. Холлъ говоритъ: „Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ сложными и неприступными проблемами. Самымъ важнымъ служитъ тотъ фактъ, что въ этомъ возрастѣ появляются не бывшія раньше, но весьма характерныя свойства и способности, а изъ старыхъ импульсовъ и инстинктовъ нѣкоторые значительно развиваются, другіе отходятъ на второе мѣсто, такъ что устанавливается новый центръ личности. Любовь, религія, соціальное чувство, этическое вырастаютъ до огромныхъ размѣровъ. Наслѣдственныя вліянія проникаютъ всю психику. Если въ душевной жизни ребенка мы отмѣчаемъ наслѣдственное вліяніе отдаленныхъ предковъ вплоть до примитивныхъ организмовъ, то теперь выступаетъ вліяніе главнымъ образомъ близкихъ къ намъ поколѣній.

Развивается родовое богатство психики. Въ ребенкѣ выступаетъ прошлое, онъ какъ бы старше своего отца, сохраняетъ еще слѣды пройденныхъ путей. Въ 9—12 л. психика производитъ полную мобилизацію своихъ силъ, достигаетъ болѣе или менѣе пропорціональнаго развитія и, вѣроятно, представляетъ древнюю и относительно совершенную ступень развитію, когда то свойственную взрослому человѣчеству въ теченіе долгаго періода. Послѣ этого для ребенка наступаетъ новая задача—завоевать для себя современную культуру. Такъ совершается переходъ отъ археологическихъ ступеней психики, отъ филогенетическихъ слѣдовъ до современности. Не только тѣло въ каждой клѣткѣ, волокнѣ, рефлекторной дугѣ отражаетъ воспоминанія о вымершихъ инерваціяхъ, но и наши души филогенетически существовали гораздо раньше, чѣмъ онѣ пріобрѣли современную индивидуальность. Каждая

изъ нихъ имѣетъ способность задержать многое, если не большую часть, изъ опыта прежнихъ поколѣній, но эти слѣды живутъ въ насъ въ скрытомъ видѣ, пока не обнаружатся какимъ-либо объективнымъ фактомъ или путемъ наблюденія. Такая отягченная наслѣдственностью душа является сокровищницей для самоанализа. Но если бы мы не теряли ничего изъ унаслѣдованнаго, то и тогда мы были бы существами ограниченными, т.-к. вѣроятно, что вмѣстѣ съ многими вымершими видами погребена и способность болѣе высокаго психическаго развитія, чѣмъ развитіе человѣка, хотя и иное.

Каждый годъ нашего роста и расцвѣта психическихъ силъ есть „забвеніе“ первобытныхъ состояній и влечетъ за собою, рядомъ съ успѣхами, потерю свойствъ и способностей души“. Ст. Холлъ съ этой филогенетической точки зрѣнія изслѣдовалъ развитіе инстинктовъ и чувствъ у дѣтей: любви, соціальнаго чувства, страха, игры, чувство природы и др. Какъ самый методъ, такъ и смѣлость результатовъ Холла, вызвали немало суровой критики въ сферахъ старой академически ровной и безпристрастной психологіи, привыкшей имѣть дѣло съ душой внѣ возраста пола, климата, соціальной печати и др. могучихъ силъ. Однако, именно, генетическій методъ, любовное вниманіе ко всѣмъ слѣдамъ нашего прошлаго, какъ они сохраняются въ душѣ ребенка, освѣщаютъ дно этихъ таинственныхъ проблемъ и захватываютъ всякаго занимающагося дѣтьми, будь-то учитель, отецъ-психологъ, дѣтскій судья. Съ глазъ падаетъ пелена, готовые предразсудки кажутся постыдными, и является сознаніе необходимости посильно помочь въ разработкѣ дѣтской психологіи какъ ради дѣтей, такъ и ради души взрослаго человѣка.

Методъ Ст. Холла—статистическій и со-

стоитъ въ собираніи матеріала путемъ опросныхъ листовъ. Этотъ методъ вызвалъ массу нареканій, лишь частью справедливыхъ, но столь же часто пристрастныхъ. Во всякомъ случаѣ, именно этотъ методъ собиранія матеріала скорѣе всякаго иного ставитъ наблюдателя въ тѣсное соприкосновеніе съ дѣтской психикой и въ то же время заставляетъ весьма внимательно относиться ко всѣмъ условіямъ жизни изслѣдуемаго, могущимъ повліять на результаты анкеты. Въ исторіи дѣтской психологіи этотъ методъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ позднѣе развившимся экспериментомъ, лабораторнымъ и школьнымъ. Съ 1894 года Ст. Холлъ началъ издавать такіе опросные листы для своихъ слушателей, студентовъ и учителей, а также вовлекалъ въ дѣло собиранія живого матеріала всѣхъ интересующихся дѣтьми. Опросники дали возможность Холлу и его сотрудникамъ дать потомъ рядъ этюдовъ по дѣтской психологіи. Привожу неполный перечень его опросниковъ, чтобы дать представленіе, какъ разносторонне Холлъ захватываетъ психику ребенка, идя отъ настоящаго къ отдаленному прошлому, ища въ прошломъ новыхъ путей въ будущее и смѣло отрѣшаясь самъ и отрѣшая другихъ отъ историческихъ заблужденій въ толкованіи дѣтской психологіи: 1) гнѣвъ, 2) куклы, 3) народныя повѣрья у дѣтей, 3) начала чувства „я“. 4) Дѣтскіе страхи, 5) симпатіи и антипатіи у дѣтей, 6) отношеніе къ неодушевленнымъ предметамъ и живымъ существамъ, 7) необыкновенныя и странныя дѣти, 8) чувства и мысли о старости, 9) первыя проявленія музыкальнаго чувства, 10) внушаемость и подражаніе. Число опросниковъ больше ста. Для примѣра привожу одинъ, раньше не обнародованный по русски, затрагивающій столь важный въ жизни ребенка вопросъ объ играхъ, спеціально о куклахъ.

Куклы.

Желательно установить чувства, поступки и мысли дѣтей по отношенію къ объектамъ, представляющимъ ребенка или куклу.

1. Опишите ваши куклы и заставьте дѣтей дѣлать то же самое; сдѣланы-ли онѣ изъ воска, лоскутьевъ, бумаги, папки, резины, фарфора, дерева, камня и т. д.; приведите примѣры, гдѣ до извѣстной степени въ какомъ-либо отношеніи роль куколъ играли булавки, гвозди, бутылки, растенія, палки, цвѣты, ключи, крючки для застежки и т. п.

2. Питаніе. Какая давалась пища, твердая или жидкая, и какъ она давалась. Опишите воображаемыя пищу, блюда, ложки и другую посуду. Существуетъ-ли извѣстная регулярность или система въ питаніи и являются-ли воображаемыми голодъ, голодная смерть, разборчивость въ пищѣ или ростъ.

3. Лѣкарства, болѣзни. Какіе воображаются болѣзни, страданія, симптомы. Какъ проявляется состраданіе. Какія даются лѣкарства. Какъ и съ какимъ намѣреніемъ они даются. Воображаемые кукольные доктора ихъ посѣщенія и функціи. Хирургическія операціи и проч.

4. Въ чемъ заключается смерть куклы. Обряды и похороны куколъ. Когда потерянныя или разбитыя куклы заставляютъ дѣтей предположить будущую жизнь для куклы и утѣшаетъ-ли это ихъ.

5. Приведите подробно психическіе акты и свойства, приписываемые кукламъ, и укажите, насколько являются, реальными и какое отношеніе находятъ чувства куколъ, какъ ощущеніе холода, усталость, гнѣвъ, боль, ревность, любовь, ненависть, доброта и злоба, скромность, боязливость и т. п. Приписывается-ли кукламъ

опредѣленно и постоянно какая-либо индивидуальность, мораль или другія характерныя свойства.

6. Имена куколъ. Заимствованы-ли имена у дѣйствительныхъ лицъ и, если это такъ, есть-ли дѣйствительное или воображаемое сходство.

7. Аксессуары и мебель, предметы туалета, платья, постель, столы и блюда, чемоданы, мода и ея измѣненія, игрушки для куколъ и т. д.

8. Кукольныя семейства и родство ихъ членовъ; кукольныя школы, кукольныя прогулки, балы, забавы, свадьбы.

9. Дисциплина, гигіена и образъ жизни куколъ. Какой туалетъ и какія награды и наказанія являются обычными, какія моральныя качества цѣнятся.

10. Сонъ куколъ. Какъ ихъ укладываютъ спать. Какія обычныя колыбельныя пѣсни и остаются-ли дѣти во время сна куколъ добрыми и спокойными.

11. Одежда. Какое вліяніе оказываютъ куклы на дѣтей. Можно-ли культивировать вкусъ въ одеждѣ, опрятность, основательность въ изготовленіи кукольныхъ платьевъ и другія моральныя качества. Какъ реагируютъ дѣти на особенности матеріала, изъ котораго сдѣлана кукла, и на степень совершенства (сходства съ живыми). Есть-ли регулярность и постоянство при уходѣ за куклами. Являются-ли грубыя куклы, съ которыми можно обращаться свободнѣе и грубѣе, лучшимъ стимуломъ для воображенія. Дѣлаютъ-ли дѣтей болѣе моральными, религіозными, общественными, или лучше подготовляетъ ихъ къ родительскимъ обязанностямъ и домашнимъ заботамъ. Какъ лучше обнаружить воспитательную цѣнность куколъ.

Вышеуказанные пункты могутъ только дать направленіе и, конечно, значительно обширнѣе, чѣмъ это можно ожидать отъ наблюденій.

Прочтите этотъ перечень и напишите аккуратно

всѣ данныя, которыя дастъ память или наблюденіе, точно указывая возрастъ, полъ и національность.

Или, если это будетъ практично, разспросить дѣтей или пусть учителя нормальной школы возьмутъ этотъ перечень и предложатъ его дѣтямъ написаннымъ на доскѣ, и каждое запечатлѣетъ данныя своей памяти и наблюденія.

1. Играли вы когда-либо въ куклы? **2.** Находили вы въ этомъ особое удовольствіе? **3.** Около какого возраста вы начинали и когда перестали играть въ куклы? Возрастъ выразить цыфрами. **4.** Играли вы когда-либо въ бумажныя куклы? **5.** Въ какомъ возрастѣ начинали и бросали это? **6.** Ослабляли-ли бумажныя куклы вашъ интересъ къ другимъ куклamъ? **7.** Играли-ли вы чѣмъ-либо инымъ, какъ куклой, напр., кошкой, подушкой, растеніемъ, палкой, булавкой и т. д.; одѣвали вы эти предметы или нѣтъ? **8.** Доставляло-ли это вамъ такое же удовольствіе, какъ дѣйствительныя куклы? **9.** Было-ли у васъ много товарищей (подругъ) между дѣтьми? **10.** Предпочитали-ли вы играть одни въ куклы или съ другими дѣтьми? **11.** Предпочитали-ли вы старыя, находившіяся въ употребленіи, или новыя куклы? **12.** Въ возрастѣ отъ 1 до 6 лѣтъ предпочитали-ли вы большія или маленькія куклы? **13.** Отъ одного года до 5-ти нравилась-ли вамъ, чтобы кукла представляла, и была бы одѣта, какъ маленькое беби, ребенокъ или взрослый? **14.** Отъ 5 до 10 предпочитали-ли вы маленькое беби, ребенка или взрослаго? **15.** Отъ 10 до 15-ти предпочитали-ли вы маленькое беби, ребенка или взрослаго? **16.** Развилась ли ваша любовь къ кукламъ изъ любви къ реальному младенцу? **17.** Какъ вы бросили играть въ куклы, было-ли это слѣдствіемъ перенесенія вашей любви на реальнаго младенца. **18.** Почему вы бросили играть въ куклы? **19.** Опишите вашу любимую куклу, или какую-

либо другую, если у васъ не было любимыхъ? **20**. Какимъ образомъ вы чаще всего наказывали куколъ; когда вы были моложе 6-ти лѣтъ? **21**. Какъ вы это дѣлали въ болѣе старшемъ возрастѣ? **22**. Въ какомъ возрастѣ вы впервые играли, что кукла умирала? **23**. Пытались-ли вы когда-либо кормить куклу? **24**. Думали-ли вы когда-нибудь, что ваши куклы голодны? **25**. Думали-вы когда-нибудь, что ваши куклы больны? **26**. Думали-ли вы когда-нибудь, что вашимъ куклам холодно, что онѣ устали, голодны, добры, дурны, ревнуютъ, любятъ васъ, ненавидятъ кого-либо? **27**. Какіе были ваши любимые изъ слѣдующихъ способовъ игры съ куклами; 1) одѣваніе и мытье, или шитье для куколъ; 2) кормленіе; 3) вскармливаніе; 4) похороны или погребеніе; 5) кукольныя прогулки, свадьбы, или школы; 6) наказываніе; 7) укладываніе для сна; 8) приниманіе куколъ за своихъ воображаемыхъ товарищей, чтобы бесѣдовать съ ними, разсказывать имъ секреты или строить съ ними воздушные замки? **28**. Не знаете-ли вы мать, которая теперь очень любитъ своихъ дѣтей, но въ дѣтствѣ не любила куколъ? **29**. Не знаете-ли вы женщину, которая въ дѣтствѣ очень любила куколъ, а теперь не очень любитъ дѣтей.

На основаніи полученныхъ отвѣтовъ. Ст. Холлъ и Г. Эллисъ написали единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе о куклахъ съ психологической точки зрѣнія и указали въ игрѣ начало соціальныхъ, религіозныхъ чувствъ, морали, полового чувства, любви и др. Изъ психологовъ, положившихъ въ основу изслѣдованія души явленія дѣтской психики (генетическій методъ) и параллелизмъ съ психикой первобытнаго человѣка (сравнительный и этнографическій методъ) необходимо назвать проф. Балдуина. Русская психологическая литература лишь въ 1912 году обогатилась переводами нѣкоторыхъ статей. Ст. Холла и

книги Балдуина (см. литер.). До сихъ поръ въ русской печати были лишь случайныя замѣтки о генетическомъ направленіи и о методѣ опросныхъ листовъ, а также и на русскихъ психологическихъ съѣздахъ, но исключительное мѣсто отводилось другимъ теченіямъ—главнымъ образомъ, экспериментальному, который перенесенъ въ дѣтскую психологію изъ общей психологіи.

Изъ интереса къ раннимъ стадіямъ человѣческой психики и средствамъ ея проявленія выросла своеобразная психологическая проблема, по поводу которой создалась теперь уже цѣлая литература. Это — дѣтскіе рисунки, какъ психологическій матеріалъ.

Три дисциплины, исторически разобщенныя въ своихъ задачахъ и методахъ—психологія, педагогика и этнографія—совмѣстно выдвинули этотъ вопросъ одинаково заинтересованные въ его разработкѣ,—поэтому и самое рѣшеніе вопроса возможно лишь при условіи общей работы. Цѣлый рядъ теоретическихъ вопросовъ и практическихъ задачъ связанъ съ расшифрованіемъ загадочныхъ дѣтскихъ рисунковъ. Для психологіи ребенка дѣтскіе рисунки не менѣе важны, чѣмъ развитіе рѣчи, такъ какъ дѣтскій рисунокъ, отъ первыхъ каракулей до сознательной передачи внѣшняго міра и внутреннихъ переживаній, проходитъ не менѣе сложный путь, чѣмъ дѣтская рѣчь отъ лепета до сложнаго психическаго акта. И новая психологія очень скоро отмѣтила важность этого еще вовсе неиспользованнаго клада. Этнологія тоже отмѣтила сходство дѣтскихъ рисунковъ съ рисунками современныхъ дикарей и первобытнаго человѣка. Отсюда чрезвычайная важность дѣтскихъ рисунковъ при изученіи происхожденія и первыхъ ступеней искусства. Извѣстно, что здѣсь наука переживаетъ канунъ вели-

кихъ культурныхъ открытій, которыя заставляютъ насъ расширить понятіе искусства, отодвинуть начало его въ отдаленную глубь вѣковъ, заставляютъ насъ признать художественный инстинктъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ элементовъ душевной жизни, лишь медленно вытѣсняемый и видоизмѣняемый историческимъ ростомъ интеллекта. Когда, такимъ образомъ, интересъ къ дѣтскому рисунку нашелъ для себя столько побудительныхъ причинъ, за разработку его принялись въ разныхъ мѣстахъ. Предстояли двѣ задачи: собрать по опредѣленной и притомъ разнообразной программѣ достовѣрный матеріалъ и затѣмъ, выработавъ методику анализа, расшифровать рисунки и создать классификацію, которая служила бы руководствомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

По вопросу о рисункахъ дѣтей и дикарей появилось нѣсколько работъ. Авторы, одинъ за другимъ отмѣчаютъ фактъ аналогіи въ художественномъ творчествѣ взрослыхъ дикарей и дѣтей, что, повидимому, отвѣчаетъ аналогіи въ какой то стадіи психогенезиса. Констатированіе этого важнаго факта составляетъ огромную заслугу этнографіи, анализъ же его—дѣло психологіи и отчасти экспериментальной педагогики. Опыты художественной оцѣнки и психологическаго анализа дѣтскихъ рисунковъ сдѣланы впервые итальянскимъ историкомъ искусства, Ricci, въ его интересной книжкѣ: „Дѣти-художники“ (1887), и англійскимъ психологомъ Док. Сёлли („Очерки психологіи дѣтства“). Здѣсь впервые установлены—въ самыхъ общихъ чертахъ—стадіи развитія дѣтскаго рисунка, раскрытъ смыслъ, вкладываемый дѣтьми въ свои рисунки и ихъ отношеніе къ собственному творчеству. Какъ видно изъ этого крайне неполнаго перечня, изслѣдованіе дѣтскихъ рисунковъ шло случайными путями, и лишь въ 1904—5 году вопросъ поста-

вленъ на научную почву—раньше всего въ Лейпцигѣ.

Профессоръ Лампрехтъ, создавшій въ Лейпцигѣ при каѳедрѣ исторіи единственный по богатству и глубинѣ замысла „Институтъ для изученія исторіи культуры", исходя изъ основъ эволюціоннаго ученія объ онтогенезѣ и филогенезѣ, остановился на мысли искать въ первыхъ проявленіяхъ психики ребенка указаній на историческій ходъ развитія человѣчества. Такимъ раннимъ матеріаломъ являются каракули, а позже—дѣтскіе рисунки. Лампрехтъ внесъ свое предложеніе на обсужденіе нѣсколькихъ педагогическихъ обществъ въ Лейпцигѣ, и рѣшено было общими силами взяться за изученіе дѣтскаго искусства. Самъ Лампрехтъ взялъ на себя организацію собиранія матеріаловъ. Такая научная задача была подъ силу лейпцигскимъ педагогамъ больше, чѣмъ другимъ, потому что здѣсь изученіе психологіи уже давно стояло на значительной высотѣ.

Съ тѣхъ поръ и по настоящее время лейпцигскій педагогическій союзъ собираетъ международный матеріалъ, какъ среди цивилизованныхъ, такъ и первобытныхъ народовъ. И, вѣроятно, потребуется еще нѣсколько лѣтъ для приведенія въ порядокъ и обработки собраннаго матеріала. На основаніи собраннаго матеріяла уже теперь обнародована однимъ изъ молодыхъ лейпцигскихъ ученыхъ, Левинштейномъ, обширная работа: „Дѣтскіе рисунки до 14-ти лѣтъ"—параллели изъ первобытной исторіи, исторіи культуры и этнографіи, съ атласомъ и подробной библіографіей. Въ эту книгу вошли разрозненные результаты всѣхъ прежнихъ изслѣдованій и снова сдѣлана попытка установить „закономѣрность въ развитіи дѣтскаго рисунка, который въ первые годы жизни служитъ какъ-бы одной изъ формъ рѣчи, средствомъ передачи описанія или разсказа, безъ примѣси худо-

жественныхъ задачъ. Всѣ особенности дѣтской психики, дефекты логики, смѣлость, интересы, не всегда понятные для взрослыхъ, все это можно прослѣдить на пути постепеннаго развитія рисунка". Книга Левинштейна стала настольной для всякаго, занимающагося этимъ вопросомъ, какъ и другая, появившаяся въ томъ же году, книга Kerschensteiner'a „Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung", напечатанная въ Мюнхенѣ въ 1905 г. Это—большой томъ съ 800-ми иллюстрацій.

Авторъ—педагогъ—поставилъ себѣ на разрѣшеніе практическую задачу приложенія нашихъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтскаго рисованія къ постановкѣ обученія рисованію: „Изслѣдованіе о характерѣ и размѣрахъ способности ребенка къ рисованію,—говоритъ онъ — остановилось въ наше время на томъ кнутѣ, съ котораго оно уже можетъ получить практическое значеніе въ методикѣ преподаванія и заинтересовать не только психолога, но и педагога... Кромѣ того, наблюденія ограничиваются изображеніемъ дѣтьми отдѣльныхъ предметовъ (человѣка, животныхъ, растеній, домовъ, передачей какихъ-нибудь разсказовъ и т. п.). Объ отношеніи же ребенка къ декоративному искусству, особенно къ орнаменту, нѣтъ ни одного изслѣдованія: о способности ребенка передать три измѣренія въ плоскостномъ изображеніи, т.-е. объ отношеніи ребенка къ пластическому искусству, хотя и есть наблюденія, но сомнительной достовѣрности. Между тѣмъ реформа преподаванія рисованія, о которой говорятъ на конгрессахъ, пишутъ книги, требуетъ раньше всего изслѣдованій о графическихъ, изобразительныхъ способностяхъ ребенка.

Наконецъ, вопросъ о дѣтскихъ рисункахъ появляется въ русской литературѣ въ формѣ докладовъ, читанныхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ

Петербургѣ по предложенію автора этого очерка. Обществомъ Учителей Рисованія и Обществомъ Психологіи выработана программа собиранія рисунковъ, и черезъ нѣкоторое время мы будемъ имѣть, вѣроятно, свой матеріалъ для вклада въ одинъ изъ интереснѣйшихъ и многостороннихъ вопросовъ современной науки и искусства.

Мы еще очень мало знаемъ достовѣрнаго о дѣтскихъ рисункахъ, но все-таки можемъ уже и теперь присоединиться къ тому, что сказалъ англійскій современный художникъ-педагогъ, Вальтеръ Крэнъ:

„Никогда не слѣдуетъ забывать, что рисунокъ есть организмъ, который долженъ пройти опредѣленные этапы развитія въ нашей душѣ, подобно тому, какъ развиваются всякія живыя существа въ природѣ".

Программа собиранія рисунковъ дѣтей, выработанная въ Петербургѣ.

1) Желательно получить свободные самостоятельные рисунки, задуманные и сдѣланные дѣтьми по собственному ихъ побужденію, безъ всякаго вмѣшательства со стороны родителей, воспитателей и другихъ старшихъ, начиная отъ первыхъ каракулей до періода систематическаго обученія рисованію.

2) Кромѣ свободныхъ, также желательно имѣть рисунки, сдѣланные дѣтьми на тему: „Дѣти играютъ около дома". Заданіе ограничивается только предложеніемъ ребенку нарисовать на эту тему, послѣ чего не слѣдуетъ давать ребенку никакихъ совѣтовъ и указаній. Въ случаѣ отказа ребенка, не слѣдуетъ настаивать, а выждать, когда онъ исполнитъ свою задачу. О совершенномъ отказѣ ребенка рисовать на заданную тему просятъ дѣлать отмѣтку въ отвѣтѣ.

3) Желательно получить рисунки каждаго ребенка за возможно болѣе продолжительное время съ указаніемъ, въ какомъ возрастѣ сдѣланъ каждый рисунокъ и что онъ обозначаетъ, по опредѣленію самого ребенка.

4) Лица, имѣющія коллекціи рисунковъ, приглашаются прислать таковыя на просмотръ съ соотвѣтственными указаніями. Рисунки будутъ по желанію возвращены.

5) Рисунки могутъ быть исполнены всѣми матеріалами: карандашемъ, углемъ, перомъ и пр. по собственному выбору ребенка.

6) Рисунки желательно имѣть на одной сторонѣ листа, а поясненія взрослыхъ, касательно содержанія рисунка,—на оборотѣ.

Поясненія должны заключать слѣдующія свѣдѣнія:

а) возрастъ (годъ и мѣсяцъ) и полъ ребенка.

б) умѣетъ ли читать и писать и когда началъ учиться?

в) рисуетъ ли кто-нибудь въ домѣ изъ окружающихъ?

г) одинъ ли ребенокъ въ семьѣ?

д) какіе матеріалы (краски, карандаши, перо и пр.) имѣются въ распоряженіи ребенка и какими изъ нихъ онъ предпочитаетъ рисовать?

е) свѣдѣнія о домашней обстановкѣ (есть ли. въ домѣ картины, книги съ картинками?—какія?

ж) общественное положеніе родителей.

Весьма желательно также имѣть фотографіи дѣтей.

Поясненія въ предлагаемой программѣ.

Психологія при изученіи дѣтской души пришла къ ясному сознанію, что рядомъ съ развитіемъ рѣчи стоятъ и дѣтскіе рисунки, смыслъ и значеніе которыхъ до послѣднихъ лѣтъ оставались совершенно неразгаданными.

Отъ первыхъ каракулей до начала обученія, т.-е., пока ребенокъ не овладѣлъ письмомъ,—а огромная масса дѣтей остается у насъ въ Россіи безграмотными,—рисованіе является для него, какъ и для первобытнаго человѣка, однимъ изъ самыхъ раннихъ, гибкихъ, неисчерпаемыхъ средствъ для передачи всего видимаго, для воплощенія въ образахъ всего переживаемаго въ дѣйствительности и въ фантазіи. Несомнѣнно, что въ дѣтскихъ рисункахъ хранится огромный матеріалъ, разгадка и использованіе котораго въ значительной степени можетъ выяснить картину постепеннаго роста дѣтской души, а также показать начало и развитіе эстетическаго чувства; кромѣ того, педагогика найдетъ здѣсь указаніе по одному изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ—по вопросу о реформѣ преподаванія рисованія въ связи съ нашими знаніями о дѣтской психикѣ.

Первой необходимой ступенью для этой работы является собираніе матеріала, т.-е. дѣтскихъ рисунковъ.

Собираніе дѣтскихъ рисунковъ понемногу привилось и у насъ, но самостоятельныхъ изслѣдованій еще нѣтъ.

Одновременно съ рисунками интересъ датской психологіи обращенъ былъ на развитіе рѣчи. И здѣсь надо было собрать матерьялъ—каракули словъ. Методика собиранія оказалась трудной, т. к. рѣчь особенно чувствительно отражаетъ вліянія культуры, національности, соціальныхъ условій. Между прочимъ, интересная попытка подойти къ этому трудному вопросу принадлежитъ нѣмецкому педагогу-новатору Бертольду Отто. Онъ началъ собирать дѣтскія слова, классифицировать ихъ по возрастамъ, составляя какъ бы толковый словарь живой дѣтской рѣчи—Kindersmundart. На основаніи этого возрастнаго инвентаря дѣтскихъ

словъ Отто подвергъ рѣзкой критикѣ дѣтскія книги, языкъ которыхъ въ значительной степени чуждъ дѣтямъ. Онъ началъ издавать журналы и книги, написанныя на „дѣтскомъ языкѣ". Теоретическая часть работы Отто сильнѣе его практическихъ опытовъ, но самый методъ наблюденія и изученія дѣтской рѣчи заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, ни одно изъ сочиненій Отто не переведено на русскій языкъ. Къ изученію рѣчи примѣняются методы біографическій (W. u. C. Stern) и статистическій. Изъ программъ укажу на „проектъ программы, программы для наблюденій надъ развитіемъ рѣчи у дѣтей" Б. П. Китермана (СПБ. 1912), составленный имъ по порученію комиссіи по изученію дѣтскаго языка". Изученіе дѣтской рѣчи привело, какъ и въ области рисунковъ, къ лингвистико-археологическимъ и этнографическимъ параллелямъ.

Слово и жестъ тѣсно связаны. Эта связь на высокихъ ступеняхъ культуры падаетъ, подавляется манерностью, выправкой, хорошимъ тономъ, но у дѣтей, какъ простыхъ людей и дикарей, слово и жестъ слиты, какъ краска и форма предмета. Но жестъ есть начало драмы, и изученіе дѣтскаго крика и лепета скоро приводитъ къ началу театральнаго искусства. Какое значеніе имѣетъ психологическій анализъ дѣтской рѣчи видно изъ того, что филологи начинаютъ признавать за этимъ матерьяломъ большое значеніе по изученію происхожденія рѣчи и языковъ. Происхожденіе языка изъ криковъ служило уже основаніемъ нѣсколькихъ теорій. Существуютъ указанія на то, что съ повышеніемъ культуры сокращается періодъ лепета и ускоряется переходъ къ осмысленной рѣчи, вслѣдствіе большого вліянія взрослыхъ на дѣтей. Вниманіе психологіи направлено на расчлененіе подражанія отъ самодѣльности, выясненіе своеобразной логики,

расположенія словъ въ дѣтскомъ языкѣ, гдѣ постоянно идетъ борьба между естественнымъ импульсомъ повторить унаслѣдованные пути ранней человѣческой рѣчи и необходимостью подчиниться выучкѣ. Отсюда разница въ языкѣ дѣтей, когда они говорятъ съ куклой и часто съ матерью съ одной стороны и чужими „дядей" или „тетей"—съ другой. Постепенно въ рѣчи, какъ и въ дѣтскомъ рисункѣ, свое, непосредственное, уступаетъ мѣсто вліяніямъ, выучкѣ, шаблону, готовой и принятой формѣ.

Рядомъ и почти одновременно съ изученіемъ дѣтской души при посредствѣ наблюденія, опроса, статистики и сравненія съ фазами развитія человѣчества на всемъ пути отъ варварства къ цивилизаціи появился и занялъ доминирующее положеніе въ психологіи экспериментъ. Значеніе экспериментальнаго метода изложено въ особой главѣ, и я только укажу, что въ примѣненіи къ дѣтской психологіи этимъ методомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано стали пользоваться съ часто практическими цѣлями. Болѣзни современной школы заставили искать новыхъ путей переустройства. Педагогика сознаетъ свое незнаніе дѣтской природы—и вотъ является стремленіе изучить основныя функціи дѣтской души и примѣнить эти знанія на практикѣ. Практическія тенденціи породили массу попытокъ изучить и найти универсальную мѣрку умственной работоспособности. Эпоху въ этомъ вопросѣ составляютъ работы Бинэ; много попытокъ сдѣлано въ этомъ вопросѣ психіатрами. Наиболѣе полное изложеніе можно найти въ работѣ профессора W. Stern'a. Изученіе утомляемости, вниманія, запоминанія и др. вопросовъ указываетъ на неизмѣнно утилитарныя заданія экспериментальной психологіи по отношенію къ ребенку.

Наблюденіе и экспериментъ, обставленные научно, разнообразно, свободные отъ унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ готовыхъ взглядовъ—составляютъ въ настоящее время могучія средства изученія дѣтской души. Періодъ диллетантской смѣлости, которой не страшны были никакія проблемы, которая вѣрила, что одной любовью къ дѣтямъ можно разгадать ихъ психику, проходитъ и замѣняется сознаніемъ, что психологія первыхъ лѣтъ жизни человѣка есть труднѣйшая, но и самая заманчивая изъ задачъ психологіи. Психологія ребенка ведетъ къ пониманію общихъ психическихъ свойствъ человѣчества (Völkerpsychologie), къ началу искусства, религіи, морали. Раскрывая отдаленное прошлое, разгадка дѣтской души ведетъ и въ будущее. Этнографія и антропологія уже теперь немыслимы безъ психологіи, особенно психологіи дѣтскаго возраста. Но и практическое примѣненіе педо-психологіи велико: взаимоотношеніе родителей и дѣтей, учителя и ученика могутъ быть построены согласно человѣческому достоинству только на почвѣ пониманія психологіи ребенка. Старая психологія не дала и не могла этого дать. Всѣ усилія должны быть теперь направлены на научную методику и на цѣлесообразныя задачи при изученіи дѣтской души.

Библіографія (наиболѣе важная):

G. Stanley Hall, Adolescenceits Psychologie 2 vol New-lork 1911.

G. Stanley Hall, Educotional Problems 2 vol New-lork 1911.

W. Stern, Differentielle Psychologie. 1912.

Стэнли Холлъ, Собраніе статей по педагогіи и педагогикѣ. Москва. 1912.

Стэнли Холлъ, Соціальные инстинкты у дѣтей.

„ „ Инстинкты и чувства у юношей, СПБ. 1913 (подъ ред. Л. Г. Оршанскаго).

Д. М. Болдуинъ, Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. 2 т. М. 1912.

Чемберленъ, Дитя. 2 т. М. 1912.

Прейеръ, Душа ребенка СПБ. 1913.

Россолимо, Планъ изслѣдованія дѣтской души М. 1909.

К. Риччи, Дѣти-художники, пер. Л. Оршанскаго М. 1910.

В. Вундтъ.

Психологія въ борьбѣ за существованіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возможно, что человѣкъ, перелиставши первыя главы настоящаго сочиненія, будетъ склоненъ усмотрѣть въ ней работу полемическую. Но кто рѣшится дочитать все до конца, тотъ убѣдится, что скорѣе авторъ приходитъ съ пальмой мира въ рукахъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ, между философіей и психологіей необходимъ разводъ. Но когда какая-нибудь супружеская пара разводится, то виновными являются обыкновенно, какъ извѣстно, обѣ стороны. Задача настоящаго сочиненія показать, что и настоящій случай не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила и что, когда разводъ этотъ осуществится, то философія больше потеряетъ, чѣмъ выиграетъ, а психологіи будетъ нанесенъ очень сильный ударъ. Такимъ образомъ борьба вокругъ вопроса, есть ли психологія философская наука или нѣтъ, является для нея борьбой за самое ея существованіе.

Лейпцигъ. Февраль, 1913.

I.

Съ нѣкотораго времени наблюдается большое оживленіе въ философскомъ и, въ частности, академическомъ мірѣ. Философія и психологія желаютъ развестись. Что развестись пора, въ этомъ согласны, повидимому, обѣ стороны. Экспериментальная психологія, говорятъ, развилась въ самостоятельную частную науку; необходимо, поэтому, чтобы и эта частная дисциплина отдѣлилась отъ своей матери-науки, т.-е. философіи, какъ въ эпоху возрожденія отъ нея отдѣлилось большинство другихъ частныхъ дисциплинъ. Правда, далъ толчекъ этому движенію, главнымъ образомъ, одинъ частный случай, а именно, приглашеніе психолога на каѳедру, до тѣхъ поръ занимаемую чистымъ философомъ; и возможно, что первоначально причиной возникшей агитаціи было не столько общая тенденція къ раздѣленію этихъ двухъ областей, сколько скорѣе желаніе видѣть на данной каѳедрѣ не то лицо, которому она была предложена, а опредѣленное другое лицо. Но послѣ того, какъ это произошло, вопросъ, сначала частный, получилъ значеніе принципіальнаго, и стремленію исключительныхъ философовъ сдѣлать каѳедры философіи недоступными для психологовъ, пришло на помощь требованіе исключительныхъ психологовъ, чтобы психологіи было отведено въ нашихъ университетахъ мѣсто самостоятельной ученой дисциплины. Такимъ образомъ обѣ стороны, философы и психологи, сошлись на мысли о самостоятельности психологіи, какъ науки.

Но общеизвѣстно, что когда двое дѣлаютъ одно и то же, то не всегда одно и то же и выходитъ. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ тому, какъ высказываются обѣ стороны, какъ будто бы согласныя между собой, то не трудно замѣтить, что мотивы, которыми онѣ руководятся, существенно различны. Фи-

лософы, очевидно, чувствуютъ нѣкоторую угрозу самому своему существованію: чѣмъ менѣе имъ симпатичны новѣйшіе психологическіе методы изслѣдованія, какъ лежащіе внѣ кругозора собственной ихъ работы, тѣмъ болѣе они склонны видѣть въ представителяхъ экспериментальной психологіи чужаковъ, наносящихъ извѣстный ущербъ, какъ преподаванію самой философіи, такъ и начинающимъ доцентамъ чистой философіи. Они съ жаромъ провозглашаютъ поэтому самостоятельность экспериментальной психологіи и даже рекомендуютъ правительствамъ ее, какъ таковую; но центральнымъ въ ихъ желаніяхъ является все-же требованіе отрицательнаго характера: вонъ психологію изъ философіи!

Другое дѣло — психологи, которые впредь хотятъ быть только психологами и по должности свободными отъ занятія остальной философіей. Ихъ дѣйствительно заботитъ самостоятельность психологіи, какъ науки. Они, поэтому, не только выдвигаютъ своеобразіе методовъ и вспомогательныхъ средствъ, какъ и подготовки, необходимой въ настоящее время для психолога и не оставляющей ему ни времени, ни возможности удовлетворить еще и другимъ требованіямъ, которыя ставитъ занятіе философіей. Они заявляютъ, что въ виду все возрастающаго значенія, которое психологія пріобрѣтаетъ для практическихъ цѣлей самыхъ различныхъ наукъ, безусловно необходимо значительно расширить существующія въ настоящее время рамки для лекцій и курсовъ по психологіи. Пусть психологія, говорятъ они, остается, какъ до сихъ поръ, предметомъ философскаго факультета, но изученіе ея должно быть объявлено до извѣстной степени обязательнымъ и для студентовъ другихъ факультетовъ, въ особенности, медиковъ; слѣдуетъ, напримѣръ, включить психологію въ виду ея важности для психіатріи

и патологіи нервной системы въ кругъ предметовъ испытаній для врачей. Но при такой расширенной задачѣ одновременное преподаваніе и другихъ философскихъ предметовъ уже невозможно. Экспериментальная психологія поглощаетъ всего человѣка, требовать же отъ него работы въ областяхъ психологической и философской было бы невозможнымъ обремененіемъ для него. Здѣсь, слѣдовательно, провозглашается обратный девизъ: вонъ философію изъ психологіи!

Но удивительно слѣдующее: въ спорахъ по этому вопросу, въ которыхъ обѣ стороны, хотя и изъ противоположныхъ мотивовъ, такъ сходятся, какъ будто въ провозглашеніи психологіи самостоятельной частной дисциплиной — о д и н ъ вопросъ, который, казалось бы, важнѣе всѣхъ другихъ, едва-едва только затрагивается. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ психологъ вообще можетъ обойтись безъ философіи, и не нуждается ли онъ скорѣе всегда, когда онъ хочетъ углубиться въ собственныя свои проблемы, въ помощи философскихъ разсужденій, которыя тогда только имѣютъ для него извѣстную цѣну, когда они получены собственной самостоятельной работой. Вотъ этому основному вопросу, едва затронутому, насколько мнѣ удалось замѣтить, въ этомъ спорѣ, и будетъ посвящена наша работа. Но раньше мнѣ представляется необходимымъ ближе разсмотрѣть самые важные, какъ открыто провозглашенные, такъ очевидные, но скрываемые мотивы философовъ и психологовъ, столь согласно требующихъ развода.

II.

Дадимъ сначала слово философіи, какъ старшей наукѣ. Я совсѣмъ не буду останавливаться на томъ частномъ случаѣ, который далъ первый толчекъ къ

женію въ философскихъ кругахъ, такъ какъ здѣсь главную роль, какъ уже сказано, играли мотивы не принципальные, а личные. Въ настоящее время, какъ объ этомъ заявляютъ въ спеціально выпущенномъ заявленіи виднѣйшіе представители философіи, вопросъ ставится въ чисто принципальномъ своемъ видѣ. Въ запискѣ, приложенной къ этому заявленію, высказывается, кромѣ того, намѣреніе ознакомить съ нимъ не только нѣмецкія правительства, но—черезъ печать—и широкіе круги публики, чтобы всѣмъ стала ясна опасность, угрожающая философскому преподаванію со стороны экспериментальной психологіи. Я считаю себя, поэтому, въ правѣ усматривать въ содержаніи этого заявленія точное выраженіе взглядовъ подписавшихъ его.

Среди приведенныхъ мотивовъ видное мѣсто занимаетъ живой интересъ къ развитію экспериментальной психологіи и забота о ея развитіи въ будущемъ, не стѣсненномъ болѣе необходимостью ея для представителей заниматься преподаваніемъ философіи. Но трудно все-же отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что выдвиганіе этого мотива скорѣе означаетъ Captatio benevolentiai читателя, а вовсе не выдвигается дѣйствительно авторами заявленія.

Я, конечно, ничуть не сомнѣваюсь, что нѣкоторыя отдѣльныя лица дѣйствительно серьезно озабочены были интересами психологіи. Но что касается другихъ, то трудно отказаться отъ желанія сопоставить эту высокую оцѣнку психологіи, сдѣланную въ этомъ заявленіи, съ другими оцѣнками ихъ этой науки, сдѣланными въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, одинъ превосходный историкъ философіи какъ-то замѣтилъ, что для полученія философской каѳедры въ настоящее время покуда достаточно, если кто умѣетъ методически надавливать на электрическія кнопки и

затѣмъ, расположивъ результаты своихъ опытовъ въ таблицахъ, числами доказывать, что одинъ человѣкъ соображаетъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ другой. Такое заявленіе не очень-то гармонируетъ съ той участливой заботой о судьбѣ экспериментальной психологіи, которой проникнуто упомянутое выше заявленіе. Я вовсе не желаю, однако, поставить эти и подобныя имъ противорѣчія въ особую вину авторамъ заявленія. Подобнаго рода документы всегда представляютъ собой компромиссы, въ которыхъ отдѣльные участники вынуждены до извѣстной степени ограничить собственное свое мнѣніе, чтобы привести его въ соотвѣтствіе съ мнѣніями остальныхъ. При всемъ томъ намъ придется допустить, что не забота о судьбѣ экспериментальной психологіи одушевляла авторовъ заявленія. Выразилось же это достаточно ясно и въ томъ фактѣ, что авторы заявленія жалуются, главнымъ образомъ, на вредъ, причиненный преподаванію философіи претензіей психологовъ на философскія каѳедры. Вмѣсто того, чтобы увеличивать число профессоровъ философіи, какъ этого требуетъ усилившійся въ настоящее время интересъ къ философіи, какъ и необходимость въ достаточной мѣрѣ обслуживать различныя области философіи, уменьшаютъ ихъ число, предоставляя философскія каѳедры психологамъ, которые при современномъ состояніи науки вообще не могутъ быть признаны представителями философіи. И здѣсь я не могу, однако, умолчать о томъ, что мотивировка эта не совсѣмъ гармонируетъ съ поведеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа авторовъ заявленія. Есть въ настоящее время еще не мало видныхъ университетовъ, довольствующихся однимъ только ординарнымъ профессоромъ философіи; и профессора, занимающіе здѣсь каѳедру, повидимому, вовсе не видятъ нужды въ томъ, чтобы были пред-

ставлены и другія направленія, кромѣ того, которому, они принадлежатъ. А между тѣмъ въ виду все возрастающаго въ настоящее время значенія философскаго преподаванія, на что вполнѣ основательно указываютъ также и авторы заявленія, этотъ пробѣлъ столь очевиденъ, что ни одно правительство, буде такое указаніе ему было-бы сдѣлано, не могло бы не согласиться съ необходимостью увеличенія числа философскихъ каѳедръ.

Но пройдемъ мимо этого противорѣчія между мыслью и дѣйствіемъ, вовсе не рѣдкимъ, какъ извѣстно, и въ академическихъ кругахъ. Остается еще другой пунктъ заявленія, носящій болѣе теоретическій характеръ и отчасти стоящій въ противорѣчіи съ принципами авторовъ заявленія, высказанными въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ заявленіи требуется исключительно устраненіе изъ учебнаго плана философіи экспериментальной психологіи. Такое требованіе можетъ имѣть различный смыслъ, что не должно было бы имѣть мѣсто въ заявленіи столь важнаго содержанія. Значитъ ли это, что при современномъ состояніи науки только экспериментальная психологія вообще можетъ быть названа психологіей? Сторонника этой дисциплины могло бы только обрадовать такое толкованіе. Но хотя я и самъ принадлежу къ этимъ сторонникамъ, я все же не могу не усмотрѣть въ такомъ взглядѣ извѣстное преувеличеніе, противорѣчащее фактическому положенію вещей. Я не говорю уже о томъ, что нѣкоторыя области психологіи, ревностно разрабатываемыя именно въ настоящее время, каковы дѣтская психологія и психологія животныхъ, только отчасти доступны изученію при помощи экспериментальнаго метода. Есть, однако, какъ извѣстно, большая область эмпирико-психологическихъ задачъ, совершенно недоступная этому методу: мы имѣемъ въ

виду психологію народовъ. Развѣ философамъ неизвѣстно существованіе этой области? Или, можетъ быть, они хотятъ сохранить ее за собой? Или они считаютъ ее настолько маловажной, что о ней рядомъ съ экспериментальной психологіей и упоминать не приходится? Но допустимъ даже, что о психологіи народовъ здѣсь не упомянуто потому, что ей не удалось еще занять такое мѣсто въ академическомъ преподаваніи, какое заняла экспериментальная психологія. Тогда остается открытымъ другой вопросъ: полагаютъ ли философы, что можно изучать психологію, разрабатывать психологическія проблемы и съ другой какой-нибудь точки зрѣнія, кромѣ экспериментальной? Я склоненъ думать, что большинство подписавшихъ воззваніе отвѣтитъ на этотъ вопросъ безусловно утвердительно. Во всякомъ случаѣ, есть не мало философовъ, защищающихъ такой взглядъ на психологію, какъ въ преподаваніи, такъ и въ научныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и я не могу повѣрить, чтобы именно философы стали оспаривать право на существованіе за этимъ направленіемъ въ психологіи въ защиту психологіи экспериментальной. Такимъ образомъ совершенно ясно слѣдующее: дѣло здѣсь не въ томъ, чтобы исключить изъ цикла философскихъ предметовъ психологію вообще, а исключеніе должно коснуться только тѣхъ психологовъ, которые являются послѣдователями экспериментальныхъ методовъ психологіи.

Можетъ явиться такое представленіе, будто рѣчь идетъ здѣсь о такомъ раздѣленіи, какое произошло, какъ извѣстно, въ психологіи XVIII столѣтія между раціональной и эмпирической психологіей. Философамъ досталась бы тогда раціональная, а экспериментальнымъ психологамъ—эмпирическая часть. Я не могу, однако, допустить, чтобы хотя бы одному современному философу пришла въ голову такая мысль. Слиш-

комъ жива еще въ нашей памяти критика, которой подвергъ когда-то раціональную психологію Кантъ, чтобы такая мысль могла придти въ голову даже тѣмъ изъ современныхъ философовъ, которые и не принадлежатъ къ кантіанцамъ. Если это такъ, если и сторонники философской психологіи не менѣе другихъ настаиваютъ на эмпирическомъ изученіи душевной жизни, то ясно, что здѣсь вообще не можетъ быть и рѣчи о принципіальномъ раздѣленіи наукъ. Не эмпирическихъ психологовъ, какъ таковыхъ, хотятъ удалить изъ философіи, а только тѣхъ изъ нихъ, которые пользуются въ качествѣ вспомогательнаго средства экспериментомъ. Коротко говоря: въ философіи нѣтъ мѣста экспериментамъ. Кто же этимъ занимается, тотъ теряетъ право относить себя къ философамъ. Либо пусть онъ воздержится отъ этого метода, либо пусть очиститъ мѣсто другимъ, работа которыхъ не связана съ потерей своего права относить себя къ чистымъ философамъ.

Если же принять въ соображеніе одно только то „значеніе“, которое можетъ имѣть, за исключеніемъ всѣхъ другихъ возможныхъ значеній, выраженіе „экспериментальная психологія“ въ заявленіи философовъ, то все дѣло получаетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ это могло казаться на основаніи благосклонныхъ словъ заявленія относительно этого новаго направленія. Если самостоятельной, независимой отъ философіи дисциплиной должна быть провозглашена не психологія вообще и даже не эмпирическая психологія, а только та психологія, которая пользуется въ качествѣ вспомогательнаго средства экспериментомъ, то вполнѣ очевидно, что непримиримъ съ званіемъ философа именно только экспериментъ. И здѣсь опять-таки нельзя не вспомнить не очень то благосклонныя выраженія, въ которыхъ исторически извѣстные фи-

лософы отзывались объ экспериментирующихъ философахъ. Выраженія эти ясно показываютъ, что методы изслѣдованія, не лишенные въ значительной своей части и техническаго характера, слишкомъ чужды философіи и ниже ея высокихъ цѣлей, чтобъ философія могла примириться съ ними. Если нѣсколько болѣе освѣтить мысль, дремлющую лишь въ темномъ мірѣ подсознанія, то кратко и рѣзко она гласитъ такъ: экспериментированіе есть банальное искусство: экспериментальный психологъ есть въ лучшемъ случаѣ научно-образованный ремесленникъ, а ремесленникамъ нѣтъ мѣста среди философовъ.

Я, конечно, не думаю, что таковъ взглядъ всѣхъ или даже только большинства подписавшихъ заявленіе Но что у нѣкоторыхъ взъ нихъ онъ преобладаетъ, не трудно, мнѣ кажется, доказать документально, а въ томъ, что у другихъ онъ, по меньшей мѣрѣ, слабо чувствуется, не найдетъ ничего невѣроятнаго всякій психологъ; для этого вовсе не нужно быть даже экспериментальнымъ психологомъ, а достаточно быть психологомъ-практикомъ. Но если мы и оставимъ въ сторонѣ этотъ мотивъ, то послѣднимъ приведеннымъ въ заявленіи аргументомъ остается только то, что экспериментальная работа слишкомъ захватываетъ всего человѣка такъ, что у него не остается достаточно времени для участія въ философскомъ преподаваніи. Но врядъ ли кто-нибудь будетъ спорить противъ того, что въ этомъ вопросѣ врядъ ли можно признать компетентными философовъ, которые сами никогда экспериментальными работами не занимались. Трудно, впрочемъ, допустить, что авторы заявленія сослались на этотъ мотивъ, не имѣя на то никакихъ основаній. Слѣдуетъ, поэтому, думать, что они основывались на свидѣтельствахъ самихъ представителей экспериментальной психологіи. Будетъ, поэтому, цѣле-

сообразно освѣтить этотъ пунктъ только въ связи съ требованіями, выдвинутыми со стороны психологовъ.

III.

Въ общемъ экспериментальные психологи выдвигаютъ, конечно, совершенно другіе по существу аргументы, чѣмъ тѣ философы, съ которыми ихъ объединяютъ требованія размежеванія областей. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ не столько сама психологія, сколько скорѣе необходимость основательной психологической подготовки для представителей другихъ научныхъ дисциплинъ. За послѣднее время это особенно часто выдвигалось въ отношеніи медицины, между тѣмъ какъ на другихъ факультетахъ, юридическомъ или теологическомъ, напримѣръ, недостатокъ этотъ—въ виду общаго гуманитарнаго образованія ихъ учащихся—менѣе сильно чувствуется. Я совсѣмъ не могу согласиться съ этимъ взглядомъ, и со мной согласятся, я думаю, всѣ тѣ ученые, которые за послѣднее время подробнѣе занимались вопросами, такъ называемой, психологіи высказываній, т.-е. поразительными заблужденіями и ошибками памяти у свидѣтелей и порой еще болѣе поразительнымъ довѣріемъ, которое эти показанія находятъ у нашихъ судей. Далѣе, врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать, что и теологамъ нужно было бы болѣе основательное психологическое образованіе какъ для теоретическихъ ихъ изслѣдованій, такъ и для практической ихъ работы. Но всякій человѣкъ разсматриваетъ всѣ эти вопросы съ точки зрѣнія, наиболѣе ему близкой. Я ограничусь, поэтому, вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ нуждаются въ психологической подготовкѣ медики, такъ какъ именно этотъ вопросъ въ настоящее время осо-

бенно горячо обсуждается. Здѣсь мнѣ остается только охотно согласиться съ тѣмъ, что основательное психологическое образованіе желательно для каждаго врача и въ особенности необходимо для психіатра и врача по нервнымъ болѣзнямъ. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что необходимость эта въ психологическомъ образованіи въ двухъ этихъ случаяхъ весьма различна. Въ этомъ вопросѣ я считаю себя нѣсколько болѣе безпристрастнымъ, чѣмъ психологи, работающіе только въ своей лабораторіи, ибо я самъ нѣкогда прошелъ черезъ всѣ различныя стадіи врачебной профессіи и имѣлъ случай видѣть и такихъ врачей, которые были превосходными практическими психологами, и такихъ, которые были очень плохими психологами. Кто-то вполнѣ правильно сказалъ, что геніальнымъ врачемъ, какъ геніальнымъ поэтомъ, можно только родиться. Отсюда, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, что тотъ или другой изъ нихъ ничему учиться не долженъ. Я даже думаю, что значительная часть задатковъ геніальнаго врача вовсе не находится въ связи съ его спеціальными медицинскими познаніями, а она заключается въ той практической психологіи, которая, подобно всякимъ другимъ геніальнымъ задаткамъ, отчасти является прирожденной, отчасти пріобрѣтается упражненіемъ. И предъ кѣмъ же болѣе богатое поле практическихъ психологическихъ наблюденій, чѣмъ передъ врачемъ, и кому же приходится наблюдать человѣка при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ему, наблюдающему человѣка при такихъ обстоятельствахъ, когда падаютъ всѣ завѣсы, которыя человѣческія отношенія набрасываютъ въ повседневной жизни на все интимное человѣка. Конечно, и это дарованіе опытнаго врача, подобное интуиціи пророка, можетъ быть усилено психологическими изслѣдованіями—какъ вездѣ теорія можетъ быть полезна

практикѣ,—но безусловно необходимыми ихъ признать нельзя. Болѣе того, научная психологія врядъ ли болѣе необходима въ сущности врачу-практику, какъ желательное дополненіе къ его общему образованію, чѣмъ представителямъ другихъ ученыхъ профессій.

Другое дѣло, разумѣется, психіатрія и патологія нервной системы, которыя, впрочемъ, представляютъ собой, какъ извѣстно, собственно, одну лишь область. Если оставить въ сторонѣ случаи, захватывающіе и другія области патологіи, гдѣ психическая сторона функцій нервной системы отступаетъ на задній планъ, то психіатра можно назвать и врачемъ по нервнымъ болѣзнямъ, имѣющимъ въ своемъ завѣдываніи клинику, а врача по нервнымъ болѣзнямъ—назвать психіатромъ, не имѣющимъ таковой и заполняющимъ этотъ дефектъ леченіемъ и такихъ нервныхъ болѣзней, которыя не связаны съ глубокими психическими нарушеніями. Что профессіональное занятіе психіатріей предполагаетъ основательную психологическую подготовку, стало въ настоящее время общимъ мѣстомъ, послѣ того, какъ подготовительная эра современной научной психіатріи, усмотрѣвшей въ анатоміи мозга не только послѣднюю, но—за отсутствіемъ несуществующей еще пока физіологіи мозга—единственную основу психіатріи, въ общемъ и цѣломъ стала уступать свое мѣсто болѣе высокой оцѣнкѣ психической стороны функціональныхъ нарушеній. Съ этой точки зрѣнія основательная психологическая подготовка въ такой же мѣрѣ необходима психіатру, въ какой, наоборотъ, болѣе глубокое психологическое изученіе и анализъ душевныхъ нарушеній могутъ стать цѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ для психологіи нормальной душевной жизни; все это въ такой мѣрѣ очевидно, что много останавливаться на этомъ не стоитъ. Но не менѣе ясно и то, что этотъ выводъ вовсе нельзя

распространить на всю остальную медицину. Психіатрія представляетъ собой, какъ извѣстно, ту часть ея, которая какъ на практикѣ, такъ и въ академическомъ преподаваніи наиболѣе полно отдѣлилась отъ остальной медицины, ставъ самостоятельной дисциплиной. Ни одинъ психіатръ не рѣшится въ настоящее время читать лекціи по другимъ спеціальностямъ, или заниматься практикой внѣ своей спеціальности. И, наоборотъ, ни одинъ добросовѣстный врачъ, не будучи психіатромъ, не станетъ лѣчить душевно-больного, а отошлетъ его къ спеціалисту.

Поэтому если экспериментальные психологи требуютъ законченнаго психологическаго образованія, добытаго и слушаніемъ лекцій по психологіи и работой въ психологической лабораторіи, не только для будущихъ психіатровъ, но и для всякаго врача вообще, то они смѣшиваютъ, очевидно, двѣ весьма различныя вещи. И это тѣмъ болѣе странно, что число спеціалистовъ-психіатровъ, которымъ основательная психологическая подготовка дѣйствительно нужна, врядъ ли превышаетъ, какъ извѣстно, нѣсколько процентовъ общаго числа врачей, если даже къ психіатрамъ относить и врачей-спеціалистовъ по нервнымъ болѣзнямъ, интересующихся въ извѣстной степени спеціально психіатріей. Сколь мало лицъ среди врачей, поступая въ университетъ, съ самаго начала выбирали своей спеціальностью нервныя болѣзни. Не болѣе велико число тѣхъ студентовъ, которые, избравъ вначалѣ какую бы то ни было спеціальность, впослѣдствіи бываютъ вынуждены подъ гнетомъ обстоятельствъ отказаться отъ нея. Неужели же изъ-за этихъ немногихъ все огромное большинство остальныхъ медиковъ заставить основательно изучать психологію? Вѣдь, если идти навстрѣчу требованію, выраженному въ томъ заявленіи, то рѣчь идетъ о томъ, чтобы вклю-

чить психологію въ число предметовъ, обязательныхъ въ качествѣ подготовки для всѣхъ медиковъ. Невольно вспоминаешь здѣсь докладную записку, поданную недавно правительству отъ имени значительнаго числа нѣмецкихъ физіологовъ, гдѣ требуется повторный экзаменъ по физіологіи включить въ число окончательныхъ испытаній для медиковъ, потому что физіологія слишкомъ важная дисциплина для практическаго врача, чтобъ студентъ могъ забывать ее такъ, какъ онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываетъ всѣ другія естественно-научныя дисциплины, сдаваемыя на первыхъ курсахъ. Среди аргументовъ, которыми мотивируютъ это предложеніе, мнѣ представляется особенно важнымъ тотъ, что важное значеніе физіологіи для практики становится ясно молодымъ медикамъ лишь во время работы въ клиникахъ. Но въ большей еще степени можно то же самое сказать и о психологіи. Значеніе физіологіи вырисовывается передъ студентомъ и на первыхъ курсахъ вслѣдствіе тѣсной связи съ физикой и химіей—связи, благодаря которой становится ясной и необходимость для врача этихъ послѣднихъ дисциплинъ. Но какъ можетъ явиться у студента первыхъ семестровъ интересъ къ психологіи, когда тѣ клиническіе случаи, которые должны выяснить ему значеніе психологіи, ему совершенно еще неизвѣстны? Если студентъ не занимается психологіей по свободному выбору — а тогда онъ не нуждается и въ экзаменаціонномъ прессѣ!—то онъ до второго экзамена забудетъ то, что онъ по нуждѣ изучалъ, подготовляясь къ первому. Въ виду этого, дѣло, какъ это извѣстно всякому, кто хоть нѣсколько знакомъ съ постановкой медицинскаго преподаванія, происходитъ обыкновенно такъ: только въ ходѣ общей клинической практики у нѣкоторыхъ студентовъ появляется особенно живой интересъ къ психическимъ

нарушеніямъ, а этотъ интересъ самъ собой вызываетъ интересъ и къ психологіи. Разъ же этотъ интересъ на лицо, то нѣтъ уже нужды ни въ какомъ экзаменаціонномъ прессѣ, который вообще приноситъ весьма малую пользу, хотя совсѣмъ обойтись безъ него, къ сожалѣнію, никакъ нельзя. Но именно съ психіатріей дѣло обстоитъ особенно благопріятно въ виду того, что здѣсь выборъ профессіи оказывается необходимымъ къ концу пребыванія въ университетѣ, такъ что тотъ, кто ее избираетъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается ею заинтересованнымъ уже подъ вліяніемъ изученія психологіи. Философія, какъ извѣстно, вовсе не должна необходимо быть философіей университетской—Шопенгауэръ, какъ извѣстно, именно, послѣднюю не очень то высоко цѣнилъ; вполнѣ такимъ же образомъ дѣло обстоитъ и съ психологіей. Психіатръ, изучающій эту послѣднюю по свободному выбору, имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе богатый матеріалъ для наблюденія—и при существующихъ въ данное время условіяхъ, — гораздо больше вспомогательныхъ средствъ, чѣмъ спеціалистъ-психологъ. Вслѣдствіе этого дѣйствительно трудно понять, почему больница для душевно-больныхъ не можетъ стать столь же превосходнымъ учрежденіемъ для изученія и преподаванія психологіи, какъ и университетъ. И дѣйствительно, за послѣднее время изъ рядовъ психіатровъ вышло, какъ извѣстно, нѣсколько психологовъ, которые по самостоятельности и значенію своихъ работъ не уступятъ большинству спеціалистовъ-психологовъ. Но они стали превосходными психологами большей частью изъ одного свободнаго интереса къ психологіи и не получили никакой спеціальной подготовки въ какой-нибудь психологической лабораторіи.

Впрочемъ, принудительный экзаменъ представляетъ

собою вообще средство сомнительной цѣнности, а при нѣкоторыхъ условіяхъ онъ можетъ принести даже больше вреда, чѣмъ пользы. Это—фактъ, нашедшій общее признаніе у всѣхъ, знакомыхъ съ этимъ вопросомъ. Случайно, почти въ то самое время, какъ въ заявленіи, въ которомъ защищалась самостоятельность психологіи, выставлялось требованіе экзамена для медиковъ по психологіи на первыхъ курсахъ, въ руки мои попала факультетская программа одного превосходнаго медика, энергично протестующая противъ перегруженія медиковъ предметами, совершенно излишними для огромнаго большинства ихъ потому, что они развились въ предметы, которыми обыкновенный практическій врачъ не занимается, отсылая соотвѣтственныхъ больныхъ къ спеціалистамъ. Сюда относятся: психіатрія, судебная медицина, гигіена, ушныя болѣзни, болѣзни горла и носа. Нужно ли къ этому ряду дисциплинъ, все болѣе и болѣе дифференцирующихся, присоединить еще психологію, за которой должно послѣдовать, если быть послѣдовательнымъ, множество еще другихъ наукъ? Такъ, судебная медицина предполагаетъ знакомство съ юридическими науками, а гигіена, которая не можетъ, конечно, отсутствовать среди этихъ новыхъ предметовъ, предполагаетъ знакомство съ вопросами, касающимися народонаселенія, технической культуры и т. п. Въ упомянутой выше программѣ опытный клиницистъ знакомитъ съ послѣдствіями такого перегруженія учащихся лекціями, приктическими упражненіями и государственными экзаменами. Получается картина, не только вызывающая опасенія за будущее, но и констатирующая частичное наступленіе результатовъ такого перегруженія и расщепленія спеціальностей. Студентъ, желающій хоть что-нибудь знать изъ всѣхъ спеціальностей, въ концѣ-концовъ, не знаетъ основательно ничего. Въ результатѣ—все

возрастающая поверхностность, отъ которой въ одинаковой мѣрѣ страдаютъ какъ врачебная профессія, такъ и публика.

Но къ жалобѣ на недостатокъ психологической подготовки у медиковъ различныхъ спеціальностей присоединяется въ программахъ психологовъ другая еще жалоба, которая лежитъ въ основѣ, прежде всего, требованія возвысить психологію въ рангъ самостоятельной частной науки или—какъ вѣрнѣе было бы выразиться—ограничить ея роль ролью частной самостоятельной науки. Мы имѣемъ въ виду ту жалобу, что психологъ не можетъ болѣе удовлетворять требованіямъ, которыя ставятъ ему самостоятельное изученіе и преподаваніе своей спеціальности, если не освободить его отъ преподаванія и философіи. Предъ нами старая жалоба на переобремененіе, выступающая лишь здѣсь въ новой, нѣсколько неожиданной формѣ. Зародилась она у учениковъ нашихъ гимназій или ихъ родителей, весьма чувствительныхъ къ страданіямъ своихъ отпрысковъ, и постепенно перешла къ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній; теперь ею заразились даже и философы, какъ не-психологи, такъ и психологи. Долженъ сознаться, что я не очень то симпатизирую въ этомъ отношеніи ни ученикамъ, ни ихъ родителямъ. Въ моемъ собственномъ опытѣ я почти не знаю ни одного случая, когда бы эта жалоба оказалась основательной—при томъ условіи, разумѣется, что ученики обладаютъ достаточными дарованіями, необходимыми для достиженія цѣли, которую ставитъ высшее учебное заведеніе. Что же касается тѣхъ, которые такими дарованіями не обладаютъ, то для нихъ лучше будетъ, мнѣ кажется, избрать другую профессію, вмѣсто того, чтобы принижать уровень знаній, даваемыхъ такимъ учебнымъ заведеніемъ, до недостаточныхъ дарованій нѣкоторыхъ отдѣльныхъ

его питомцевъ. Къ сожалѣнію, я не могу признать основательной и жалобу психологовъ на переобремененіе, хотя здѣсь въ основѣ жалобы лежатъ, разумѣется, другіе мотивы. Очевидно, что здѣсь въ основѣ жалобы лежитъ не желаніе вообще отдѣлаться отъ работы, а скорѣе другое желаніе—болѣе совершеннымъ образомъ удовлетворить тѣмъ возросшимъ требованіямъ, которыя ставитъ отдѣльному ученому прогрессъ науки. Но я считаю неправильнымъ путь, здѣсь предложенный, ибо онъ повелъ бы къ отдѣленію психологіи именно отъ той области науки, безъ которой она обойтись не можетъ. Посмотрите только на психологическую литературу послѣднихъ лѣтъ! Если выдѣлить изъ чисто экспериментальныхъ работъ протоколы и таблицы опытовъ, которыми эти работы снабжаются часто въ невѣроятно обильныхъ размѣрахъ, то сочиненія и статьи, авторы которыхъ вторгаются въ области метафизики и теоріи познанія, составятъ почти половину всей психологической литературы. Вопросу объ отношеніи между тѣломъ и душой, „психофизическому параллелизму“, примѣненію принципа энергіи въ области душевной жизни, сущности интеллекта и воли, вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ память зависитъ отъ матеріальныхъ процессовъ, какъ и многимъ другимъ вопросамъ, которые всякій признаетъ за проблемы, въ равной мѣрѣ психологическія и философскія, посвящены многочисленныя работы, написанныя какъ экспериментальными психологами, такъ и философами. Какое множество диссертацій написано на тему о „психофизическомъ параллелизмѣ“, столь излюбленную молодыми учеными, повидимому, какъ гимнастика ума!

Но обязаны ли эти диссертаціи своимъ появленіемъ болѣе философамъ или психологамъ, мнѣ трудно рѣшить. Но несомнѣнно одно: весь характеръ совре-

менной психологической литературы свидѣтельствуетъ о томъ, что полное отдѣленіе эмпирической или экспериментальной психологіи отъ философіи произошло уже въ наукѣ само или, по меньшей мѣрѣ, предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ.

Указываютъ, конечно, и на то, что психологъ и въ будущемъ можетъ, если захочетъ, заниматься философскими проблемами и даже читать лекціи по философіи, какъ это можетъ дѣлать всякій человѣкъ. Но кто это утверждаетъ, забываетъ о томъ тѣсномъ взаимодѣйствіи, въ которомъ находятся самостоятельная работа научнаго изслѣдованія и преподаваніе. Какъ ни мало связана съ академическимъ преподаваніемъ именно философія, тѣмъ не менѣе, и здѣсь для университетскаго преподавателя весьма полезно, когда онъ знакомитъ тѣсный кругъ своихъ слушателей съ плодами своей работы и размышленій прежде, чѣмъ предложить ихъ вниманію болѣе широкаго круга читателей: лекціи эти оказываются весьма благотворными для дальнѣйшей его работы. Съ своей стороны, я долженъ открыто заявить, что я ни одной болѣе или менѣе крупной философской работы не отдавалъ въ печать прежде, чѣмъ провѣрить ее на академическихъ лекціяхъ. Сюда, однако, присоединяется еще одно роковое заблужденіе. Возможно, что сейчасъ же послѣ оффиціальнаго отдѣленія психологіи отъ философіи профессоръ философіи отнесется спокойно къ тому, что психологъ продолжаетъ, какъ и раньше, читать лекціи по философіи. Но, вѣдь, это— общеизвѣстный фактъ, что академическіе преподаватели въ большинствѣ случаевъ смотрятъ на спеціальности, по которымъ они обязаны читать, какъ на свою неотъемлемую собственность. Врядъ ли, поэтому, удастся избѣжать случаевъ, когда философъ будетъ протестовать противъ психолога, который вторгнется

въ его область, какъ, напримѣръ, физикъ протестовалъ бы, если бы химикъ захотѣлъ читать въ томъ же мѣстѣ лекціи по экспериментальной физикѣ, въ особенности, если этотъ химикъ придерживается взглядовъ, діаметрально противоположныхъ взглядамъ физики. Но забудемъ объ этомъ, допустимъ, что въ академическомъ мірѣ начинаетъ вѣять духъ терпимости, какого до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не было. Въ такомъ случаѣ студенты, на которыхъ преподаватели, производящіе экзамены, оказываютъ, какъ извѣстно, огромное притягательное дѣйствіе, позаботятся уже о томъ, чтобы психологу надоѣли предметы, чтеніе по которымъ на нихъ оффиціально не возложено. Ибо не менѣе общеизвѣстный фактъ, что склонность читать лекціи значительно ослабляется по мѣрѣ уменьшенія числа слушателей.

Наконецъ, жалоба на переобремененіе экспериментальныхъ психологовъ связана, мнѣ кажется, съ другимъ еще заблужденіемъ. Указываютъ на усиленіе потребности въ знаніи психологіи и въ такихъ спеціальныхъ областяхъ, въ которыхъ этой потребности до сихъ поръ не было. Допустимъ, что подъ дѣйствіемъ этой потребности число медиковъ, юристовъ и, можетъ быть, даже филологовъ на лекціяхъ по психологіи въ будущемъ возрастетъ, допустимъ даже, что нѣкоторые изъ этихъ чужаковъ забредутъ даже въ психологическую лабораторію. Допустимъ даже, что странная мысль объ обязательномъ экзаменѣ по психологіи, какъ онъ проектировался, напримѣръ, для медиковъ, привела бы къ нѣкоторому увеличенію еще числа этихъ вынужденныхъ слушателей. Почему же это должно привести къ значительному переобремененію профессора психологіи? Повидимому, здѣсь разсужденіе отъ обратнаго. Предполагается, что увеличенію

личеніе работы профессора психологіи, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ никакой связи, а если она и есть, то связь весьма небольшая. Если, вмѣсто ста студентовъ, лекціи по психологіи слушаютъ двѣсти, то число студентовъ дѣйствительно возросло вдвое, но работа доцента ничуть не возросла, его работа стала выгоднѣе, но не больше. Въ частности, ему врядъ ли придется по этой причинѣ болѣе или менѣе значительно увеличить число своихъ лекцій и упражненій. Въ виду этого можетъ возникнуть опасеніе противоположнаго характера, а именно: если профессору психологіи придется добровольно или невольно отказаться отъ участія въ философскомъ преподаваніи, то не получится ли слишкомъ большой досугъ у него? Возьмемъ въ качествѣ масштаба современное положеніе вещей, допустимъ даже, что требованія на преподаваніе психологіи въ будущемъ значительно еще возрастутъ. Тѣмъ не менѣе врядъ ли психологу придется прочитать болѣе одной лекціи въ годъ на тему, касающуюся всей области психологіи. Повторять эту лекцію каждый семестръ врядъ ли будетъ для него самого желательно—въ виду отупляющаго дѣйствія такихъ вѣчныхъ повтореній, и врядъ ли это потребуется въ виду ожидаемаго числа слушателей. Допустимъ, поэтому, что психологъ въ теченіе зимняго семестра читаетъ четырехъ-часовой курсъ по психологіи. Лѣтомъ онъ или совсѣмъ свободенъ или читаетъ небольшой курсъ на ту или другую спеціальную тему по психологіи. Такъ какъ, однако, такія спеціальныя лекціи весьма мало или даже вовсе не посѣщаются, то такой курсъ будетъ объявленъ, вѣроятно, только въ нѣкоторыхъ изъ болѣе крупныхъ университетовъ. Сюда слѣдуетъ прибавить еще занятія въ семинаріяхъ, которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ врядъ ли отнимутъ болѣе пары часовъ въ день,

но въ большинствѣ случаевъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю. Врядъ ли кто-нибудь не согласится съ тѣмъ, что такія требованія отъ профессора значительно ниже тѣхъ среднихъ требованій, которыя предъявляются въ настоящее время профессорамъ другихъ каѳедръ на философскомъ или какомъ бы то ни было другомъ факультетѣ.

Наконецъ, нѣкоторые предлагаютъ для того, чтобы увеличить число студентовъ, занимающихся психологіей, включить этотъ предметъ въ число предметовъ государственнаго экзамена для представителей нѣкоторыхъ спеціальностей. Предлагающіе это забываютъ, очевидно, что психологія—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—вовсе не является такой твердо установившейся наукой, чтобы могли быть выставлены опредѣленныя, одинаковыя для всѣхъ требованія, которыя профессоръ могъ бы предъявить всѣмъ экзаменующимся, изъ какого университета они не явились бы. Если изъ множества оттѣнковъ въ изложеніи философіи выдѣлить наиболѣе распространенные, мы получимъ три направленія: ассоціаціонную психологію, такъ называемую, „апперцепціонную психологію“ и современную, такъ называемую, „психологію интеллекта“ (Denkpsychologie). Общеизвѣстное понятіе ассоціаціонной психологіи врядъ ли нуждается въ дальнѣйшемъ выясненіи. Нуждается въ такомъ разъясненіи скорѣе терминъ „апперцепціонная психологія“. Но здѣсь достаточно будетъ сказать, что этимъ терминомъ обозначается, большей частью, то направленіе въ психологіи, которое считаетъ понятіе ассоціацій въ его обычной формѣ относимой къ готовымъ и сравнительно неизмѣннымъ представленіямъ, въ корнѣ ошибочнымъ и нуждающимся въ болѣе глубокомъ анализѣ и, кромѣ того, для объясненія комплексныхъ психическихъ функцій привлекаетъ извѣстные эле-

менты, проявляющіеся преимущественно въ процессахъ воли. „Психологіей интеллекта“, наконецъ, было въ послѣднее время названо направленіе, занимающееся преимущественно изученіемъ сложныхъ интеллектуальныхъ процессовъ логическаго мышленія, и самый характерный признакъ этого направленія состоитъ въ томъ, что оно пытается и эти процессы изслѣдовать экспериментальнымъ путемъ. Понятіе эксперимента употребляется здѣсь не въ обычномъ, а въ отличномъ отъ него значеніи. Такъ, напримѣръ, любой вопросъ на который должно отвѣтить испытуемое лицо, разсматриваютъ, какъ вызванное въ его сознаніи раздраженіе, а отвѣтъ—какъ реакцію на это раздраженіе. Допустимъ теперь, что студентъ, слушавшій лекціи у сторонника ассоціаціонной психологіи, вынужденъ экзаменоваться у сторонника апперцепціонной психологіи. Послѣдній, вѣроятно, найдетъ его познанія весьма недостаточными. Точно также врядъ ли выдержитъ свой экзаменъ у сторонника ассоціаціонной или апперцепціонной психологіи студентъ, слушавшій лекціи у сторонника третьяго направленія, а у послѣдняго, вѣроятно, срѣжутся слушатели первыхъ двухъ направленій. Можно на это, конечно, возразить, что и въ смыслѣ философіи дѣло обстоитъ не иначе. И я не стану противъ этого возражать, поскольку рѣчь идетъ о такихъ систематическихъ предметахъ, какъ метафизика, этика, теорія познанія и т. д. Но есть одна область, свободная отъ этой относительности: исторія философіи. И каждый справедливый экзаменаторъ, когда къ нему явится на экзаменъ студентъ, не совсѣмъ знакомый ему, станетъ задавать ему только вопросы, относящіеся къ названной области. Мнѣ могутъ отвѣтить на это, что въ будущемъ и въ психологіи дѣло будетъ обстоять иначе, такъ какъ она старается все болѣе и болѣе пользоваться точными ме-

тодами. Но въ такомъ случаѣ умѣстно подождать этого будущаго, которое покуда еще очень далеко, со своими преобразованіями въ дѣлѣ преподаванія психологіи, разъ въ настоящее время почти совершенно отсутствуетъ самая необходимая для этого предпосылка—существованіе одного общаго для всѣхъ учебнаго матеріала. Мало того, если принять въ соображеніе тѣ общія проблемы психологіи, о которыхъ мы говорили выше и которыя и въ настоящее время, какъ всегда раньше, играютъ выдающуюся роль въ психологической литературѣ, нельзя не усомниться въ томъ, наступитъ ли когда-либо такое единодушіе, которое создастъ общую основу для различныхъ воззрѣній. Что же остается, когда отбрасываютъ именно то, что представляетъ наибольшій интересъ для учащихся и наиболѣе важно для общаго психологическаго образованія? Неужели же довольствоваться парой—другой заученныхъ наизусть чиселъ и эмпирическими законами, допускающими нѣсколько толкованій, если и не совсѣмъ спорными? Но тѣ, болѣе общіе и потому наиболѣе важные для психологическаго образованія вопросы столь тѣсно связаны съ опредѣленной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрѣнія, что непонятно, какъ они когда-либо исчезнутъ изъ психологіи. Именно этотъ фактъ ясно доказываетъ, что психологія относится къ философскимъ дисциплинамъ, и что таковой она останется и послѣ превращенія въ самостоятельную науку, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, въ основѣ такой самостоятельной науки могутъ лежать только метафизическія воззрѣнія скрытыя и—если отдѣлившіеся отъ философіи психологи не будутъ обладать болѣе или менѣе основательнымъ философскимъ образованіемъ—незрѣлыя. Поэтому никому это отдѣленіе не принесетъ больше вреда, чѣмъ психологамъ, а черезъ нихъ и психологіи. Тотъ

упрекъ, который нѣкоторые философы выдвигаютъ противъ нея въ настоящее время безъ всякаго основанія, а именно, что она скорѣе техническая, чѣмъ чисто научная дисциплина, можетъ тогда въ ужасающихъ размѣрахъ превратиться въ дѣйствительность. Если же затѣмъ съ прогрессивнымъ раздѣленіемъ труда одинъ психологъ станетъ исключительно заниматься вопросами памяти и цѣлесообразныхъ методовъ заучиванія наизусть, другой—опытами по различнымъ реакціямъ и индивидуальнымъ различіямъ въ нихъ, третій—опредѣленіемъ пороговъ раздраженія, четвертый—опытами по вопросамъ мышленія и т. д., тогда, дѣйствительно, наступитъ пора, когда психологи превратятся въ ремесленниковъ, и ремесленниковъ вовсе не самаго полезнаго типа.

Но что же вы скажете объ Америкѣ? спроситъ насъ, можетъ быть, одинъ изъ психологовъ, требующихъ во чтобы то ни стало отдѣленія психологіи отъ философіи. Какое значеніе могутъ имѣть эти возможныя, хотя и далеко еще не воплотившіяся въ дѣйствительность послѣдствія предъ лицомъ того гигантскаго развитія, котораго достигла экспериментальная психологія въ Америкѣ въ теченіе немногихъ десятилѣтій? А вѣдь тамъ эти успѣхи были достигнуты съ самаго начала на основѣ строгаго отдѣленія—въ особенности, въ крупныхъ университетахъ—психологіи отъ философіи. Мнѣ совершенно чуждо, разумѣется, желаніе оспаривать великія заслуги американцевъ въ дѣлѣ развитія нашей науки. Если число психологическихъ лабораторій въ Сѣверной Америкѣ въ настоящее время чуть-ли не въ десять разъ больше ихъ числа во всей Европѣ, то, вѣдь, даже среди этихъ немногихъ, нѣкоторыя въ особенности, напримѣръ, англійскія и французскія, врядъ-ли существовали бы, если бы не эти успѣхи американцевъ. Но не слѣдуетъ же забывать,

что именно въ университетскомъ дѣлѣ существуютъ большія различія между различными странами, отчасти объясняющіяся различными историческими условіями, но главнымъ образомъ соотвѣтствующія существенно различнымъ условіямъ общей духовной культуры страны. Именно поэтому, надо думать, сенатъ города Гамбурга, не безъ основанія, отклонилъ возникшій было проектъ преобразовать гамбургскую высшую школу отчасти по американскому образцу. Задуманный „колоніальный факультетъ" вообще никакого прототипа не имѣетъ, а представляетъ собой специфическій гамбургскій продуктъ, и въ дѣйствительности это — факультетъ, какъ извѣстно, скорѣе мнимый, чѣмъ дѣйствительный, такъ какъ коллегія преподавателей принадлежитъ, главнымъ образомъ, къ другимъ факультетамъ, да и лекціи, которыя они читаютъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ лекціями и этихъ другихъ факультетовъ. То, что мы сказали объ университетѣ въ цѣломъ, относится въ общемъ и къ отдѣльнымъ предметамъ и въ наиболѣе сильной степени къ тѣмъ изъ нихъ, которые, подобно философіи, находятся въ наиболѣе тѣсной связи съ различіями національныхъ интересовъ. У насъ психологія, оставаясь вѣрной своему происхожденію изъ философіи, представляетъ собой и въ настоящее время область теоретическаго преподаванія и изслѣдованія, и никто, знакомый съ существующимъ положеніемъ вещей, не можетъ пожелать, чтобъ это стало иначе, несмотря на весь все возрастающій интересъ, который возбуждаютъ примѣненія психологіи къ педагогикѣ, психіатріи и т. д. Слишкомъ много у насъ чисто теоретическихъ проблемъ, чтобы мы могли забыть о нихъ ради этихъ практическихъ примѣненій. Совершенно при другихъ условіяхъ развивалась въ Америкѣ экспериментальная психологія. Съ одной стороны, значительно содѣйствовала отдѣ-

ленію психологіи отъ другихъ философскихъ областей постановка преподаванія въ американскихъ университетахъ, изъ которыхъ менѣе крупные болѣе или менѣе приближаются къ нашимъ среднимъ школамъ, а болѣе крупные близко подходятъ къ типу англійскихъ университетовъ: школьный характеръ преподаванія, да и примѣръ англійскихъ университетовъ вообще содѣйствовали болѣе строгому размежеванію отдѣльныхъ дисциплинъ. Съ другой же стороны, практическій умъ американцевъ съ самаго же начала извлекъ изъ новаго экспериментальнаго направленія въ психологіи то, что у насъ пришло, собственно говоря, въ концѣ: практическое и прежде всего педагогическое его значеніе. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ то время, какъ у насъ экспериментальная педагогика составляетъ область примѣненія психологіи, въ Америкѣ, наоборотъ, психологія скорѣе играетъ подготовительную роль для педагогики. Отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, разумѣется, что въ Америкѣ нѣтъ ученыхъ, занимающихся теоретическими проблемами; нѣтъ, ихъ очень много и они занимаются ими ревностно и съ успѣхомъ. Весьма процвѣтаютъ тамъ наука о языкѣ, этнологія, самыя различныя области естествознанія, но и психологія насчитываетъ цѣлый рядъ весьма даровитыхъ представителей. При всемъ томъ именно педагогическій интересъ, которымъ проникнутъ въ Америкѣ весь образованный міръ и который составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ американской культуры, не могъ не придать свое специфическое направленіе экспериментальной психологіи, заимствованной извнѣ и затѣмъ самымъ ревностнымъ образомъ самостоятельно разрабатываемой. Весьма сомнительно, нашла ли бы новая психологія столь быстрое распространеніе и такое множество блестящихъ представителей въ новомъ мірѣ, если бы не

этотъ педагогическій интересъ. Однако, этими же обстоятельствами обусловливаются и фактическія границы для ея развитія, и безъ того вызванныя упомянутой постановкой преподаванія въ высшихъ школахъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ американцы удивлялись тому, что наши лекціи по философіи слушаютъ не только всѣ группы, такъ называемаго, философскаго факультета, но и юристы, медики и теологи, и что кое-кто изъ нихъ работаетъ даже въ психологической лабораторіи. Въ Америкѣ лекціи по психологіи слушаетъ будущій преподаватель или вообще человѣкъ, интересующійся спеціально педагогикой. Психологія есть предметъ спеціальный, которымъ представитель другой спеціальности, кромѣ педагогики, обыкновенно вовсе не интересуется. Этимъ объясняется, конечно, и тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ Германіи интересъ къ психологіи замѣтно возросъ въ кругахъ, занимающихся изученіемъ языкознанія, науки о религіи, этнологіи, вообще дисциплинъ, соприкасающихся съ психологіей народовъ, въ Америкѣ ничего подобнаго не замѣтно. Поэтому намъ совсѣмъ не слѣдуетъ, мнѣ кажется, подражать американцамъ заимствовать у нихъ то, что возникло тамъ при совершенно другихъ, чѣмъ наши, условіяхъ, что представляетъ собой выраженіе чисто американской культуры, но что у насъ совершенно не можетъ привиться, какъ не могли бы привиться и нѣкоторыя другія стороны американской жизни.

IV.

Если философы называютъ психологію просто „экспериментальной психологіей“, то ихъ до нѣкоторой степени можно понять, если принять въ соображеніе невысказываемое желаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ

возможно подальше удалить психологію изъ сферы философіи. Но если сами психологи говорятъ о ней, какъ о дисциплинѣ, исключительно экспериментальной, то это труднѣе понять. Существуетъ же—и именно психологи должны были бы это знать!—одна область, которую принято называть „психологіей народовъ", и которая даже выдѣлила уже изъ себя нѣкоторыя отдѣльныя, болѣе спеціальныя области, какъ психологія языка, психологія религіи, психологія общества и т. д.,—область, изучаемая не только спеціалистами-психологами, но и представителями другихъ научныхъ областей, какъ наука о религіи, соціологія и т. д. Участіе психологовъ въ этой работѣ желательно, очевидно, и даже необходимо не только потому, что они обладаютъ гораздо болѣе многостороннимъ, чѣмъ представители тѣхъ научныхъ дисциплинъ, знакомствомъ съ болѣе элементарными душевными явленіями, но и потому прежде всего, что высшія душевныя функціи человѣческаго сознанія могутъ быть изучены—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія!—только на основѣ этихъ общихъ явленій духовнаго развитія. Психологія мышленія, напримѣръ, безъ основательнаго углубленія въ психологію языка есть вещь невозможная, и это должно стать ясно каждому психологу въ такой же мѣрѣ, въ какой спеціалистамъ по языкознанію давно уже ясна стала безусловная необходимость психологіи для ихъ цѣлей. Было бы, конечно, грубымъ заблужденіемъ смѣшать здѣсь само мышленіе съ его проявленіемъ въ языкѣ: это проявленіе есть въ такой же мѣрѣ симптомъ психическихъ процессовъ, какъ мышечныя сокращенія представляютъ собой для физіологовъ симптомы процессовъ, происходящихъ въ нервной системѣ. Но это различіе между симптомомъ и самой функціей вовсе не обязываетъ насъ отвлекаться отъ проявленій функцій вообще. Кто же это

дѣлаетъ, подобенъ физіологу, кто захотѣлъ бы изучать процессы иннервацiи, не обращая никакого вниманія на явленія, вызываемыя этими процессами въ периферическихъ конечныхъ аппаратахъ нервной системы. Здѣсь передъ нами то роковое вліяніе, какое можетъ имѣть слово, примѣняемое за предѣлами той области, гдѣ оно сохраняетъ свое значеніе. Если болѣе элементарныя области психологіи называть „экспериментальной психологіей“ и усматривать въ ней важный отличительный признакъ отъ болѣе старой психологіи, которая не пользовалась этимъ вспомогательнымъ средствомъ, то это, конечно, вполнѣ правильно. Но если всю психологію называть экспериментальной, то это столь же несомнѣнно невѣрно, потому что есть области, по природѣ своей недоступныя эксперименту. Сюда относится прежде всего развитіе мышленія, и сюда же относится также цѣлый рядъ дальнѣйшихъ, связанныхъ съ нимъ, проблемъ развитія, какъ, напримѣръ, проблема развитія художественной фантазіи, миѳа, религіи, нравовъ. Было бы, конечно, неопасно, если бы психологи называли всю науку свою въ цѣломъ, какъ это и происходило первоначально, именемъ, характернымъ для важнѣйшей части ихъ методовъ. Какъ это показываютъ нѣкоторые примѣры, часто происходитъ не то, а названіе совпадаетъ у нихъ съ самимъ дѣломъ. Они называютъ себя экспериментальными психологами, и на этомъ основаніи чувствуютъ себя вообще свободными отъ обязанности посвящать свое вниманіе областямъ, выходящимъ за предѣлы эксперимента или же—что еще хуже—они и къ ихъ изученію примѣняютъ методъ экспериментальный. Такъ зародилась, такъ называемая, экспериментальная психологія интеллекта. Самый обычный ея методъ заключается въ томъ, что при помощи вопроса, утвержденія или какого-нибудь необычайнаго дѣйствія

вызывается въ „испытуемомъ лицѣ“ нѣкоторый процессъ мышленія, который и регистрируется; если же никакого процесса мышленія нѣтъ, то объ этомъ размышляется, и это размышленіе о дѣлѣ выдается за само дѣло. Вящъ-ли стоитъ доказывать, что эксперименты въ такихъ опытахъ вообще не представляютъ собою экспериментовъ въ научномъ смыслѣ. Но они получаются, какъ естественный результатъ, разъ экспериментъ примѣняется къ проблемамъ, къ которымъ онъ по сути вещей вообще непримѣнимъ.

Намѣренная абстракція отъ проблемъ, относящихся къ психологіи народовъ, или аннексія ихъ экспериментальной психологіей оказывается весьма кстати для тѣхъ, кто утверждаетъ, что экспериментальная психологія не зависитъ отъ философіи, когда они прибѣгаютъ къ помощи прагматической максимы, столь распространенной въ настоящее время у философовъ и у психологовъ: пріемлемо всякое допущеніе, если только оно практически полезно. Пусть, однако, пытаются этимъ способомъ удалить препятствія, которыя создаютъ вокругъ основныхъ проблемъ психологіи теорія познанія и метафизика, но съ проблемами духовной жизни общества, которыя ведутъ же вмѣстѣ съ тѣмъ въ гущу практическихъ примѣненій психологіи, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Какъ устранить контактъ между психологіей религіи и философіей религіи, между психологіей нравовъ и этикой? Если размежеваніе съ теоріей познанія есть начало всякой научной психологіи, не желающей остановиться на случайно скомбинированныхъ наблюденіяхъ, то, въ концѣ-концовъ, психологія тѣсно соприкасается съ тѣми дисциплинами философіи, и только это даетъ ей право претендовать на значеніе основы всѣхъ наукъ о духѣ. Правда, кое-кто утверждалъ, что именно то, что психологія собирается сдѣлать, а именно, отдѣ-

литься отъ философіи, произойдетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и съ тѣми спеціальными областями философіи: этика вмѣстѣ съ соціологіей и философіей права станетъ частной областью юриспруденціи, философія и психологія языка станетъ частной областью грамматики и исторіи языка, а философія и психологія религіи станетъ неразрывной частью теологіи. Если этой программѣ суждено когда-либо осуществиться, то это будетъ, конечно, самымъ крайнимъ осуществленіемъ принципа раздѣленія труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесетъ смертельный ударъ тому принципу совмѣстной работы наукъ, защиту котораго—въ противовѣсъ принципу раздѣленія отдѣльныхъ задачъ—философія считала своимъ спеціальнымъ призваніемъ. Тогда, конечно, сама философія станетъ спеціальной дисциплиной, а былой философъ станетъ абстрактнымъ гносеологомъ и сможетъ въ одинокой тишинѣ отдаваться свободнымъ отъ всякихъ предпосылокъ умозрѣніямъ, совершенно не интересуясь развитіемъ положительныхъ наукъ. Само собою разумѣется, что тогда обѣ стороны не станутъ болѣе жаловаться на слишкомъ большое обремененіе. Но, конечно, врядъ ли тотъ или другой будетъ въ состояніи отдѣлаться отъ вопроса: что же собственно такое теорія познанія, если она совершенно не интересуется дѣйствительнымъ содержаніемъ и методами научнаго познанія, и какая цѣна психологіи, которая знать ничего не хочетъ о важнѣйшихъ проявленіяхъ душевной жизни человѣка?

Слѣдуетъ думать, что подобныя послѣдствія совершенно не желательны для большинства сторонниковъ отдѣленія психологіи отъ философіи, будь то философы или психологи; но они должны наступить, по меньшей мѣрѣ, въ нѣкоторой части своей: этого требуетъ неумолимая логика самихъ фактовъ. Именно тѣмъ, что она является частной наукой философіи и вмѣстѣ съ

тѣмъ также эмпирической наукой о духѣ, психологія цѣнна для философіи и для эмпирическихъ частныхъ наукъ, являясь самымъ главнымъ соединительнымъ звеномъ между ними. Легко поэтому можетъ случиться, что когда желаніе философовъ и психологовъ исполнится и психологія будетъ выдѣлена изъ философіи, обѣ стороны окажутся въ положеніи пары изъ сказки о трехъ желаніяхъ и будутъ страстно стремиться къ возстановленію стараго status quo.

Итакъ, единодушное требованіе обѣихъ сторонъ, исходящихъ, правда, изъ прямо противопожныхъ мотивовъ, не послужитъ на пользу ни той, ни другой сторонѣ. Но нельзя отрицать того факта, что съ новѣйшимъ развитіемъ нашихъ университетовъ возникли бѣдствія, устраненіе которыхъ весьма желательно, но, конечно, совсѣмъ другимъ путемъ, а не предложеннымъ отдѣленіемъ психологіи отъ философіи. Прежде всего нельзя отрицать того, что съ огромнымъ ростомъ философскихъ факультетовъ и расширеніемъ областей философскихъ въ тѣсномъ смыслѣ наличное число преподавательскихъ силъ въ этихъ областяхъ оказалось недостаточнымъ. Этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ двумя путями, которые и осуществляются уже отчасти въ нѣкоторыхъ университетахъ. Одинъ состоитъ въ увеличеніи числа ординарныхъ профессоровъ философіи; другой, легче осуществимый, и потому болѣе намъ близкій, заключается въ привлеченіи къ преподаванію нѣкоторыхъ предметовъ—экстраординарныхъ профессоровъ, съ представленіемъ имъ участія также въ государственныхъ экзаменахъ и экзаменахъ на званіе доктора. Среди нашей болѣе молодой доцентуры замѣчается въ настоящее время стремленіе къ расширенію своихъ правъ за предѣлами права читать лекціи и руководить упражненіями въ опредѣленныхъ областяхъ. Плохо въ этомъ

движеніи то, что на первый планъ не выдвигается готовность взять на себя и обязанности, безъ которыхъ всякія права, хотя бы, напримѣръ, право участія въ собраніяхъ факультета, были бы вѣдь только правами мнимыми. Право и обязанность неразрывно между собою связаны и въ академической жизни. Съ другой стороны профессора, и въ особенности профессора философіи, постоянно жалуются на переобремененіе экзаменами и оцѣнками диссертацій. Чего же лучше? Можно удовлетворить обѣ стороны, если привлечь къ участію въ этихъ работахъ старшихъ и наиболѣе опытныхъ экстраординарныхъ профессоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же слѣдуетъ поручить преподаваніе тѣхъ предметовъ, которыми ординарные профессора мало или вовсе не занимаются. Этимъ будетъ достигнута двойная выгода: во-первыхъ, освобожденіе академическихъ преподавателей отъ побочныхъ работъ, что дастъ имъ возможность заняться свободной научной работой, которой долженъ заниматься всякій, желающій двигаться впередъ, и, во-вторыхъ, большая многосторонность самого академическаго преподаванія, обусловленная привлеченіемъ большаго числа преподавательскихъ силъ.

Второе бѣдствіе нашихъ университетовъ заключается въ томъ, что при назначеніи на философскія кафедры нерѣдко упускается изъ виду необходимость взаимнаго дополненія предметовъ преподаванія. Больше всего повинны въ этомъ бѣдствіи сами философскіе факультеты и прежде всего ихъ совѣтники, профессора философіи: когда какой-нибудь коллега ихъ оставляетъ университетъ, они стараются привлечь ему замѣстителя, придерживающагося тѣхъ же взглядовъ, того же направленія, а потому и предпочитающаго и тѣ же предметы преподаванія. Отсюда—множество школъ мѣстнаго значенія или, по меньшей

мѣрѣ, покровительство одностороннимъ направленіямъ. Этому отчасти можетъ уже помочь привлеченіе экстраординарныхъ профессоровъ къ регулярному преподаванію, но еще больше,—цѣлесообразное распредѣленіе главныхъ предметовъ преподаванія между ординарными профессорами, не связывая съ этимъ, конечно, ограниченія одними этими главными предметами. Въ крупныхъ университетахъ потребуется не менѣе трехъ ординарныхъ профессуръ: одна—для систематическихъ предметовъ, другая—для исторіи философіи, а третья—для психологіи; однако, историку должно быть предоставлено право заниматься и систематическими предметами, а психологу — систематическими и историческими. Тогда само собой получится необходимая многосторонность направленій, до извѣстной степени связанная всегда съ тѣми главными областями. Вѣдь, у историка будетъ въ большинствѣ случаевъ нѣсколько другое отношеніе къ систематическимъ проблемамъ, чѣмъ у чистаго систематика, и въ еще большей степени этого слѣдуетъ ожидать у психолога. Сколь плодотворно можетъ стать такое многообразіе, обусловленное цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ учебнаго матеріала, показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ высшихъ школъ, въ которыхъ такое гармоническое взаимодѣйствіе существуетъ уже много лѣтъ, къ пользѣ учащихся да и самихъ преподавателей. Въ менѣе крупныхъ университетахъ будетъ достаточно одного ординарнаго и одного экстраординарнаго профессора, если только предоставить послѣднему необходимое участіе въ упражненіяхъ и испытаніяхъ, какъ и спеціальныя средства преподаванія, необходимыя въ его области. Что же касается жалобъ какъ философовъ, такъ и психологовъ на то, что конкурренція съ представителями другихъ областей уменьшаетъ шансы молодыхъ доцентовъ по философіи и

психологіи на дальнѣйшее движеніе впередъ, то и въ этомъ отношеніи мой планъ принесетъ, по меньшей мѣрѣ, не менѣе пользы, чѣмъ выдѣленіе психологіи изъ философіи и возвышеніе ея въ рангъ самостоятельной науки.

Врядъ ли слѣдуетъ опасаться, что правительства поторопятся удовлетворить требованіе психологовъ и философовъ о выдѣленіи психологіи изъ философіи. Въ теоріи такіе планы радикальныхъ реформъ осуществляются гораздо легче, чѣмъ на практикѣ и практикъ въ гораздо болѣе сильной степени чувствуетъ себя обязаннымъ обсудить послѣдствія такихъ мѣръ со всѣхъ сторонъ, чѣмъ теоретикъ, который легко можетъ не замѣтить именно тѣ возможныя послѣдствія, которыя оказываются въ противорѣчіи съ его собственными желаніями. Но допустимъ, что правительства обнаруживаютъ готовность пойти навстрѣчу этимъ желаніямъ. Врядъ ли кто-нибудь даже изъ среды подписавшихъ заявленіе о необходимости выдѣленія психологіи изъ философіи надѣется на то, что сейчасъ же во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ будутъ учреждены самостоятельныя каѳедры по психологіи, снабженныя всѣми необходимыми лабораторными средствами. Всѣмъ достаточно хорошо извѣстно, что въ Пруссіи, напримѣръ, въ настоящее время насчитывается не болѣе четырехъ—пяти весьма скромно оборудованныхъ психологическихъ лабораторій, среди которыхъ нѣкоторыя представляютъ лишь одно собраніе демонстративныхъ приборовъ. Въ Гейдельбергѣ и Фрейбургѣ и, насколько я знаю, также въ Тюбингенѣ и Іенѣ такихъ лабораторій совсѣмъ нѣтъ. Бавaрія имѣетъ одинъ только такой институтъ и второй учреждается въ Мюнхенѣ. Трудно допустить, что при такихъ условіяхъ нѣмецкія правительства

сейчасъ же дадутъ средства для устройства лабораторій огромному большинству университетовъ, которые до сихъ поръ были совершенно лишены ихъ. Это тѣмъ менѣе вѣроятно, что философъ, который до сихъ поръ преподавалъ психологію и руководилъ семинаріей по психологіи въ качествѣ предмета побочнаго, удовольствуется гораздо болѣе скромными средствами для дальнѣйшаго веденія дѣла, чѣмъ чистый психологъ. Государство, обладающее болѣе или менѣе значительнымъ числомъ университетовъ, захочетъ, вѣроятно, сначала устроить лабораторіи въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе крупныхъ университетовъ, чтобъ провѣрить, насколько реформа полезна, а не станетъ устраивать лабораторіи сразу во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но только энтузіастъ, потерявшій подъ ногами почву дѣйствительности, можетъ прельщать себя надеждой, что проба, произведенная такимъ образомъ, увѣнчается успѣхомъ и поведетъ къ основанію дальнѣйшихъ психологическихъ лабораторій. Человѣкъ же опытный, знающій современное положеніе вещей—а строимъ же мы свои планы о будущемъ на основѣ настоящаго!—знаетъ, что самая существенная часть работы психологовъ связана въ настоящее время съ тѣмъ, что онъ въ лекціяхъ, какъ и на государственныхъ экзаменахъ и на экзаменахъ на званіе доктора, выступаетъ, какъ философъ. Поэтому если психологію изолировать, то она неизбѣжно превратится въ предметъ побочный. Такъ, врядъ ли кто-нибудь рѣшится включить ее, напримѣръ, рядомъ съ философіей въ число обязательныхъ испытаній для нашихъ учителей среднихъ школъ, какъ, такъ называемый, „образовательный предметъ“. Столь же невозможно поставить ее наряду съ философіей, предоставивъ экзаменующемуся выборъ между ними. Кромѣ того, и само по себѣ ясно, что если бы на время и, вѣ-

роятно, на долгій срокъ ограничить преподаваніе экспериментальной психологіи не многими высшими учебными заведеніями, то это значительно понизило бы интересъ къ ней. Поэтому еслибы правительства учредили на пробу только нѣсколько самостоятельныхъ каѳедръ по психологіи, то очень скоро эта проба, по всей вѣроятности, была бы признана неудавшейся. Несомнѣнно, однако, то, что самой психологіи это не принесло бы никакой пользы, а наоборотъ, нанесенъ былъ бы сильный ударъ. Ибо, если вѣрно то, что невысказаннымъ мотивомъ въ заявленіи философовъ было слишкомъ одностороннее занятіе экспериментальной психологіей, порой, дѣйствительно, превращающееся въ работу ремесленника, то этому вырожденію въ ремесло ничто не можетъ содѣйствовать въ болѣе сильной степени, чѣмъ это предложенное отдѣленіе психологіи отъ философіи. Если поэтому философы дѣйствительно одушевлены тѣми благожелательными чувствами по отношенію къ психологіи, о которыхъ говорится въ заявленіи, то они должны предложить какъ разъ обратное тому, что они на самомъ дѣлѣ предложили, и вездѣ, и всегда и сами дѣйствовать въ томъ же направленіи. Не слѣдуетъ даже допускать къ экзаменамъ такого кандидата, который является простымъ экспериментаторомъ и не обладаетъ достаточно основательнымъ психологическимъ и философскимъ образованіемъ. Далѣе, философы, какъ и психологи, сами должны вліять въ томъ направленіи, чтобы факультеты предлагали на вакантныя философскія каѳедры, съ которыми связано и общее преподаваніе психологіи, только такихъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ явиться дѣятельными и самостоятельными работниками и въ философіи.

Перев. *Г. Котляръ*.